

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ирина Критская
Да воздастся каждому по делам его

Часть 3. Ангелина

Ирина Критская
Да воздастся каждому по
делам его. Часть 3. Ангелина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67177313

SelfPub; 2023

Аннотация

В этой части повести Ангелина проживает лучшие годы жизни – она молода, сильна, красива и очень счастлива. У нее теперь есть все – любимая работа, семья, свой дом. Вот только воспоминания прошлого возвращают ее назад – иногда, не часто. И тогда ее сердце терзает печаль – да в жизни не все так гладко, как хотелось бы...И все равно – не у каждого зацветает в Светлое воскресенье срубленное деревце, поставленное в ведро с водой...Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Интернат	5
Глава 2. Володя	14
Глава 3. Обман	22
Глава 4. Кувшинки	29
Глава 5. Меры	38
Глава 6. Прялка	45
Глава 7. Прощание	53
Глава 8. Дома	60
Глава 9. Фиктивный брак	68
Глава 10. Жемчужинка	76
Глава 11. Секретарь	83
Глава 12. День рождения	91
Глава 13. Ссора	100
Глава 14. Все кончено	109
Глава 15. Приворот на крови	118
Глава 16. За раками	125
Глава 17. Пелагея	135
Глава 18. Море	143
Глава 19. Школа	152
Глава 21. Одуванчики	165
Глава 22. Свекор	175
Глава 23. Родные	184
Глава 24. Лина и Борис	194

Ирина Критская

Да воздастся каждому по делам его.

Часть 3. Ангелина

Глава 1. Интернат

Тонкий неверный лучик света проник под дверь, разрезав непроглядную темноту комнаты, и вместе с ним, как будто она именно его поджидала, резко хлопнула дверь. С грохотом и металлическим лязгом что-то упало с и, гремя, прокатилось по полу.

Заныла Ирка. Аля резко вскочила, сбив торшер, который вечно торчал перед диваном. Ударила коленку, и, матерясь про себя, ругая мать, оставившую дверь полуприкрытой, подскочила к кровати. Дочка стояла на неверных еще ножках и держалась за деревянные прутья спинки. В луче света ее кудряшки засветились было рыжеватыми искорками, но она втянула голову и сжалась. Последнее время ребенок стал бояться возвращения отчима, и Алю это бесило. Отчим снова начал пить, мать он, правда, не обижал, во вся-

ком случае прилюдно, но Але казалось, что он просто остерегается её гнева. Она давно переехала бы в квартирку при интернате, которую ей предложили, как лучшему воспитателю, но не была уверена, что отчим снова не примется за свое.

Погладив по вспотевшей головке и уложив дочурку, она тихонько сидела у кровати, пока та не засопела. Потом прислушалась. Было тихо. Хотела лечь, но в дверь заскреблись.

– Эй, Тигра, мать твою в качель. Выдь сюда, дело есть.

Аля вышла, прислонилась к стене, устало поправила пояс халата, сбившийся наверх. Отчим в последнее время сильно сдал, сгорбился, похудел, стал каким-то потрепанным. Да еще эта плешь, которую он пытался спрятать под жалкой редкой прядью, взятой взаймы у не менее плешивого затылка... Растянутая майка открывала нечистую грудь, покрытую редкими седыми волосками.

– Чего надо?

Але дико хотелось спать, вставала она в пять, и было хотела уйти в комнату, повернулась к нему спиной, но отчим взял ее за локоть мокрой холодной рукой.

– Чего надо, говорю? Или тебя угомонить?

Аля увеличила децибелы и угрожающе подбоченилась на всякий случай. Последнее время она заметно поправилась, при ее росте она казалась не то, что мощной, статной скорее, сильной, величавой даже. Отчим трусливо вжал голову в плечи и сунул ей сверток.

– Бери. Не кочевряжься. Подарок там Ирышке. Ей годик

ведь, хоть помнишь про дите со своими обосранцами? Мать вон пирог поставила вместо тебя, шлындры. Евдокия, карга припрет сюды, не забудь. В субботу дома будь. Учителка!

Аля растерянно взяла сверток. А ведь и правда... как же она забыть могла! Год уже прошел. Год... В комнате было прохладно, темно и тихо. Ирка сопела чуть слышно, в настежь открытое окно доносился лишь шелест зрелой листвы позднего лета. Пахло паровозным дымком и соляркóй, недалеко была станция. Аля осторожно включила торшер, прикрыв кровать простыней. Развернув сверток, достала маленького медвежонка с круглыми, не медвежьими коричневыми ушками и кудрявого, как овечка. Еще кулек карамелек и пачку полусломанного печенья. Что-то там было еще... шелковистое, нежное. Она вытащила белый комок и развернула к свету, встряхнула.

Потом, зажав себе рот, чтобы не хрюкнуть, хохотала, чуть не до слез. Шикарная шелковая комбинация, вся в кружевах, с тоненькими бретельками и игривым разрезом, маленького размера, на совсем худенькую женщину, купленную видно по случаю и очень недешево висела на деревянной спинке Иркиной кровати, отливая в свете лампы перламутровым, атласным отблеском...

– Думал платье, видно. А ведь старался... дед...

– Аль! Гелька, блин! Держи этого. Он весь запаршивел, вши даже в кофте его сраной, шерстяной. Держи говорю, рвется из рук, дрянь.

– Отстань, гада. Отвяжись, сволочь лысая.

Худенький пацаненок, весь в грязи, с засаленными длинными волосенками и круглыми голубыми глазенками выдирался из рук Верки, молодой сильной девахи с короткой бегобрысойс трижкой и распаренными красными большими руками. В банной стояло железное корыто, наполненное кипятком, корыто с теплой мыльной водой и несколько старых, ободранных и мятых шаек. В сторонке поставили ведро с противной во-нючей желтоватой жидкостью. Бензилбензоат – страшное, вонючее, но верное средство, не подводящее их никогда. Шел прием новеньких, почему-то часто подгадывали с этим именно на субботу, правда Аля не считала дней, она почти всегда была в интернате, со своими малышами. Но сегодня...

– Уйди! Сволочь! Дура! Аааа... Су... Больно же! Щиплет...

– Ах ты, скотина, малАя! Я тебе покусаясь, гаденыш.

Хлесткий звук подзатыльника в банной показался очень громким, мальчишка заорал и слезы, как большие бусины покатались по грязным донельзя щечкам, прокладывая светлые дорожки.

– Вер! Охренела! Он малыш совсем, давай я тебе по морде заеду, бл...

Аля с силой оттолкнула девку, та аж отлетела к стене, матерясь. Схватила малыша, обняла, вытерла слезы ладонью, краем его же рубахи подтерла ему нос. Он замолчал, только

морщился, всхлипывая.

– Мы с тобой тихонечко... сейчас все помоем, смажем. Я тебе волосики состригу красиво, модный будешь у меня, как певец. Знаешь, такой по телевизору поет, про любовь? А потом кушать пойдем, у нас кашка сегодня с вареньем. А потом сказки будем читать в спальне, ты любишь сказки?

Она еще что-то быстро говорила ему на ушко и тихонько сдирала с ребенка заскорузлую рубашку, отмачивая ткань от ссадин.

– У него, чесотка, идиотка, – Верка сзади зло сопела и ворчала, – А у тебя ребенок маленький, малохолдная. Пусть вон сам себя, вонючку, трет, ему уж лет пять, а то и шесть. Вполне может помыться.

– Отвали. Иди вон белье чистое принеси, а это вынеси. И ножницы дай.

Аля осторожно мыла ребенка, поставив его ножками в шайку. Он поскуливал, крепко держался за ее руку, но терпел. Завернула в полотенце, посадила на лавку, быстро стригла ножницами легкие, как пух волосенки, с отвращением смахнув с руки здоровенную толстую вошь. Снова мыла, сменив воду и таз. И когда окончательно вытирала румяную красивую мордашу и стриженную под ноль головку, малыш положил щеку на ее плечо и засопел... Уснул.

А в дверях толпилось еще с десятков замурзанных ребят.

...

В скрипучем автобусе было полно народу. Аля стояла в

самом конце, вернее висела, держась за штангу и дремала. Ее мотало из стороны в сторону, но у нее не было сил открыть глаза. Потом она тряслась в электричке и проснулась только от того, что старушка – соседка по лестничной площадке, оказавшаяся с ней в одном вагоне, потрясла ее за плечо.

– Детка, милая... да что же ты себя замучила так... Давай сумку твою, а сама куклу-то подбери, ты уж ее всю в грязи вывалила. Дочурке везешь?

– Ага. Ей годик сегодня.

– Да больно уж мала еще деточка. Кукла, с нее ростом, небось. Вон какая. И где достала-то!

– Пусть будет! Нормально, она поймет. Кирой куклу назовем.

...

Дверь открыла Евдокия, улыбчивая, радостная, в фартуке и косынке, вытирая руки от муки. Пахло пирогами и домашним вином. Нарядная Ирка стояла в своем стульчике у стола, на темно-рыжих кудряшках был чудом закреплен огромный бант. За столом сидел отчим, в мундире и совершенно трезвый. Мать в шелковом платье в алых маках и высоко подобранными черными, уже седеющими волосами, казалась молодой и счастливой. На столе в вазе букет роз, шикарная коробочка конфет, темная здоровенная бутылка, несколько салатов, бутерброды с икрой и колбасой. Казалось все уж и забыли про Гелю. Она тихонько прошла, села к столу. Ирка радостно запрыгала в стульчике, потянулась к матери, но,

увидев огромную, взлохмаченную от долгой дороги, куклу, сморщилась и заревела. Отчим подхватил девочку на руки, сунул кучерявого медвежонка. И тихонько качал, посадив на острое колено, как на лошадку...

...

Ноябрь в этом году был на редкость противным. Правда, когда он бывает хорошим, этот последний месяц перед долгой зимой? Геля металась между дочуркой, интернатом и матерью с ее проблемами и вечной неустроенностью. Анна начала часто болеть, у неё крутило суставы, резко взлетало давление, и она по несколько часов лежала, положив мокрое полотенце на голову. В такие дни Аля (правда теперь, она уже почти забыла это свое, детское имя, и, как-то незаметно стала Ангелиной, Гелей. Казалось, что вместе с детской тоненькой шкуркой, она сбросила и своё нежное имечко) рвалась на части и часто брала Ирку с собой. Там, в светлой тишине класса, разместившись со всем своим нехитрым хозяйством на заднем ряду, девочка что-то лопотала на своем языке, пеленала медвежонка Мишку, перевязывала ему лапку и делала укольчик тоненьким карандашом. Ребята могли часами возиться с ребенком, они ее обожали.

– Петка, дай.

Девочка тянула к светловолосому Петьке ручку, в такие минуты тот готов был отдать все, что она просила. Но иногда голубые глаза мальчишки сверкали ревностью, особенно когда Геля нежно ласкала дочь.

– Какой-то он все ж сумеречный...

У злойки Верки был свой язык, которым она точно определяла каждого из воспитанников, и, несмотря, на вздорный характер и явную нелюбовь к детям, ошибалась редко.

– Ты бы держала Ирку подальше. Ишь – сверкает своими пуговицами.

– Вер, не дури. Несчастный ребенок.. Ты знаешь, что он два дня в картонной коробке, завязанной веревкой провел, пока его не нашли? И не жрал дня три. А пил ли? Там все мозги перекособочило, его вытягивать надо, за уши, его любить сейчас надо, а ты злобишься.

– Ну ты у нас одна такая жалостливая, а все скоты.

– Ладно. Успокойся. Все будет хорошо.

...

Жуткий ор, переходящий в плач, такой знакомый и жалобный, натянул нервы до предела, и Геля бросилась на звук. Крик доносился из соседнего класса, где осталась Ирка с тремя воспитанниками рисовать красные звезды карандашом в альбоме. Геля вихрем влетела. На полу, вся трясясь, как в лихорадке, орала Ирка, показывая пальчиком куда – то в сторону. Петька стоял у окна, отвернулся и всем своим видом показывал, что он тут не при чем, и ему все до лампы. Двое ребят сидели на скамейке и испуганно смотрели на влетевшую воспитательницу. На полу, прищипленный за лапы иголками, лежал кудрявый Мишка. Его мягкий животик был безжалостно вскрыт. Ошметки ваты валялись на полу.

Геля подошла к Петьке, присела. Взяла его за подбородок, повернула к себе. Он смотрел зло, упрямо вздернул голову.

– Зачем ты, Петь?

– А чо она? Лучше всех что ль?

Геля обняла ребенка, крепко прижала к себе, поцеловала в макушку.

– Я тебя очень люблю. Честно-честно.

Петька заплакал...

Глава 2. Володя

Петька с того случая прилепился к Геле, как бездомный щенок к новому хозяину. Она тоже чувствовала близость к ребенку, но ребята косились, желающих стать поближе к учительнице было хоть отбавляй, и она старалась не выделять любимчиков. Ровная, одинаково строгая и одинаково не равнодушная к каждому, она возилась с детьми дни напролет, совершенно забыв о себе и совсем не задумываясь о своей дальнейшей судьбе.

Но часто, вечером, устало присев на диванчик рядом с Иркиной кроватью, она подолгу рассматривала дочкины черты. Изгиб маленьких темных бровок, упрямые скулы и высокий, немного квадратный лобик, уже сейчас перечеркнутый двумя тоненькими морщинками... Геля хорошо помнила эти морщинки. Сколько раз она удивлялась тому, что при резком движении, которое Виктор делал бровями вверх при удивлении и раздражении, на его гладком белом лбу вдруг появлялись две глубокие поперечные полосы. ...Ирка была похожа на отца, неожиданно и очень сильно. Геля часто ловила взгляд матери на дочуркином личике, та внимательно рассматривала ее черты, сжав губы в тонкую линию.

– Ну и что дальше?

Анна подошла тихо, почти подкралась, на лестничной клетке было шумно, соседи вечно включали пластинки на

полную, Геля не успела затушить сигарету и неловко спрятала руку за спину. Мать знала, что она курит, но не любила это наблюдать.

– Что?

– Что что? Жить как собралась дальше? Или в монашки пойдешь? А может и правду тебе старой девой остаться, детей у тебя вон, и так полно.

– Мам. Чего ты от меня хочешь? Это работа. Я ее люблю, я детей воспитываю, что тут плохого?

– Ты чужих воспитываешь, а свою вон, на меня бросила. Там бабка письмо прислала, зовет к себе на лето. Поеду в апреле и Ирочку возьму. Меня мой замучил, хочу одна пожить. Он орет, но отпускает, что ему делать. А ты приезжай в июле, в отпуск. С ребенком побудешь хоть, кукушка.

– Хорошо, мам, езжайте. Ирке лучше там, молочка парного попьет. А я возьму побольше отпуск, за два года. Вместе все проживем...

– Там, в письме бабкином, записка тебе. От мужа. Ты хоть помнишь, что мужняя жена еще? И не торопись ответ давать глупый, о дочери подумай. Ирочка вон – отец вылитый. А он хорошо развернулся, начальник теперь. С квартирой. И тебя зовет, не забыл. Дурой не будь!

Геля с силой швырнула затушенную сигарету в жестяную банку, прикрученную к мусорке и, развернувшись, ушла к себе. Письмо лежало на ее столе, прижатое Иркиным паровозиком. Геля вытащила записку, написанную на очень белом

листочке четким мужским почерком. Покрутила в руках, зачем-то по-терла между пальцами, ощутив гладкость качественной бумаги. Вдруг очень захотелось сразу разорвать лист на мелкие кусочки и она резким порывистым движением рванула записку раз... потом еще и бросила обрывки на стол. Села, разом обессилев, собрала их в кучку. И, сама не ожидая от себя, сложила, словно мозаику, тщательно разглаживая ладонью. Виктор был краток, всего пара фраз, исключительно по делу.

«Я надеюсь, ты повзрослела, стала умнее, тем более, ты теперь мать. Поэтому прекрати дурить, приезжай. Для вас готова комната, поживешь пока с дочерью без меня, я уезжаю на полгода на север. Вернусь – попробуем сначала. Сейчас не до любви, растет ребенок, ему нужна полноценная семья. Я тебя жду. Виктор». Геля опять сложила клочки, бросила их в тяжелую стеклянную пепельницу и медленно зажгла спичку. Клочки свернулись и моментально рассыпались серой пылью. Вместе с мыслями о муже.

...

Светлый радостный дождь полоскал Москву с самого утра, промыв до блеска асфальт, ветки деревьев с начинающими набухать почками и дома, которые стали сразу светлее и по-весеннему блестели стеклами, будто усмехаясь. К обеду выглянуло солнце, правда сразу похолодало, и лужицы подернулись тоненьким ледком. Дети носились по двору, как стрижи на бреющем полете, воспитательницы тоже бы-

ли на подъеме и хихикали, переговариваясь, кутаясь в теплые интернатские тулупчики и платки. Все чувствовали весну, несмотря на пронизывающий холодный ветерок. У Гели было хорошее настроение, она никуда не спешила, и немного расслабилась, Мать забрала Ирку и уехала в деревню, и она теперь часто оставалась ночевать в интернате, на диване в учительской.

Сегодня, с самого утра вместе со старшими ребятами Геля и Верка намывали спальню и классную, потом помогали на кухне, готовились к юбилею интерната. Пекли пироги с капустой и рисом, варили холодец и жарили кур. Петька волчком крутился между ними, терся ласковым теленком, и даже суровая Вера давно оттаяла – нет- нет, да и погладит мальчишка по круглой гладкой головенке. Малыш совершенно изменился, куда делся диковатый, озлобленный ребенок. Радостный, легкий, очень любопытный он все время излучал ровный теплый свет, всех любил, носился метеором из класса в спальню и обратно, и, с удовольствием, помогал. Кроме того, он оказался очень способным и впитывал как губка все, чему его учили.

К вечеру все собрались в зале, готовили спектакль. Много маленьких сцен, в которых играли ребята, соединили в одну, получилось смешное лоскутное одеяло, но всем очень нравилось. Геля сидела на высоком стуле у сцены и дирижировала ребятами, Вера аккомпанировала на баяне. Остальные воспитатели ушли домой, но зато нянечки выполняли роль

зрителей и громко аплодировали с галерки.

В разгар веселья зашла директор и поманила Гелю рукой, потом прижала палец к губам. Геля пошла к ней, тут же хвостиком увязался Петька.

– Петь, подожди меня, я на пару минут к Алевтине Михайловне.

– Я с вами!

У мальчика вдруг налились слезами глаза, что было удивительно.

– Петя, постой здесь. А я потом с тобой вокруг дома погуляю, кружок сделаю, про Аленушку с Иванушкой расскажу. Хорошо?

Мальчик остался, шмыгая носом. Геля подошла к директору.

– Ангелина Ивановна. Я не хочу вас расстраивать, да и Петру вы ничего пока не говорите. Но завтра его забирает мать.

– Какая еще мать?

– Да, представьте. У мальчика нашлась мать, и даже не лишенная материнских прав Суд признал ее исправившейся, и ребенка отдают в семью. Там еще есть бабушка и дядя. С утра соберите его.

– Алевтина Михайловна. У нас же праздник, он полгода готовился со всеми. У него роль Иванушки. Нельзя же так.

– Соберите ребенка с утра! У них поезд в одиннадцать

Алевтина по-королевски повела плечом и вышла...

Снова, прямо с утра, дождь полоскал без перерыва, правда он был серый и муторный. Геля долго смотрела вслед маленькой сторбившейся фигурке, которую вела за руку худая растрепанная женщина с зонтом. В воротах фигурка обернулась, и, прижав руку козырьком ко лбу, как будто защищая глаза от солнца, посмотрела на окно. Геля спряталась за занавеску. Грустный человечек вытер глаза, повернулся и побрел прочь, путаясь в галошках.

...

– Гель. Ну ты все-таки дура. Ну что ты реवेशь белугой? Радуйся, ребенок мать нашел снова.

– Ну да. Теперь есть кому его в коробку опять запихать.

– Слушай, давай. Меня после праздника в одну компанию позвали, там ребята из летного будут. Пошли. Хватит киснуть уже. Я шампанского им заказала, они купят. Мальчики классные. Верка плотоядно причмокнула

– Только рожу подкрась и эти вот боты свои смени. А то ты на свою бабушку похожа, на фотке. Ту, что в коровнике.

– А не пошла бы ты ... лесом! Никуда я не пойду!

...

Ни одно из ее платьев не лезло, и, чертыхаясь, Геля побрела в универмаг. Там она долго перебирала вешалки с убогими унылыми хламидами, похожими на чехлы от чемоданов. «А что же вы хотите -пятидесятый размер! " – стройная девочка- продащица даже не старалась казаться вежливой – " У нас таких размеров мало. Идите в специализированный.

Или худейте...»

Сзади подошла дама в красивом пальто с меховым воротником и шепнула на ухо – «Не обращайтесь внимания, вы фигуристая, стройная и очень красивая. Я попробую вам помочь, пойдемте со мной».

В ближайшем подъезде, мадам вытряхнула из своей объемной сумки- баула нечто невообразимой красоты, нежное, бежевое, в тоненькую коричневую полосочку, с ажурным отлогим воротничком, точно по полненькой Гелиной фигуре. И, отдав даме почти всю полученную зарплату, Геля обалдела смотрела ей вслед, пока та не скрылась за поворотом.

В накуренной комнате летного общежития было не продохнуть. Девушки сидели на туго застеленной кровати и не успевали улыбаться в ответ всем комплиментам, сыпавшимся на них сплошным потоком. Геля нервно курила, ей совсем не нравилось здесь, было похоже на какое- то кино не очень высокого пошиба, и она уже было намылилась тихо смыться, как дверь очередной раз распахнулась, и в комнату вошел невысокий парень лет тридцати, в светлой водолазке и темными, немного редковатыми волосами, зачесанными назад. У него было смуглое, почему-то загорелое лицо и ласковые карие глаза. Он осмотрелся и направился прямо к ней, подошел, протянул руку. Геля от неожиданности быстро вскочила, затушив и смяв сигарету.

– Володя, будем знакомы.

– Ангелина...

– Какое имя у вас необыкновенное. Это от ангела? Вы похожи... Но можно я буду называть вас Гелей?

Они еще о чем-то говорили и Геля вдруг заметила, что она так и не отняла у него свою руку.

Глава 3. Обман

Что с ней происходило, Геля не могла объяснить. Вроде из неё вынули серединку, тщательно перебрали, отсеяв все лишнее, пустое и ненужное, остальное промыли, натерли до блеска ни вставили назад. Она чувствовала себя свежей, юной и совершенно другой. И еще ей казалось, что он – Володька, был всегда с ними. С мамой. С Ирккой. С бабушкой Пелагеей и с дедом. Ну и с Борькой и Галиной. Короче они – все были всегда вместе, близкие, родные, а все остальные как-то отодвинулись, исчезли, их образы стали неверными и зыбкими. И еще Геля вдруг очень начала скучать по дочке. Засыпала с трудом и просыпалась ночью, оттого что слышала смех-колокольчик. Даже интернатские стали меньше занимать ее, отвлекать от этих мыслей, и Геля поняла, что пора брать отпуск и ехать в деревню.

С Володей все получилось очень странно и очень быстро. Уже через несколько дней он переехал в их небольшую квартиру, прихватив с собой лишь небольшой чемодан. А еще спустя недельку они вечером пили чай на маленькой кухне, и он рассказывал Геле про свой ИЛ-18, нежно, как про любимого ребенка... Геля всматривалась в его лицо, вслушивалась в такой родной голос и вдруг поняла, что он – тот, которого она так долго искала. Единственное, что омрачало их неожиданно свалившуюся любовь, это то, что Геля скрыла от

него свое прошлое. Да он и не спрашивал. Их общая жизнь вдруг покатила сама собой, а та, одинокая – Гелина шла рядом и чуть в стороне. Выдать ее было некому, отчим уехал на свою родину, Верке насторого было запрещено намекать на это даже неловким взглядом или движением.

Геля сама не понимала, почему она это делает. Но каждый раз, когда она вдруг решалась наконец рассказать о муже и об Ирке, на нее накатывал жуткий страх потери. И она молчала. Это стояло между ними стеной. Вернее только она чувствовала гладкую холодную поверхность этой непреодолимой преграды.

Незаметно пролетел месяц. Потом еще пару недель проскочило, и во уже Геле надо было ехать брать билеты, ее отпустили в интернате. Тихим вечером, когда через раскрытые окна уже веяло ароматом раннего лета, и по комнате летал легкий тополиный пушок, от которого у Гели вечно чесался нос, Володя сидел за столом и что-то писал в толстую тетрадь. Он внимательно рассматривал сложные чертежи в большой, но тонкой синей книге. Вдруг он положил ручку и повернулся.

– Гель, может мы вместе в отпуск с тобой махнем? У нас скоро сдача модели, и мне путевку дают в санаторий. Я могу поговорить и про тебя, ты же невеста, дадут. Пусть за деньги, не страшно, денег хватит. Это на море, Гельчонок, в Крыму. Поедем?

Геля посмотрела на Володю, в его глазах была такая неж-

ность, что на душе у нее разлилась теплая волна. Как бы она хотела поехать... Но Ирка, этот кучерявый цыпленок, маленький и родной...

– Вов, мне маму с бабушкой надо поехать навестить, помочь им, я обещала. А ты в этот раз отдохни сам, от путевки не вздумай отказываться, а то больше не дадут. А потом, я обещаю, всегда вместе будем, я тебя ни на минутку не отпущу. Правда.

– Неее. Я без тебя не поеду. Вместе к твоим махнем, а потом моих навестим. У меня тоже в селе мать с отцом. И братья с сестрами, там нароооду. Весело, и ты понравишься им, точно. Особенно отцу. Он любит таких, настоящих. Больших. Сильных.

Геля не знала, что ей делать. Ей было так стыдно перед чистым, как стеклышко, парнем. Володя был совершенно, патологически, нездешне порядочен, честен, старомоден даже. Она сначала даже стеснялась перед ним раздеваться, в такие моменты ей казалось, что она слишком опытная, даже развратная. А он был деликатен настолько, что Геля поражалась, как совершенно деревенский парень может быть таким...

– Там, у меня в Портфеле картинка есть, ребята снимали, глянь, море. Ты море видала?

Геля подошла, обняла, потерлась как кошка щекой о щеку.

– Портфель, Вов. Запомни. Портфель... Нет, море нико-

гда не видела, по телевизору если только. Ну и на фотках.

– Море надо видеть, меня четыре года болтало. Ну и знаешь... Ты поправляй уж меня. А то ребята тоже смеются.

– Да ладно. Пусть это будет самым большим твоим недостатком... Я подумаю, Вов, маме напишу. Она кстати позвонить должна, мы договорились, с телеграфа. Она там разговор по субботам заказывает.

Вернувшись с вокзала, и, зачем-то припрятав купленный билет подальше, Геля достала чемодан. Она окончательно решила на разговор, приготовила Иркину фотографию и сотый раз перебирала в голове слова, которые скажет. Её история теперь казалась ей дикой, некрасивой и пошлой. Но самым страшным было то, что она врала. Геля вспоминала, сколько она всего навывдумывала, чтобы даже нечаянно не обмолвиться о дочурке. Прятала паспорт у Верки. Закрывает все детские вещички в комнате матери, сказав, что ключ отчим увез с собой. А про найденную под кроватью неваляшку придумала трогательную историю про подругу, сбежавшую от мужа. Второй раз в своей жизни она обманывала, без смысла, просто от страха и запутавшись... Зачем?

Измучив себя мыслями, бросив чемодан полусобраным, Геля налила себе чай и достала баранки. Хотела закурить, но вспомнила Вовкин укоризненный взгляд и невольно сморщенный нос и спрятала сигарету. Посидела. В голове был ад. Достала из горки бабкин самогон, чуть плеснула в рюмку. Неприятно тягучая гадость обожгла горло, Геля поперхну-

лась и вытерла слезы.

– Пусть все будет, как будет. От судьбы не сбежишь, Райка говорила. И молчать больше нельзя.

Она подперла по-старушечьи щеку и задумалась. Часы пробили полночь, в окна веяло свежестью, вокзальным терпким дымком, и почему-то запахом ландышей...

Дверь чуть заскрипела, почти не слышно, но Геля проснулась резко, так что даже что-то щелкнуло в голове, как лопнуло. В прихожей горел свет, вернулся Володька со сдачи своей модели. По какому-то наитию, может по непривычному сочетанию звуков, выдающих неловкость движений, она поняла, что он пьян.

Геля вышла, прислонилась к косяку, наблюдая, как с трудом удерживаясь на ногах, опираясь попой о стену, Володя пытается снять ботинки.

– Тсссс. Гельчонок. Только не ругайся. Я сейчас, быстро, ребята попросили посидеть. Не обижайся, только, прости.

Язык у него заплетался, он с трудом собирал мысли в кучку, но старался держаться. Развязать ботинки явно не получалось, он сел на пол и виновато посмотрел ей в лицо. Геля присела на корточки, сняла с него ботинки, помогла встать.

– Хорош!

Володя почему-то на цыпочках прокрался в ванную, долго шумел водой. Когда вышел, ему уже было легче, взгляд стал яснее, и он достал из кармана коробочку,

– Тебе!

Геля отставила коробочку в сторону, усадила парня за стол, налила покрепче чай.

– Поговорить надо.

– Может завтра? Посмотри, что принес. Мне премию дали.

Геля открыла коробку. Там, на черной бархатной подушечке, свернувшись змейкой, лежала тоненькая цепочка. Геля вытащила ее, она была почти невесомой, но в свете настольной лампы так сияла, как будто была соткана из солнечных лучиков. В коробочке лежала еще крошечная жемчужинка на кругленькой, граненой подвеске. Геля подскочила было зеркалу, у нее в жизни не было такой красоты. Но сразу потухла, сложила цепочку в коробку.

– Вов. Выслушай меня.

Она долго и путано что-то говорила, объясняла, плакала, потом снова объясняла. Володя молчал, только иногда чуть морщил лоб и как-то очень внимательно вглядывался в ее лицо. Потом тяжело встал.

– Я все понял, Гель, давай спать. Утро скоро.

Геля уснула сразу, как будто ее выключили из розетки. Она не слышала, что Володя так и не лег, просидев до рассвета у окна.

***

Геля проснулась от звука мощного ливня, бьющего по подоконнику. Подскочила к окну, еле справляясь с ветром закрыла раму, сразу вся вымокнув и наступив босыми нога-

ми в здоровенную лужу на полу. Обернувшись, смеясь и увидела, что постель с ее стороны даже не смята. Вчерашнее разом нахлынуло и, предчувствуя беду, Геля подскочила к шкафу. Все Володины вешалки были пустыми, чемодана тоже не было. На неверных ногах Геля добрела до стола, села, вытащила записку, прижатую коробочкой. «Гельчонок, мне надо подумать. Прости»

...

Степной ветер ворвался в поезд, который уже тормозил на станции. Забытый аромат уже чуть привявшей от жары полыни, начинающих распускаться флоксов и еще чего-то такого радостного, то ли парного молока, смешанного с легким запахом навоза, то ли вишневого варенья окутал, и на какую-то секунду, заставил забыть о боли.

На перроне стояла мать, и держала за ручку кругленькую глазастую кудрявую девчонку в вышитом фартучке.

Слезы застилали глаза...

Глава 4. Кувшинки

Всю дорогу Ирка висела обезьянкой у Гели на шее и щекотно дышала. Она вцепилась в мать ручонками и отпускать не хотела. Так они и дошли, по очереди волоком перетаскивая чемодан по пышной деревенской пыли. Жара уже стояла над степью, дремотно обволакивая придорожные седые чертополохи и подсолнухи. Миновали цыганский двор, старую березу, которая вроде стала меньше ростом, но мощнее, коряжистее. Прошло то всего ничего, два года, а все вдруг показалось Геле совсем другим, стареньким, приземистым, жалким. Прямо перед домом, в небольшой лужице, оставленной ночным дождём и чудом не испарившейся на такой жаре, сидел смуглый, кудрявый пацаненок, чуть постарше Ирки и ляпал замузганными ручонками по грязи. Он вытаращил огромные синие глазюки и смотрел на чудную процессию, ползущую мимо.

– Офка.

Ирка попыталась выскользнуть из Гелиных рук.

– Офка!

– Это Вовка, Райкин. Там у них целый питомник, понародили и бабке сбросили. Райка, слышь, вся синяя ходит, муж лупит ее, что сидорову козу, тут милиция даже приезжала, уж не знаю кто вызвал. И Чергэн тоже своего малого притащила.

Анна устало прислонилась к калитке палисадника, вытерла пот.

– У нее второй-то в таборе помер, говорят – лошадь за-топтала, их же. И вроде помешалась она, дурная стала, никого не узнает, все карты кидает, целыми днями, да на коне носится по степи. Я сама не видела, но люди говорят. Ты вот что. Тут этот, цыган твой набегами бывает, дитю возит всякое, так не лезь. У тебя муж, ребенок, хватит, побегала. А то он все глазами на твое окно стрижет со двора, я тут занавеску у тебя вешала, видела его.

Геля молчала, только гладила по кудряшкам, обнявшую ее за коленки Ирку.

– Черный стал, что ворон. Горбатый, худой. С бородой еще, лохматый черт. Злой, говорят, как подменили его, то ли порча, то ли беда ломает. Держись подальше, Ангелин, добром прошу. Кстати, Виктор приезжает десятого трехчасовым. Сказал, хочет развод получить. У него там пассия. Сама виновата, такого мужика упустила. Не давай развод, дурында, так и будешь мотаться приبلудой, у вас дочь.

– Мам, пошли. Ирка устала, да и я. Потом поговорим.

Помолчала, с силой потянула калитку, еле открыла.

– Пусть. Он свободен, мам. Не хочу...

Во дворе, в благодатной тени двух огромных вишен стояла Пелагея, сложив руки под фартуком на сильно пополневшем животе. Увидев Гелю, растрогалась до слез.

– Детка ты ж моя, золотэнька. Бог дал, ведь приехала. Дед-

то придет сейчас, на рынок пишол, за хлебом. Ох, ты же наша ридна, как же мы тоби ждали. Иды, раздэнсь, там тоби чистенько мать все кинула, иды. Ирусь, ходи до бабы, пусть мамка виддохнет.

Забрав совсем размякшую от жары девочку, Анна пошла во двор и уложила ее под вишней, на брошенное одеяло. Накрыла простынкой, на цыпочках отошла.

– Пошли. Она любит тут днем спать. Сама с часок полежи, потом обедать будем. Бабка там вареники с творогом накрутила, да со сметанкою, да с вареницем прошлогодним. Это тебе не картошка с колбасой. Пошли.

...

Тихий вечер пах теплой речной водой и цветами. Геля уже забыла, что бывают такие вечера. Накрутившись до самого вечера, набегавшись и наигравшись до одури с Ирккой, она долго убирала с матерью огромную темную кухню, потом вычищали двухлетнюю грязь из Гелиной, теперь уже на двоих с дочкой, комнаты. Туда поставили кроватку, перетасив ее из крошечной комнатки Анны. Потом мыли Ирку, отмачивая цыпки и ссадинки в теплой воде, нагретой в большом алюминиевом тазу.

Смазав потрескавшиеся ножки сливочным маслом, Геля натянула на нее белоснежные носочки с вишенками, но увидев, как дочка радостно сиганула прямо в них на мураву, проскользив, как на коньках и плюхнувшись на попу, она плюнула и оставила Иркину красоту в покое. Часам к деся-

ти, с трудом уложив разыгравшегося ребенка, все сели пить чай с медом, и долго сидели, наслаждаясь тишиной. Дед все гладил Гелю по руке, и слезинка из левого глаза, ставшая уже постоянной, катилась все чаще.

Совсем стемнело. Анна дремала, поджав ноги прямо на лавке. Баба Пелагея подсела ближе.

– Алюсь. Ты мать не слушай, сердце свое не неволь. Не можешь с Виктором, не ссильничай сама себя. Я свою мужика схоронила, а деда твоего вон сколько ждала, ажник пять лет. Дед-то, Иван наш тады женатый был, не знаешь небось. Женка у него падучей болела, в день по три раза с пеной билася, а еще и сынок у их был, маленький. Потом господь прибрал его.. Тогда уж Иван со мной, как муж жил. Но женку не оставлял, заботился. Я ругалась сильно, глупа была, а вин ни шел со свога дому назовсим. Кормил ее, мыл, белье менял, а я одна куковала. Пелагея, как всегда, путалась, мешала слова..

– Думала, не буду с ним, с Иваном жить-то, меня богатый из Карая высватал, я знаешь – справна была, товстА, с две тебя может. Он дом за меня отдать норовил целый, да уперлась я, як коза. Все ждала. А Иван пришел, когда женка померла, поясной поклон отвесил, прости, говорит. Но не мог по-дрУгому, простила я его, чего уж там. Приняла, он домовитый, столярничал, вона как сейчас. Печку мне переклал, мебель сделал нову. Да и любовь у нас, детка, как свечка горела, ровная. яркая. Там и детки. Бог дал, хорошо жили, все

было. И голод и война, а дружечка дружечку за руки держали крепко, не оторвать.

Из дома выглянул дед, зевнул, перекрестился:

– Ты, Поля, долго кулюкать будешь еще, в хату давай, ночевать уж пора. Али корову я выгонять буду, девка?

Пелагея вытерла рот краем платка, встала.

– Вот и ты, детка золотая. Жизнь длинная, пока всю перейдешь, ноженьки стопчешь. Так со своим-то, рОдым идти сподручнее. Жди его. Сколько бог велел.

Откуда-то из глубин своего темного, необъятного платья бабка вытащила скомканный платочек, покопалась, достала крестик.

– Я у тебя цЕпочку видела. Вот и надень на нее. То твой, святой крестик, крестильный. Бросили тады, Евдоха с мамкой, нехристи. Да божью мать молИ, она наставит. И Господу поклонись нашему, не надломишься. Проси, девонька, наладится все.

Бабка перекрестила Гелю широко, порывисто, размашисто и пошла в дом. Геля завернула крестик в платочек и, неожиданно для себя, поднесла к губам...

...

– Ирка, ну-ка давай, догоняй.

Геля с Борькиной Линой, полной, даже дебелой, томной, ленивой женщиной с белой, не тронутой ни загаром, ни румянцем кожей, брели по пляжу, увязая в раскаленном песке. Борька, подтянутый, жилистый, дочерна загорелый, по-

чему-то в офицерской белой потертой фуражке, пружиня сильными ногами, тащил лодку, увязнувшую в илистой грязи берега. Собирались на рыбалку, но не было Галины с мужем, они вечно опаздывали.

На причудливо изогнутом стволе старой ивы, прислонившись к толстой ветке спиной и некрасиво раззявив рот, дремала Анна. Ирка, бежала за матерью семеня толстыми ножками, запыхавшись, но не отставая. Если вдруг попадался песчаный холмик, она встав на четвереньки, перебиралась через него быстро, ловко, как зверушка. Тоненький зеленый сарафанчик с ляпочками крест-накрест на спине, почти не защищал ее от солнца, но девочка жары не боялась, ее тонкая смуглая кожа запросто переносила палящие лучи и никогда не обгорала. Наконец, она догнала мать и обхватила, прильнув к ноге. Геля одним легким движением подхватила девочку и посадила на сгиб руки.

– Ну и где эта овца? Муж красоту свою потрясающую надраивает, скоро рыба передохнет его дожидаясь. Вон вода в речке какая, скоро закипит.

– Таааа ладна.

Борька игриво поиграл усом, щипнул Лину за упругую задницу и белозубо ухмыльнулся.

– Мы вон, ща с Линкой за кусток на часок. А то чога от жары чуйства прут. А жена моя рОдная? Давай, угости мужа-то?

– Наглый ты Борис, до ужаса прямо.

Лина лениво пожевала травинку, сплюнула, поправила, никого не стесняясь полную красивую грудь, пристроив ее поудобнее в тесной чашке модного купальника.

– А кого стесняться -то. Опа! Жена своя, чо хочу, то и ворочу.

Геля с интересом наблюдала, как минуты через три, Лина вальяжно, почти в развалочку, откинув назад пышную волну светлых волос, пошла через прибрежные кусты в ивовые заросли. А Борька, ухмыльнувшись, мягко, по кошачьи шмыгнул следом.

– Тьфу, паразит. ... Ну славааа богу. Явились, не запылились...

Анна проснулась, потянулась слегка, вытягивая занемевшую спину, подошла к Геле, забрала хныкнувшую Ирку.

– Ты язык – то свой не корежь, не деревня, городская ведь. Да детей учить будешь потом – «явились». Следи за собой. И не поздно, сейчас по ночам сыро что-то, застудишься – лечиться тут замаешься. И Гальку берегите, мужу – то ее все не до нее, красавец.

Кругленькая, как шарик, в коротком платьице, обтягивающем уже довольно большой живот, Галя уже докатилась до них. Сзади, отстав на пяток метров, мерил берег длинными, как циркуль ногами ее муж, Владимир, красивый чернявый полу армянин – полугрек.

– Надо же, одни Володьки вокруг. Это нарочно, что ли?

Геля прыгнула в лодку, подала руку Галине.

– Поехали. Эти голубки на второй пускай, когда отлюбят-ся.

...

Ночь была и вправду немного сыроватой, видимо соби-рался дождь. Мужчины потащили рыбу, ее было не так много, но поесть назавтра хватит. Гальку забрала Лина, та немного озябла и куксилась.

Геля медленно брела по улице к своему двору. Она не пошла огородом, хотелось немного пройти, подышать... поду-мать. Тяжелый букет, скорее связка желтых, слегка пахну-щих тинной кувшинок оттягивал руку, и она тащила его по-чти по земле, макая упругие пружинящие стебли в остыва-ющий песок.

У палисадника ей перегородили дорогу. Кто-то сильно сжал руку, чуть выше локтя и развернул Гелю к себе лицом.

– Здравствуй, раны, сыр дживэса?*

– Руку отпусти, Лачо, больно.

– Так и у меня болит, золотая, душу ты мне всю сожгла, жить как? Все убила, семью мою околдовала, ведьма.

– Ты себя спроси, как это получилось. Ты ушел, не я. Да что ворошить прошлое, ушло оно, все давно сгорело. Отой-ди, дай пройти.

– Мэ надживава битеро*, что напрасно слова тратить. Со мной пошли, ты не жена, теперь, не девка, тебе терять нечего. Пошли, будешь со мной.

– Знаешь, милый. Кто раз предал – предаст и еще. Нет!

Лачо прижал Гелю к забору, потянулся к лицу. Геля резко оттолкнула его в сторону, цыган чуть не упал, но удержался и вlepил ей пощечину, хлестко и больно. Обомлевшая Геля на секунду, казалось, потеряла сознание, но быстро опомнилась и, сделав пару шагов назад, крепко зажала головки кувшинок в кулаке и стеблями, как хлыстом, стеганула парня по лицу. Потом, перехватив связку поудобнее, бешено била голову, плечам, куда попадет, выплескивая всю боль и обиду последних лет. Лачо неловко и как-то по-баbьи закрывался руками, выкрикивая какие – то свои злые, цыганские слова. От ворот бежали Борька и Владимир.

раны, сыр дживэса?* – *красавица, как поживаешь?*

Мэ надживава битеро* – *я без тебя не могу*

Глава 5. Меры

– Знаешь, как я устал? И еще у меня появилось нехорошая привычка. Я думаю...

– Думаешь?

Тот, кто сидел слева так удивился, что его большие, пушистые крылья встрепенулись, сделали один холостой взмах и слегка порозовели. От этого невольного движения ожил и пронесся мимо несильный, но прохладный ветерок, и тот, кто сидел справа, ухватился за край гладкой синей тверди и еле удержался.

– Не маши так, что ты сквозняк устроил? Я и без того сегодня неважно себя чувствую. Да еще вот... это... думаю...

Тот кто сидел справа – красивый, хоть и слегка сутулый старик в пушистой безрукавке подвинулся поближе к тому, кто сидел слева. Странно посопел слегка длинноватым носом, отодвинул порозовевшее теплое крыло, чтобы оно не мешало своим трепетом и, наклонившись к самому уху, чуть поморщившись от того, что острый нимб уперся ему в щеку, прошептал: «Мне кажется, я неправильно поступаю. А Справедливость перестала быть Высшей»

– В смысле?

Ангел так удивился, что развернулся всем своим полупрозрачным телом к Мастеру Меры и плотно сложил крылья, как озябший голубь.

– Ты сомневаешься в Высшей Справедливости? В том, что Она есть?

– Кто может сомневаться в Высшей Справедливости? Разве только глупец... Нет, конечно. Просто я думаю, не слишком ли простыми мерами мы меряем Добро и Зло. Вот скажи мне! Ты всю жизнь жил праведно, любил Его, помогал бедным, не убивал, не прелюбодействовал. У тебя целый мешок добрых шаров, они не помещаются уже ни в твоём доме, ни в твоей душе. И вдруг ты украл пяточок у богатого. Тебе положен чёрный, ну – или хотя бы серый шар?

Ангел качнул белокурой головой и улыбнулся.

– Нет, я же у богатого и всего пяточок...

– А если ты украл все последние деньги у бедного?

– Ну ещё бы. Конечно положен. Ты зачем спрашиваешь?

– А если ты украл все деньги у очень богатой одинокой старухи, и она пошла по миру на старости лет?

Ангел покачал нимбом, задумавшись, и нимб тоже порозовел, став одного цвета с крыльями.

– Я б дал... серый. Это же старушка, она теперь помрет с голоду.

– А если бы ты её деньги больному бедному бродяге с умирающим малышом на руках отдал, все, до копейки?

Ангел недовольно отодвинулся, привстал, взмахнул крыльями, хотел взлететь, но Мастер Меры крепко ухватил его за белую шелковистую кисть и не отпускал.

– погоди!

– Ну... С тобой тут не белым, черным станешь, хоть не слушай.

– Я вот что еще думаю. У Добра мы меру придумали, у Зла. А любовь чем нам мерить? Она что? Добро или зло?

Ангел остановился, цвет его нимба еще усилился, и розовое сияние окрасило молочные облака.

– Ты про какую любовь? Я знаю только одну! К Нему...

– Все равно. Ты мог бы ради этой своей любви убить? Только честно, не увиливай.

– Ради любви к Нему я могу все!

– И предать?

– Ангелы не предают, ты зарапортовался, старик.

– Ну все-таки...

– Я же сказал, я могу все!

– А в моей книге, на странице триста тысяч сто двадцать пятой написано... подожди...

Старик привстал, и неуловимым движением что-то вытащил из кармана широких атласных панталон, подбросил вверх и залихватски дунул, скорее даже свистнул в сторону летящего предмета. Предмет еще в воздухе вдруг вздрогнул и раздулся, как мяч, вздрагивая и пырхая. На синюю твердь тяжело плюхнулась старая книга с засаленными страницами.

– Вот, смотри. Триста тысяч сто двадцать пятая... «За предательство тех, кто тебя любил, за предательство тех, кто тебе верил, за предательство земли своих отцов, за предательство матери и отца» – ну тут много всякого еще преда-

тельства, – «всем, без всяческого исключения дается серый свинцовый шар, единожды и навсегда».

– Знаешь что?

Ангел сел, аккуратно свернул крылья и поманил старика. Когда тот опустился рядом, обнял его за плечи,

– Нам с тобой думать не по чину. Мы с тобой солдаты Его. Написано, выполняй, сказано, делай. Думает пусть Сам. Смотри, там внизу, у них, какая заря. Любишься.

И на фоне разгорающегося зарева восходящего солнца ещё долго были заметны две обнявшиеся фигуры. Одна – слегка сутулая, с грустно опущенным долу длинноватым носом, другая – статная, с волнистыми локонами и слегка подрагивающими пушистыми крыльями. Они сидели на краю тверди и задумчиво болтали ногами...

***

– Ты, конечно, дура, Аля, но я рад, что так получилось. Ребенок еще неизвестно чей, а ты – та еще штучка. Я два года вкалывал, как шахтер в шахте, все для тебя, там у нас дом – полная чаша, а ты тут хвост налево.

Виктор стоял перед дверью загса и говорил. Говорил нудно, долго, рубил краем ладони по стволу ни в чем не виноватого молодого клена, упиваясь своей речью. Геля почти не слушала, думала о своем, разглядывая небольшие облачка, быстро несущиеся по небу. Этот человек в красивом поло-

сатом костюме, гладко зализанными назад волосами и красным, мокрым сочным ртом был ей совсем не знаком. Она не понимала, что вообще ее может связывать с ним, и разве можно даже на секунду представить, что смешливая баловница Ирка с хитренькими зеленовато-карими глазенками и таким близким, родным теплом шелковистого тельца, имеет к этому дятлу какое-то отношение.

– Алименты ты конечно можешь отсудить. Только доказать еще надо, что я отец. Она вон, кудрявая, как...

– Заткнись.

– Чтоо? Ты это мне, Ангелина?

Геля подошла к Виктору вплотную, притянула его за галстук, близко прижала свое лицо к его лицу круглому и красному и близоруко вгляделась в его глаза.

– Знаешь что! Иди ты в п...

Виктор обалдело отпрянул, не веря своим ушам.

– И заberi в неё свои алименты!

Выйдя из загса, они с Виктором, не стовариваясь, пошли в разные стороны. Дойдя до старого заброшенного колодца в самом конце улицы, Геля зачем-то порвала на мелкие кусочки свидетельство о разводе, бросила его вниз и долго смотрела, как мелкие бумажки, быстро раскручиваясь в поднимающемся со dna потоке воздуха исчезают во влажной темноте.

***

– Эй, коза.

– Борьк, отвали, а? Смотри у меня глажки сколько.

Геля, вся взмыленная, таскала туда-сюда по желто-коричневому, прожженному от бесконечных глажек конёвому одеялу тяжеленный чугунный утюг.

– У тебя жопка красивая, сеструх. А ты ее красоту вон, в монашках тратишь. Скоро осунется, морщинистая станет, повиснет, как курдюк, а?

– Борь!

Геля распрямилась устало и повернулась к брату.

– Ты видишь, у меня утюг неподъемный, руки уже, как свинцовые. Не до тебя и не до твоей дурацкой пошлости! Иди вон на Линкину задницу заглядывай, есть на чью.

– А ты бы еще каменюкою гретой гладила, дуру... Иди к нам, тебе Линка нормальный утюг даст. Слушай, мать, пойдёшь седня в кино. У меня там дружбанок появился, спереди Смоктуновский, сзади цыган твой. Так прям по тебе засох, сам говорил.

Геля внимательно посмотрела на лоснящуюся от жары, красивую Борькину морду

– Слушай, Борь. Помоги, а...

Геля достала с полки маленькую фотографию и записную книжку.

– Смотри.

Борька долго вглядывался, прищурясь и покручивая ус, в фотографию парня с карими улыбчивыми глазами и комсомольским значком, приколотым к белому свитеру.

– Сейчас он старше, конечно, я старую фотографию сперла.

Борька молча вытащил из сжатых пальцев Гели книжку, вырвал страничку и переписал адрес.

– Я понял. Жди.

Глава 6. Прялка

– Держи ручечками крепче, не срони. А теперя глянь, як баба мотаэ...

Ирка, изо всех своих небольших силенок трясла туда-сюда небольшую бутылку из-под ситро, наполненную до половины плотными, маслянистыми беловато-желтыми сливками. Она сидела на крепко сбитом стуле, опираясь о массивную, гладкую, любовно ошкуренную и обработанную до янтарного блеска спинку. Дед Иван был мастер делать свою мебель именно такой, добротной, тяжелой, настоящей, на века. Его пальцы от постоянной работы в мастерской согнулись и уже не разгибались, и Ирка любила сунуть свою крошечную ручку-лапку туда, в недра мощной, слегка бугристой, корявой ладони, вцепиться всей пятерней за мизинец и тащить его вверх, пытаясь выпрямить. Тогда дед мягко выпрастывал палец и делал правнучке козу. Пелагея, упершись крепкими ногами в пол, что-то делала в большой темной кадлушке, из которой торчала толстая палка. При этом ее полная спина вздрагивала, а красивый узел на кружевном темном платке сзади смешно подпрыгивал.

– Давай, золотэнько, пахтай. А теперь – дай-ко мамка пидмогнэ.

Геля стояла рядом и улыбалась, глядя как старается дочка, но не вмешивалась в процесс. Ирка набычилась, держала бу-

тылку крепко и никому не отдавала. Несмотря на то, что ей еле-еле перевалило на третий годик, она четко знала, что если правильно, терпеливо и долго трясти, то на маслянистой молочной поверхности вдруг появятся блестящие неровные крупинки, которые потом столбятся, как цыплята в маленьком загончике в сенах и начнут сбиваться в более крупные комочки. А потом бабушка что-то такое сделает еще, покопавшись в своем горшке, и на блюдечке появится желтый аппетитный круглый кусочек, который она, Ируся, понесёт деду. У высокого дубового стола она привстанет на цыпочки и протянет деду блюдечко. Дед перестанет шумно прихлебывать кипяток, наклонится к ней, пощекочет усами макушку и сгребет ее вместе с блюдечком в охапку, посадив на широкое, жёсткое колено. Погладит Ирусю по головке и намажет маслицем толстый пушистый кусок серого хлеба. И шмякнет на него кляксу зернистого душистого меда из круглой деревянной ложки. Откусит, прихлебнет из блюдца и скажет: «Ой-ё-ёй... Где же моя внучечка дорогэнька такую вкусноту знайшла? Сколько дед масла поив, а такого ни ив ни разу за все житя свое биднэ. И дэ ж такое дилают та?».

А мама сзади тоненьким голосочком пропоет: «Да это Ира сама, для дедушки сбила». И тогда дед достанет откуда-то из кармана белый пряник, пахнувший зубной пастой или золотисто-румяное яблоко и протянет ей. И Ируська, сидя на удобной коленке, прижавшись головой к теплому дедову пузу, будет грызть вкуснятину и почти засыпать от ровного му-

шиного гула, приглушенного кряканья уток, которых мама гонит по двору с речки, бряканья ведра на погребнице и по-
коя...

***

– Гель, тут во чего.

Уже стемнело, но Геля еще только закончила все дела и неспешно, устало развешивала выполосканные на речке Иркины трусишки и рубашки. В свете огромных мохнатых звёзд, которые живут только над степью, Борькино лицо казалось фарфоровой маской, если бы не игриво закрученные усы и чуть кривоватая пошловатая ухмылка.

– У меня дружбан есть, он в той летной общаге живет, где твой Вован. Я ему письмишко начирикал, он вон ответ прислал. На. Я не читал. Держи. Читай, токо не журысь. Он ко мне на недельку на пивко обещался, познакомлю. Там глыба. И деньгу имеет, если чо.

Геля выхватила конверт, он почему-то был плотным, то ли письмо толстое, то ли тем еще что лежало. Сунула в карман сарафана, обернулась поблагодарить, но брата уже и след простыл.

В теплой, прогретой за жаркий августовский день комнате, было светло, как днем. Кроме звезд, которые сегодня светили, как фонари, еще совершенно осатанела и луна, да так, что на конверте, брошенном на белую, аж фосфоресцирующую скатерть, можно было прочитать каждую букву.

– Господи, надо было ставни хоть прикрыть, как спать-то?

Она держала конверт, как держат опасную зверушку, пальцами, на отдалении, не приближая к себе. Хотелось сразу порвать, как когда-то письмо от Виктора, или сжечь, развеять пепел, не знать, не думать. Но вне ее воли, руки сами надо рвали конверт сбоку, отделив тонкую неровную полоску. Аля потрясла письмо над столом и оттуда выпала маленькая фотография. В ярком, почти синем свете луны лицо девушки казалось очень красивым. Толстенные косы обвивали изящную головку, но волосы выбивались и крупными пушистыми завитками оттеняли нежность тонких черт. Полные губы и огромные глаза, чуть навывкате, делали ее похожей на Рахиль, тоскующую и страстную. Простое цветастое то ли платье, то ли блузка с большим отложным воротником подчеркивало женственность полноватых плеч. «Где память есть, там слов не надо» – крупный детский почерк на обороте карточки, четкий, с правильным нажимом...

Аля долго рассматривала фото, потом медленно положила его в конверт, вытащила письмо. То ли света все же оказалось маловато, то ли что-то мешало читать... «Не знаю, что там у него с твоей сеструхой, но с Валентиной он давно дружил, еще со школы. Она его с армии ждала, фотку у Вовки из чемодана спер, узнает – прибьет...» Дальше Аля читать не стала, скомкала лист с силой и бросила в печь.

– Хватит! Есть дочь! Есть работа любимая. Скоро сентябрь, там, где ее настоящая жизнь, ждут те, кто никогда не предаст! Дети предавать не умеют!

***

– Тебе, алмазная, только попадъей быть, вон, королева! И полна и бела. Пава. Как живешь, красивая? Что не заходишь? Загордилася?

У калитки, посадив крошечную девчонку, завернутую в плохо стиранное цветастое одеялко, на крепкую большую грудь, стояла Райка. Черные глаза с поволокой, яркие, такие же красивые, как раньше, смеялись. Белозубая, с румянцем, пробивающимся через смуглую кожу цвета слоновой кости, цыганка снова стала похожей на ту себя, прежнюю – горделивую красавицу. В июле ее мужа забрали за кражу коня в совхозе, и, видно, надолго. Попричитав для виду, Райка истоиво перекрестилась в сторону заката и, пошептав, попросила Бога никогда не возвращать рома домой.

– Сдохни. Сдохни. Сдохни, трижды прошептала она и сплюнула. Никто не видел, и никому не надо. Карты ему плохую дорогу показали, а карты не врут.

– Зайди, золотая, погадаю. Вижу, маешься. Да и Лачо тебя ждет...

Райка засмеялась, откинула за спину косы, туго стянуты концами косынки с красными кистями. Геля подошла, приобняла Райку за плечи.

– Привет, рада видеть. Да и то, зайду вечерком с Ирккой. Она любит с сыном твоим побегать. Зайду... Лачо скажи...

...

– Бааабб, дай мне... Ну Баааабааа...

Стоя босыми ножками на грубой половице, Ирка смотрела, как Пелагея ловко, точными движениями темных, слегка потрескавшихся пальцев, скручивает нитку, направляя ее к зубастому крутящемуся чудовищу. Тонкое, но большое колесо так быстро мелькало деревянными узорчатыми спицами, что Ирке казалось, что около бабкиной бархатной юбки крутится солнышко. Ей очень хотелось сунуть ногу туда, где толстая педаль-колода сновала туда-сюда под бабушкиной большой ногой, обутой в войлочную тапочку, но Пелагея внимательно следила за внучкой, отгородив опасную зону мощным коленом, плотно обтянутым тканью.

– Нельзя, детка моя золотая. Щас вот глянь-ко, дед корову примет, тебе пряничек из ларечка достанет. А пока иди, вон на куколок подывысь.

На комодѣ стояли фафоровые ангелочки и слоники. Ирке редко разрешали их брать, но тут было не до них. Серая мохнатая нитка каким-то чудом превращалась в тугий ровненький моток, Ирка никак не могла понять, как это получается и ныла.

– Ну баааабааа.

Пелагея дала Ирке две колючие чесалки, насадила на них шерсть, но чесалки слипались, раздираться не хотели, и Ирка их бросила на диван.

– ЫЫЫ

Зашел дед, ухмыльнулся в усы, поднял девочку на плечо и понес во двор.

– Пошли чесало бабе сподобим, а то она вона все сломался... А потом козину с тобой выбирать знайчнэм, чтобы платок не кусалси.

– Дед, я Ирку заберу, меня Райка позвала, пойдём на чай-сок.

Геля – большая, пышная, с рыжей копной чуть взбитых волос, сияя в сумеречном предзакатном свете такой бело-снежной кожей, которая бывает только у рыжих, в ярком открытом светлом сарафане, стояла у ворот. Ирка потянулась к матери. Дед отдал девочку, недовольно сдвинул назад фуражку: – И дефку туда тянет. Кровь вас что ли зовет...

Дед еще долго ворчал, постукивая на погребнице инструментом.

***

Вечер выдался прохладным, уже чувствовалось далекое дыхание сентября, легкий, почему-то слегка грибной запах близкого перелеска смешивался с ароматом высохшей степной травы и костерка. У всех в палисадниках буйствовали разноцветные астры, и только у цыганских ворот клубилась путаная желтая мурава. Геля приоткрыла калитку, нерешительно протиснулась в небольшую щелку, вроде как боялась открыть ее шире, втянула Ирку. Под ноги, откуда-то из-под кустов смородины выкатился чумазый Вовка, крепкий, смуглый, похожий на взведенную пружинку. Он запрыгал вокруг

Ирки, что-то быстро лопоча.

– Офка!

Ирка заулыбалась разом, позабыв все беды и, перебирая пухлыми ножками в сандаликах по плотно утрамбованной земле, побежала за мальчишкой ловить Полкана. Геля опасно прошла в глубь двора, к очагу. Райка снимала с огня котелок, из которого на весь двор пахло чаем и мятой. Геле вдруг показалось, что все осталось, как прежде, и даже заболела голова от тяжести несуществующей косы за ее спиной. В глубине двора сутулый цыган возился с телегой...

Глава 7. Прощание

И что? Так все бездарно и пошло закончилось? Сейчас, когда аромат степного воздуха, смешавшийся к вечеру с запахом мяты и дыма цыганского костерка, так остро напомнил прошлое, Геле вдруг показалось, что она – все еще та, смешная, рыжая девчонка в конопушках, и все еще можно вернуть – радость, чистоту, беззаботность и предчувствие любви. И можно просто подойти сейчас к Лачо и сказать: "Здравствуй...».

Геля рассеянно следила за дочкой, которая, вереща от восторга, засовывала руку чуть не по локоть в глотку добрейшему старенькому Полкану. Вовка тянул девочку за руку от собаки назад, упираясь грязными пятками в утопанную до блеска землю двора. Но Полкан видал и не такое, пасть держал открытой и руку ребенка даже не прикусил. Геля же осторожно, исподтишка смотрела на Лачо, таясь от пронзительных Райкиных чёрных глаз. Та, бросив шаль прямо на землю у костра села, расправил свои необъятные юбки и творила чудеса с картами. Карты летали сами собой, сбивались в кучки, потом раскладывались мудренными крестами и снова падали, дорожками разбегаясь по углам.

– Чего скажу, алмазная. Ты вот стены строишь, вон они везде – и каменные, непроглядные, и тонкие, вроде бумажные. Стараешься – и получается, скоро замуруешь себя пол-

ностью. А зря все. Зря. Вот!

Райка жестом фокусника выкинула на шаль короля бубен.

– Вот он. Весь кровью истек, душа его болит, мается, к тебе рвется. А ты, как собака цепная и лаешь, и кусаешь.

– Кто это, Рай? Это он?

Геля чуть кивнула головой в сторону Лачо, которого уже почти не видно было в по-осеннему быстро сгустившихся сумерках.

– Дура. Его судьба черная, ты не лезь в нее, не буди лихо. Он болеет тобой, но болезнь его злая, недобрая, не любовная. Смертельная она, подальше держись. А вот твоя – она светлая, даже карты, как звезды сияют. Сама глянь.

Райка показала дорожку из карт красной масти, которая пролегла длинной чередой из угла в угол цыганской шали. И вела она от короля к даме, вела прямо, как лестница, никуда не сворачивая. И по бокам дорожки что-то вроде светилось, переливалось еле заметно. Геля потерла глаза, потрясла головой, присмотрелась. Показалось... Привстала, аккуратно взяла короля в руки.

– И не дури! Давай, манатки собирай, девку за шкирбан и в Москву езжай. Ищи его, все ноги отбей, а найди. Судьба это твоя, золотая, а от судьбы бежать – мало что глупо, опасно! Давай чашку, налью чай.

Геля с Райкой тихонько прилебывали ароматный чаек, а на шали, скрутившись в два маленьких комочка, дремали Ирка с Вовкой. Лачо к ним так и не подошел... Только Геля

кожей чувствовала его взгляд – обжигающий и болезной.

***

В окно кто-то стучал – резко, настойчиво, сильно. Геля с трудом оторвала голову от подушки, по стеклу барабанил дождь и завывал такой ветер, что заглушал все остальные звуки. Поправив сползающую подушку на Иркиной кровати, она отодвинула занавеску и увидела бледное лицо матери. Распахнула окно, ветер сшиб вазу с подоконника, рама хлопнула, задела за зеркало на неустойчивой подставке, зеркало упало и вдребезги разбилось. Заревела Ирка. Геля взяла ее на руки, прижал к себе.

– Что случилось, мам? Что ты с улицы-то? С ума сошла?

– Баба Пелагея! Ты изнутри закрылась, мы достучаться не могли. Борька у Лачо коня взял, в больницу поскакали. Может успеют врача на машине оттуда довести, плохо совсем.

Анну всю трясло, она еле выговаривала неловкими губами слова, распущенные волосы слиплись от дождя, ночная рубашка облепила ее мокрой тряпкой. Геля положила засопевшую снова дочку, схватила одеяло и одним прыжком сиганула за окно, укутала мать.

– Пошли в дом. Быстрее. Что с бабушкой?

– Кровью рвало, сейчас лежит, стонет. Помрет ведь, Гель.

Анна зарыдала трудно, горько, тихо. Геля никогда не видела слезы матери и ее будто резанули ножом. В комнате у бабки с дедом горели все лампы. Дед стоял на коленях перед иконой, вернее он почти упал, без сил. Баба Пелагея, блед-

ная, как беленая стена лежала на кровати, одетая в лучшее черное платье. Она смотрела в потолок и шевелила губами. На диване сидела тетка Татьяна с полотенцем в руках. Анна бросилась в ноги матери и завывала, заскулила, как раненный щенок.

– Прекрати!

Тетка Татьяна встала, взяла Анну за плечи и заставила подняться.

– Жива она, что ты воешь, как по покойнику. Все обойдётся, в ней сил, как в лошади, не болела никогда. Держи себя в руках, сейчас врача привезут.

В темном дворе мелькали тени. Сбежались соседи, бабу Пелагею уложили на носилки, Геля вскочила в кабину. Когда машина выворачивала из переуллка, все казалось ей страшным сном.

***

В палате было светло и тихо. Бабушка мирно дремала, розовые щеки и длинный нос на белоснежной подушке казались нежными, беззащитными и очень молодыми. Геля сидела на стуле и клевала носом, она не спала уже дня три, но наотрез отказывалась уходить. Кровотечение остановили быстро, оно было небольшим и не очень опасным, но вот язву, невесть откуда взявшуюся в бабушкином здоровом желудке, надо было лечить. Правда Пелагея сегодня собралась «до дому», урезонить её не смог даже главврач, суровый, бородастый дядька, похожий на штангиста, узелок уже был собран

и дожидался у кровати.

Влетел Борька.

– Слушай! Мать моя. Вы чего тут рожать-то взялись, вам платят что ли? Галька девку родила, мать сегодня туда к им звонила. Говорят хорошая, толстушка, Ленкой назвали. Теперь у Ирки твоей сеструха есть, давай магарыч ставь, чего расселся?

– Яяяя?

Геля очнулась, страшное ушло, в палату вроде заглянуло солнышко. Проснулась бабка.

– Оооой. Да что ж дилать-то? Да ж внучечка еще одна рОдна. Та бегить надо быстрише, чего стали, як бараны?

– Куда бегить – то, бабка? Она ж там, у него, в горах. Аксакалы им в помощь.

Борька ржал, как молодой конь. Геля хохотала тоже.

...

Стол накрыли под старой вишней, большой, на полдвора, вокруг поставили лавки, накрыли их покрывалами. Проводить Гелю с Анной пришло столько народу, что еле расселись вокруг. Пелагея была еще слабовата, но напекла блинов, таких, как умела она одна, кружевных, тоненьких, румяных. Куриный холодец, огурцы, еще пока малосольные, но хрустящие, смачные, с налипшими крупинками укропных семян, молодая картошка с растаявшим маслом, сметана. Тетка Татьяна напекла пирогов с капустой, здоровенных, как лапти, но нежнейших, таящих во рту. Угощение было простым, но

таким вкусным, что у гостей текли слюнки, особенно после запотевшего граненого стаканчика с чистейшим самогоном, на который горазда была бабка. Часа через два запели. Так пели только здесь, мешая украинские и русские слова, громко, но очень мелодично и душевно.

Геля сидела, приобняв Ирку, она сама не знала, чего больше ей хотелось... Уехать... Остаться... Там, в Москве, был ее мир, но здесь оставалось детство. И, наверное, настоящая и единственная любовь тоже оставалась здесь... Никто не знает...

***

Кто-то потрогал ее за коленку. Геля наклонилась почти под стол, поймала маленькую чумазую ручонку.

– Тебе чего, Вовка?

Мальчик показал пальчиком на ворота. За воротами, спрятавшись в длинной предвечерней тени старой березы стояла Чергэн. Укутанная до самых глаз в цветастую, драную шаль, так что не видно было лица, она то ли сгорбилась, то ли стала меньше ростом. У Гели екнуло сердце, но она подошла.

– Чего тебе?

– Уезжаешь, солнечная?

– Да. Утром поезд.

– Навсегда, скажи?

– Не знаю. Может.

– А мне жить как? Сына убили, мужа околдовали? Меня

убей теперь, ты ведь можешь, ведьма.

– Зачем ты так? Разве во мне дело, Чергэн? В себе причину ищи, ты его отняла у меня, украла...

– Да. Ворованный конь – он часто порченный. Вот дите твоё не Рома моего, только это хорошо. А то бы беда была.

– Дура ты, хоть и цыганка. Иди, вон мужик у тебя живой, здоровый. Будешь так жить и его потеряешь.

– Умер он уже, золотая. Умер.

Чергэн резко отвернулась и быстро пошла по улице, почти побежала. Через секунду ее фигурка растаяла в сумерках угасающего дня.

– Тьфу! Совсем одурела...

Солнечным, уже почти осенним утром, на перроне было даже прохладно, Анна замотала Ирку в свою кофту и стояла с ней в здании вокзала, спрятавшись от ветра. Геля сторожила чемоданы, поезд должен был вот-вот подойти, и она последний раз смотрела с холма вниз, на деревню. Кто-то тронул ее за плечо. В этот момент что-то случилось в мире, и горячая волна окатила Гелю с ног до головы, обожгла кожу и варом окатила щеки. Она медленно обернулась.

Сзади, смущенно улыбаясь, но жадно всматриваясь в ее черты, стоял Володя...

Глава 8. Дома

Павелецкий вокзал встретил их пронизывающим ветром и дождем. Пока всё выгружали, считали бесчисленные сумки и сумочки, ведра и бачки с вареньем и соленьями, корзинки с яйцами и другим добром, которым их нагрузили в деревне, Геля промерзла до костей. Анна тоже стучала зубами, она прижалась спиной к колонне и держала спящую Ирку, до ушей закутанную в теплое Володино пальто. Володя бегал уже минут двадцать в поисках носильщика, а потом еще надо было бы поймать такси. Но, наконец, все это закончилось, и в комнате, уложив Ирку, они долго, молча сидели за столом, просто глядя друг другу в глаза. Потом, очнувшись от много значительного покашливания Анны, встали и вышли на кухню.

– Анна Ивановна. Будем знакомы.

Мать кокетливо протянула руку парню, вроде как они не тряслись долгих восемнадцать часов в тесном плацкарте.

– Володя.

Он смущенно улыбался, но у всех было такое чувство, что просто все стало на свои места, и все наконец встретились после долгой разлуки...

***

– Геля, я родить не могу, мужики чего-то все не те. Мне уж тридцатник, знаешь?

Верка стояла, опустив голову и в её позе – непривычно опущенных плечах, сгорбленной спине была какая-то тоскливая беда, обездоленность, одиночество, пустота. Геле жалко стало её до комка в горле, до слез. Ей стало стыдно за ту противную мысль, вдруг промелькнувшую в голове помимо ее воли – что-то вроде «Детей любить надо, коль хочешь, чтобы их Бог давал». Она погладила Верку по голове, как маленькую.

– У врача была?

– Да была... Я ж не замужем. Кто всерьез заниматься мной будет, какие дети. Неполная семья получится. Там запрет какой-то, не знаю...

– На что запрет, дурында? Ты ж родить хочешь, на это разрешения не требуется.

– Не Гель. У меня там чего-то по-женски. Да и брат Даун, не знаешь, наверное...

– И что? Это ничего не значит, у тебя может все нормально быть.

– А может и не быть, ага? Пийсят-пийсят. И чего? Я одна буду дебила воспитывать? Не. Я здорового хочу.

– Дауны не дебилы, пора бы знать, среди детей живешь, это работа твоя – дети. А свой, он любой родной. Рано тебе, Верк, детей иметь. Повзрослей сначала.

– Та лаадно. Воспитательница. Сама небось не дебилку растишь, так откуда тебе знать. Он вон, Васька, братик мой хренова, здоровый уже дурак. Пятнадцать уж, а руку из шта-

нов не вынимает, мать стирать замучилась. А вилку да ложку держать не научился. Жрет из миски ртом, как свинья. Мне чего, оно надо?

Верка подошла ближе, притянула Гелю к себе, зашептала горячо, прямо в ухо

– Слушай. У нас тут девочку вчера привезли, не в твою смену, малышку, три года. Еленкой зовут. Такая чудесная, крошечная, ласковая. То ли армяночка, то ли цыганочка, не поймёшь. Мне бы взять ее, в приемные. А? У нее нет никого, мать с отцом пили, их убили в деревне, дом сожгли. У нас ведь вроде привилегии есть, у сотрудников... Только вот семья у меня не полная, мужа нет. Гель! Помоги!

– Жениться на тебе, что ли?

– Я без шуток. Пойди к директрисе, она тебя уважает, помогите документы собрать. Пусть словечко замолвит. Ну, или Вовка, в крайнем случае... Твой.

– Что Вовка? Не поняла!

– Ну этот... фиктивный брак...

Геля настолько обалдела, что не нашлась, что сказать. Она молча покрутила пальцем у виска, повернулась и ушла.

***

– Ангелина Ивановна, зайдите пожалуйста ко мне. Директор сегодня была, как-то особенно сурова, маленький глазки смотрели через толстые стекла очень сильных очков серьезно и даже зло.

– Вы в курсе, что Вера Михайловна подала комплект до-

кументов на удочерение ребенка из нашего интерната. Она письменно заверяет комиссию о том, что вы согласны написать её характеристику и дать рекомендации. Мало того. она уверяет, что тоже самое согласна сделать и я.

Геля видела, что Алевтина раздражена, но врать не стала.

– Я в курсе.

– А вы в курсе, что Вера Михайловна достаточно несерьезна в быту, принимает компании и у нее неблагополучная семья?

– Я ничего не знаю о несерьезности, Алевтина Михайловна. Мало того, я считаю, что человек, день и ночь занимающийся отказными детьми, отдающий им практически все, что имеет, не может называться несерьезным. Да и про ее быт я ничего не могу сказать, плохого не знаю. А что вы имеете в виду под не благополучностью семьи?

– Ну, к примеру у нее брат болен психическим заболеванием.

– Люди – дауны, это особый мир. Я не называла бы это так однозначно. И при чем тут это?

– Мы разве можем отдать ребенка такой неблагонадежной женщине? Подвергнуть его опасности – несерьезная мать, психически больной брат, пусть сводный. Вы были у нее дома?

– Я схожу. Можно мне уйти, у меня урок.

– Ступайте.

Алевтина царственным жестом указала на дверь. Геля

медленно пошла, у самого выхода обернулась.

– Скажите, чтобы вы выбрали для своего ребенка в случае собственной скоропостижной смерти? Жизнь дома, пусть даже с не очень серьезной мамашей и больным братиком или жизнь в интернате для брошенных детей? Только честно.

Алевтина побагровела и заорала, брызгая слюной

– Как ты смеешь, дрянь?

– Вот-вот, – Гелю трудно было испугать, и она уже закусила удила, – думаю вы знаете ответ. И всегда используйте метод подстановки. Он не обманывает. Выходя из кабинета, Геля с силой долбанула дверью, так что посыпалась штука-турка.

***

– С..., б... Тебе бы, корове, ночку подежурить в спальне и послушать, как они маму зовут. Гадина.

В спальне малышей было почти темно, свет ночника, стоящего на столе воспитателя и так был неярким, да еще кто-то прикрыл его книгой, поставленной на ребро. Геля долго привыкала к темноте после ярких ламп коридора, и наконец, когда картинка проявилась увидела, что у дальней кровати на стуле кто-то сидит. Она подошла поближе и замерла. Несгибаемая Верка, хохотушка, пошлячка и циник, дремала около крошечный курносой девчушки, свернувшейся клубочком под простыней. Этот гренадер в юбке держал ее за ножку, просунув руку сквозь прутья спинки.

Девочка заворочалась, захныкала. Верка проснулась рез-

ко, вроде ее стукнули, запела тоненьким голоском что-то успокаивающее. И тут увидела Гелю.

– Плачет всю ночь, тссс, – она прижала палец к губам, — били ее, синяки на попке, удавила бы гадов.

– Приходи завтра к нам, поговорим про фиктивный.

Геля сама не верила, что сказала это.

***

Подходя к двери квартиры, вставив ключ, Геля вдруг услышала непривычные гикающие звуки. Тихонько провернув ключ в замке, она зашла в прихожую и устало поставила сумки. Судя по всему, ее никто не ждал, а гиканье набирало радостную силу и к нему добавился тоненький восторженный визг. Дверь в их комнату была приоткрыта и она, крадучись, заглянула. На диване, красный, распаренный, как после бани Вовка, подкидывал чуть не до потолка румяную счастливую Ирку.

– Гик, гик, гик. А ну давай, выше скачи.

Кудряшки у Ирки взлетали, она визжала, как поросенок, и при очередном приземлении пыталась обнять Володю за шею и быстро чмокнуть розовым рыльцем. А тот, нежно подхватывая её, летящую, совершенно самозабвенно вопил —

– Гик, гик, гик.

***

Чуть приподнявшись на локте, Володя всматривался в Гелино лицо, в свете луны оно казалось мраморным, как у статуи. Полные нежные плечи были открыты, и он поправил

одеяло. Геля проснулась.

– Что, Вов?

– Мы с тобой не договорили тогда. Я виноват.

– Ничего не изменилось, мой хороший. Все так же.

– Это – ДА, Гельчонок?

– Конечно – да...

***

– Гель, на свадьбу Александр хочет приехать, он вообще вернуться решил. Вы как с Володей, не против?

Анна сдала, в последнее время. Даже не сдала, изменилась. Больше не было шикарной черноволосой красавицы, эта женщина, с небольшим пучком седоватых волос, полным животиком и приземистыми ногами даже ростом казалась меньше. И нельзя было сказать, что она постарела. Просто маленькая, уютная, кругленькая женщина без возраста с хитрыми глазками вдруг возникла на месте той Анны. И все приняли это превращение, как должное. И Геля поняла, что у нее есть второй ребенок – мама.

– Не против. Но если он за старое возьмется, я его удавлю. Как жабу.

Володя с осуждением посмотрел на Гелю и промолчал. Он вообще был очень аккуратен в высказываниях, особенно когда дело касалось родителей и особенно, когда рядом крутилась Ирка. А Ирка от него не отходила. Сидела на коленях, когда он работал и водила пальчиком по красивым серебристым самолетикам. Торчала в ванной, когда он брился,

весело вопя, когда Володя делал вид, что хочет мазнуть ее помазком. И часами гуляла по городу, доверчиво сунув лапку в его большую руку, и потом, устав, ехала у него на шее, прижавшись пузиком к затылку. Как случилось так, что они стали не разлей вода, Геля так и не поняла.

– Вов, я платье заказала, в загс, недорого.

– Глупая. Первое же платье свадебное, чего жадничать.

– Я не хочу слишком. Просто платье. И давай поскромнее, а?

– Давай...

Глава 9. Фиктивный брак

Геля ходила по столовой, останавливаясь около самых маленьких и вытирала им мордашки. Многие дети плохо умели управляться с ложкой, пытались выловить кусочки из супа руками, ломали и крошили хлеб. Сегодня она снова вышвырнула с дежурства очередную няньку. Поймала она её на том, что та лупила изо всех сил по губам Андрюшу, небольшого, полного, не очень опрятного ребенка. Андрюшу нашли морозным вечером в парке, зимой, дремлющего на лавочке, где его оставила мать, В записке, прищипленной к заиндевевшему воротничку было написано толстым карандашом «Берити, кто хотити».

Андрюша заметно отставал в развитии от других детей и никак не мог научиться выполнять даже простые действия. У него вечно переворачивалась ложка по пути ко рту, куски еды падали на колени. От того, что губы все время были мокрыми от подтекающей слюны, мальчик часто вытирал его нижним краем рубашки или рукавом. Няньки ненавидели ребёнка со страшной силой. Особенно в последнее время, когда в интернат устроились молодые девчонки, подрабатывающие перед вторыми и третьими попытками попасть в институт. Нервные они какие-то были, вечно раздраженные. Геля гоняла их, как жучек, но сделать ничего не могла, дефицит нянек был вечным, и Алевтина девок не увольняла.

Удивившись странной тишине в столовой, она заглянула через окно поварской. Нянька держала за шею Андрюшу, откинув назад его голову, и чем-то плоским быстро и резко била, точно попадая по мокрому рту, почти без промаха. Мальчик дергал головой, слезы катились градом, но не произнесил ни звука. Жизнь уже научила малыша, что лучше молчать, если хочешь выжить. Остальные дети вытянули шейки, смотрели и тоже молчали.

– И что ты творишь, дрянь...

Геля за шкуру притащила няньку – мелкую, злую, черную, как муха девку, в преподавательскую.

– Ты знаешь, б...., что мальчик уже замерз почти, когда его нашли, Ты, дебилка, понимаешь, что ребенку три года? Три! Ты вон своего, сопливого, научила к трем годам аккуратно суп есть? Научи, а потом над чужими изгаляйся.

– Да пошла ты. Эта срань слюнявая сегодня вторую рубашку изгадила. Я что, нанялась тебе тут рубашки менять каждому дерьму? Я его вообще прибью, чтоб зря воздух не портил. Все равно в психушке кончит.

Второй раз в жизни Геля вдруг почувствовала, что пол уходит из-под ног, и все происходит в каком-то другом измерении. Когда она пришла в себя, то увидела, что прижала няньку к стене, локтем уперлась ей в грудь, а тыльной стороной другой руки прижала горло.

– Удавлю. Еще раз замечу – удавлю! Просто, как жабу. Прямо тут! Сама удавлю, мерзость ты! Сука!

Нянька выпучила глаза и сипела, пытаясь что-то сказать. Геля вдруг почувствовала, что кто-то, мощным толчком отбросил её от девки, она отлетела, как пушинка к противоположной стене и окончательно пришла в себя.

– Ты обалдела что – ли?

Сзади стояла здоровенная Верка и крутила пальцем у виска.

– Алевтина и так, зверем смотрит. А ты, из-за этой гадюки вылетишь, еще характеристику дадут хреновую. И куда? В дворники? Без детей свихнешься сразу.

Они постояли и подышали, успокаиваясь. Нянька обрела голос и завизжала, тонко и противно:

– Я жалобу напишу. Я сегодня к директору. Я на вас в суд...

Верка повернула мощный торс и приподняла небольшую табуретку за ножку, легко, вроде та была игрушечной.

– Добавить? Я те не Ангелина, мозги не соберешь свои куриные.

Нянька ящерицей проскользнула в дверь, высунула голову и уже из коридора пропищала:

– Узнаете у меня, гадины жирные!

– Тьфу, б...! Профура! Гель, пошли курнем. А потом, что покажу...

***

В прохладной полутьме столовой свет падал на столы от чуть приглушенных настенных ламп. Уже остались только

посудомойки и уборщицы, все почти убрали, и лишь крошки и пятна на светлых клеенках напоминали о только что кончившемся шумном ужине. Женщины сновали туда-сюда, унося последнюю посуду на подносах.

– Пошли туда, только не вылазь особо, не спугни. Дура Алевтина ругает их за это.

Верка протащила Гелю за руку до двери в посудомоечную. Они осторожно заглянули. Длинная металлическая мойка была полна посуды, стоял пар коромыслом, и Геля не сразу смогла присмотреться.

– Там, в углу.

В самом конце мойки, почти напротив окна, отчего во круг маленькой головенки пар образовывал легкое облачко в лучах падающего света, на подставленной табуретке, стояла крошечная девочка в фартучке. Она по локоть утонула в мыльной пене, но старательно терла мочалкой маленькую тарелку. Сосредоточенное личико и равномерно подпрыгивающий в такт хвостик выглядели так умирительно-серьезно, что Геля чуть не прослезилась.

– Это Ленка...

Верка помолчала и тихо добавила

– Моя...

– Слушай, а что она делает здесь? Алевтина запретила маленьким сюда входить, там чего-то по технике безопасности у нее. Узнает, блин, греха не оберешься. Давай-ка, тащи ее отсюда.

– Да ладно тебе, Гель. Она всё время здесь торчит, помогает. За уши не вытянешь. Ты бы видела, как она пирожки печёт. По уши в муке, лепит, начинку кладет, губку прикусит, глазючки сощурит, как взрослая, Я вообще чуть не писаюсь от счастья. Хозяйка, твою в коромысло. Это не дите, это чудо.

– Ленусик...

Верка пропищала таким непохожим на свой полу бас голосом, что Геля даже вздрогнула. Малышка соскочила с табуретки и вприскокку побежала к Верке, обняла ее за коленки и ткнулась мокрым личиком ей в юбку.

***

– Вов...

– Что, хороший мой?

Володя, вперившись в телевизор, сжав подлокотники кресла, так что побелели костяшки пальцев, смотрел футбол. Болельщик он был страстный, и при всей выдержанности, мог заорать что-нибудь мало приличное, правда вовремя спохватывался. Геля удивилась, что он услышал ее голос, там, сейчас, как раз лохматый парень, весело подпрыгивая, почти довел мяч до ворот.

– Я тебя попросить об одной вещи хочу. Только сразу не говори «нет». Выслушай.

– Сейчас, Гельчонок. Подожди чуть. Ааааа, нуууу, твооою ж... мазила...

– Вов, я прошу тебя чуть повременить с нашей свадьбой...

Володя обернулся, посмотрел ей в лицо. Потом молча встал, выключил телевизор, сел напротив и взял ее руки в свои.

– Я не понял, Гель. Случилось что?

– Да ну, что-ты...

Геля вдруг испугалась сама. Сейчас, когда она смотрела в его глаза, чистые и честные, ее предложение вдруг ей самой показалось чудовищным. Она долго не могла подобрать слова, путалась. Володя молчал.

– Это ребенок, понимаешь. Маленький, брошенный. Ей семья нужна, настоящая. Она такая...

Геля еще долго, путано что-то объясняла, Володя слушал. Видно было по движению бровей и скул, что он сопереживает ее рассказу, сопереживает по-настоящему. Наконец, он сказал:

– Так что делать-то надо? Наша свадьба тут при чем, что-то я не совсем понимаю.

– Ну как при чем. Тебе надо жениться на Верке.

– Что?

Володя встал резко, будто его ткнули, с грохотом упал стул. В комнату вбежала Ирка, затеребила его за руку.

– Апа, в запарк, апа.

– Как она тебя называет, Вов?

Володя смущенно пожал плечами, подхватил девочку.

– Можешь не верить, она сама. Я не учил.

– Мать! Вот ведь аферистка. Потихоньку научила.

– Тебе неприятно?

– Дурак ты. Хоть и инженер.

– Гель, вот что...

Володя сел, посадил Ирку на коленку, покачал

– Я, в общем понял. Ты хочешь, чтобы я расписался с тобой Веркой фиктивно, для удочерения девочки. Этого не будет. Я этого не сделаю. Ты понимаешь, это совершенно вразрез с моими правилами.

Геля стояла, опершись о дверной косяк и думала, как она вообще могла предложить ему такое.

– Я могу пойти в загс только с той женщиной, с которой действительно хочу жить. Детей от которой иметь. С тобой! И главное – это же моя страна, девочка. Это законы моего государства. Так нельзя.

Геля молчала.

– Но мы можем сделать вот что. Распишемся и удочерим девочку. Так правильно и это будет честно. Ты, кстати, уверена, что Верка твоя способна одна ребенка тянуть? Она вон, поддаёт слегка. Представляешь, что будет с этой вашей Ленкой, если её второй раз выкинут, как щенка?

– Ее не выкинули, там погибли родители... Я поняла, Вов.

Потом они еще долго сидели, молча, пока не стемнело. Геля бессмысленно чертила в тетрадке, Володя возился с Ирккой, что-то строили на ковре из больших бумажных кубиков.

Иногда Геля поднимал глаза и исподтишка вглядывалась в его черты. И думала...

***

Коробочка жгла руки, как будто ее раскалил кто-то нарочно. Геля судорожно сжимала пальцы, ощущая, как будто сердцем, бархатистую поверхность, но отступить было некуда, она уже обо всем договорилась, маховик был запущен. В раздевалке было тесно и душно, от волнения Геле не хватало воздуха, но она, спрятавшись между шкафчиками, все же дождалась Верку.

– Верк...

– Ты чо это здесь кукуешь?

– Дело есть.

– Ну...

Геля глубоко вздохнула и выпалила.

– Слушай, есть мужик. Он за деньги согласен расписаться. Представляешь – не пьет, подрабатывает, сволочь. И денег даже не много берет, так, по-божески. Я с ним договорилась на это. Адрес тоже там...

Геля сунула Верке в руки коробочку. Та приоткрыла, и в тоненьком лучике света, пробравшемся в приоткрытую дверь, заблестела жемчужинка на тоненькой граненой цепочке. И маленький, светящийся розовый шарик...

Глава 10. Жемчужинка

– А чиво мне стесняться, я у себя дома, может ты забыла, кляча старая. Ишь, замечанья она мне... корова.

За столом, почесывая живот, поросший седым и волосами, хозяином развалился отчим. Анна сгорбилась, ее всегда прямая спина, как будто вдруг устала. Отчим уже с час нес околесицу, четвертинка, видно была ему не по силам, и он резко и, как-то грязно опьянел.

– Тута, вон, мужик чужой живет, а мне стесняяйся. Я в своем дому, хочу при костюме буду, хочу голый пойду.

Он громко рыгнул, не прикрывшись, Ирка вздрогнула и с интересом посмотрела в его сторону.

– Деда, ик, – она на удивление точно повторила мерзкий звук, только тоненько.

– Ира!

Анна раздражённо посмотрела на мужа.

– Ира, это нехорошо.

– Нехорошооо?

Маленькие, заплывшие глазки отчима просверлили Анну, как буравчики,

– Это ты вон Тигре своей скажи, что нехорошо хрен знает кому дитенка давать. Ты в иго пачпорт смотрела? А ты гляянь. Может он преступнек. И насильничать вас тут пришел.

– Ну да, – Анна усмехнулась и встала,

– Меня, в первую очередь.

– А ты молчи, когда муж ругает. Ишь ты, старая карга, а дурная.

Геля молчала и катала в руке хлебный шарик. Все началось сначала, и она до смерти боялась, что она не выдержит, вмешается, будет обычная свара и тут вернется Володя. Что будет дальше, она могла себе представить, Разве Вовка выдержит, особенно при Ирке? Дочка ее стала почти божком для мужика.

– Надо его выключить!

Вдруг пришла ей в голову гениальная по своей простоте мысль

– Где- то у меня пиво было для завивки. Несвежее, да и хрен с ним. А у матери водка для натирания. То, что надо!

Порыскав у себя в комнате, Геля нашла открытую бутылку, посмотрела на дату.

– Опа. Так оно еще и свежее, относительно, до завтра срок. Пойдет с водярой, как по маслу.

Она влила пиво в здоровенную кружку, получилось две трети. Долила водки почти до краев, благо мать хранила её на балконе, и коктейль оказался прохладным. Подошла и с силой влепила кружкой по столу, так что жидкость расплескалась, образовав светло-желтую вонючую лужицу.

– На! С приехалом тебя!

– О. Тигра! Ишь, уважила отца, доченька. Молодец, можешь угодить папе.

– Жабa тебе доченька. Отпусти Ирку и давай хряпнем, что ли.

Геля глотнула из своего стаканчика, отчим залпом вылакал пойло. В дверях зашуршал ключ.

– Папааа!

Ирка кубарем скатилась с колен отчима и побежала в коридор. Споткнулась о неловко выставленный ботинок отчима, шлепнулась, но не заревела, потеряла коленку и понеслась дальше.

– Ты ж мое солнышко, ясное. Ну-ка иди, Я тебе тут от зайчика передачку принес.

Володя вошел в зал, у него на плече, хохоча, как колокольчик, сидела Ирка. Мордочка у нее была вся в шоколаде, и вид абсолютно счастливый. Володя снял ее, посадил на стульчик, по-дошел к отчиму и протянул ему руку.

– Здравствуйте, Александр, будем знакомы – Володя.

– Привет, зятёёок...

Геля напряглась, сейчас хорошо бы, чтоб отчим совсем поплыл и ушел спать. Но старый алкаш не сломался, коктейль на него подействовал странным образом, не опьянил, а вывел на какой-то новый виток спирали, пустой и злобный. Он с грохотом, ногой задвинул под стол табуретку, на которую хотел сесть Володя, зло сверкнул, вдруг налившимися кровью глазами и тонким бабьим голосом взвизгнул:

– Чего это ты тут расхозяйничался... куда эт ты зад мОстишь. Тута я живу, а ты пшол отсель. Пшол, пшол. Ишь

прийманок, ...еров.

Мат, грязный, какой-то профессиональный даже, резанул Гелины уши, которая и сама была не прочь подзапустить пару словечек. Но этот... Он был каким-то страшным. Она вскочила, сгребла Ирку в охапку.

– Гель, уведи мать. Забери ребенка. Подождите немного, там, у нас. Мы тут быстро.

Отчим хотел было встать, он совершенно озверел, щерился волком, смотрел слепо мимо лиц, видимо, практически не видя, и шарил скрюченными пальцами по скатерти, то ли искал что, то ли пытался удержаться. Нащупал нож, никак мне мог взять, скатерть морщилась, собираясь в складки, мешая.

– Анна... б. Где ты ссс... Покажись мужу, псина старая.

Анна ящеркой, вроде как не была такой кругленькой и неловкой, вмиг проскользнула мимо и тенью шмыгнула в коридор. Геля вытолкнула туда и Ирку и дернулась было к отчиму, но Володя одним четким и ловким движением что-то такое сделал, что отчим резко плюхнулся на стул и выронил нож.

– С... пусти гад. Больно, сволочь

– Иди, я сказал, – мотнул Володя головой в сторону двери, – мы тут поговорим с... папой.

Геля с Анной еще долго сидели на кровати в спальне и смотрели на проникающий из зала свет. Сначала визгливый крик отчима, что-то упало. Потом все затихло, был слышен только легкий скрип, тихий голос и шаги Володи по комна-

те...

Когда Геля проснулась среди ночи и прокралась в коридор, свет еще горел. В полуоткрытую дверь она увидела, что отчим спит на диване, прикрытый материным теплым халатом. Со стола было все убрано, приоткрыто окно.

– Вов... ты где?

– Тссс, – Володя приобнял ее сзади, от него пахло водкой и, почему-то, дымком костра.

– Все нормально. Пошли спать.

...

Утром, в воскресенье, они сидели за столом долго, не спеша пили чай. Мать с Ирккой еще спали, отчим в ванной уже час что-то делал, кричал, вздыхал, шумела вода.

– Видишь, стыдно ему, не выходит. Может вы зря уж так, с ненавистью сразу? Может как-то понять?

– Вов. Он мать бил раньше, у алкашей нет ни совести, ни стыда. Это он сейчас притих, слабоват стал. Мама раз рукой махнула, так он в стену впечатался, еле встал. Здоровье-то полностью угробил, лезть боится, теперь только несет всякое. Мерзость!

– Корябает его что-то. Сильно.

– Знаешь! У него два сына взрослых. Вот пусть их и корябает, а я сыта по горло. Давай квартиру снимем, а? Володь, не могу больше. И Ирке это дерьмо каждодневное, зачем?

– Давай, – аргумент про Ирку был железным, – у меня у друга родители комнату в своем доме сдают. Я поговорю.

...

– Мама красивка. Мама красит губки.

– Пора уже нормально говорить, Ира. Два с половиной годика, давай-ка, покажи пальчики, сколько тебе?

Ирка крутилась около, лезла в тумбочку и гоняла по полу, как котенок найденную помаду. Встала на четвереньки и озорно выставила два пальчика.

– А еще половинка?

Малышка захихикала тоненько, вошла Анна, взяла девочку на руки, посмотрела на дочь.

– Время как бежит, Гель. Вроде вчера тоненькая рыжуха у зеркала крутилась. А ты вон теперь, прямо дама...

Геля задумчиво разглядывала свою полную фигуру. Платье цвета топленого молока, хоть и немного подчеркивало полноту, но удивительно ей шло. Чуть подкрашенные хной волосы отливали глубоким темно-медным сиянием. Поднятые высоко, забранные в пышный узел, они открывали белоснежный лоб и подчеркивали разрез зеленых глаз. Темно-розовая помада делала мраморную кожу еще белее.

– Красивая... моя.

Володя прижался щекой к ее волосам,

– Цепочку с жемчужинкой надень... замечательно будет.

Геля вздрогнула. Она давно хотела признаться, но тянула. Врать, что потеряла, она не хотела наотрез, и вообще врать ему она больше никогда не хотела.

– Вов! Я ее продала... Вернее отдала...

– Кому? Зачем, Гель? Тебе деньги нужны?

После ее рассказа, он весело покрутил головой и сказал

– Знаешь, Гельчонок? Правильно! Я только начал тебе дарить, продолжу. Какая наша жизнь...

– Дурак! Давай лучше на квартиру копить. Кооперативную... Хочу новую жизнь начать. Только с вами!

Глава 11. Секретарь

– Согласны ли вы...

Геля чувствовала, как новая туфля сжала ее мизинец огненными тисками, ещё чуть-чуть и ступня взорвется, разлетевшись на сотни горящих маленьких осколков. Худая тетка, похожая на недоваренную щуку, в красном платье оттенка знамени вещала неожиданным басом и голос ее то отдалялся, то приближался. Да еще заколка на тугом пучке так тянула какой-то волосок, что ей хотелось тихонько пискнуть.

– Интересно, что будет, если сказать – «Не согласна»?

Озорная мысль так смешно пощекотала внутри, что Геля чуть не хихикнула. Она представила вытянувшиеся лица свидетелей и ошалевшее Вовкино. Скосив глаза, она посмотрела на него, и, увидев серьезный, торжественный Володин профиль, и бледную от волнения, выбритую до синевы щеку, устыдилась.

– Да.

Голос Володи охрип, было очень заметно, как ее будущий муж волнуется, и когда тетка посмотрела сквозь толстые рыбьи очки на Гелю, замер. Геля вздохнула, и почему-то очень тоненько произнесла

– Да

Вовка облегченно вздохнул...

Гладкое широкое, очень красивое кольцо точно и неж-

но обняло Гелин палец, тоненькое Володино никак не хотело надеваться. Но Геля справилась... Ослепила вспышка... ломкие стебли белых гвоздик приятно охладили вдруг загоревшиеся ладони. Крошечная Иркина ладошка мышкой шмыгнула в Гелину руку, дочка поджала ножки, потому что вторую её ручку крепко держал Володя.

Две недели отпуска пролетели, как один день, но в интернат Геля неслась, как на крыльях, она очень соскучилась. Влетев в учительскую и плюхнув на стол пирог, размером с полстола, который она сама испекла в настоящей печке своего нового дома, Геля перевела дух.

– Господи, прям сто лет прошло. Забыла уж, как урок начинают. Фууу.

Она подошла к зеркалу, пригладила волосы, поправила воротничок белой блузки, подколола его покрепче тоненькой золотой брошечкой, которую подарил ей на свадьбу Володя. Вытянув руку, посмотрела на кольцо, улыбнулась. Она первый раз за все эти годы вдруг почувствовала, что хочет вечером домой. В уютную комнату, где теплый бок настоящей деревенской печки и стол, накрытый кружевной хозяйкиной скатертью. И кровать с заплатами стареньким, но пухлым детским одеялом. И Иркин хихикающий колокольчик. И Вовкин затылок, озадаченный и круглый, с аккуратно торчащими ушами... Вот вечно он все вечера просиживает над своими чертежами!

– Ангелина Ивановна. У нас сегодня комсомольское собрание, вы не забыли?

– Я помню, Алевтина Михайловна, я хотела вас попросить...

– Нет! Явка строго обязательна. Переизбрание секретаря комсомольской организации.

– Хорошо! —

Геля зло сплюнула в душе, сегодня было тринадцатое марта, ее день рождения. Алевтина не признавала никаких праздников сотрудников, в интернате их никогда не праздновали. Но зато дома... Назавтра она наприглашала столько гостей, а готовить, похоже, придется ночью.

***

Открыв двери класса, Геля быстро, порывисто полетела к столу и подняла вверх руку. Она так делала всегда, останавливая возню, и ей казалось, что от кончиков пальцев до ребячьих стриженных головок вдруг проходит теплый ток, который заставляет детские глаза загореться. Но сейчас, все пошло не так. Как только она подняла руку, гром аплодисментов, писков и криков «Поздравляем» просто оглушил. Распахнулась дверь и вошла толпа воспитателей и учителей. Воздушные шары рванули в класс разноцветным потоком. Ее посадили на стул, сдвинули парты. Ребята по очереди читали стихи, кто-то пел. В конце развернули транспарант – полотно на весь класс, на котором огромными буквами, немного украшенными кляксами и слегка коряво было написано

"Мы любим свою любимую Ангелину».

Еле удерживая ворох гвоздик, который не помещался в руках и ронял то одну отломанную голову, то другую, Геля сидела посреди класса и чувствовала себя абсолютно счастливой.

– А тут тебе письма. Каждый написал, с неделю возились, бумаги перевели, страсть. А малыши старших просили, те за них писали, тоже беда. Тащи теперь домой это. Любят они тебя, Гель. Даже завидно.

Верка подала Геле большую коробку, раскрашенную под почтовый ящик. Коробка оказалась тяжелой, Геля поставила её на стол и приоткрыла. Внутри, в проклеенной красной цветной бумагой, пространстве, плотными рядками лежали разноцветные конвертики. Их было штук сто...

***

– Характеристику на педагога Ангелину Ивановну подписали учителя и воспитатели.

Алевтина вещала уже минут сорок, перечисляя Гелины достоинства. Идея сделать её секретарем комсомольской организации интерната пришла давно, с неё это требовали жёстко, а выбрать было особенно некого. Комсомольцы в интернате собрались довольно сомнительные, пара чумных нянек, как всегда пролетающих мимо птичками, грузчик Петька, водитель Алексей странной наружности, длинноволосый и тонкоголосый, как синица, повариха Клавка, принимающая свои законные пятьдесят по вечерам, Елена Владими-

ровна, учительница музыки, томная девица, то и дело падающая в обмороки, Верка и Ангелина. Можно было, конечно, принять пару пенсионерок для массовости и затейницу трудовичку, разбитную деваху лет тридцати, но Алевтина не решилась. Отчет же по деятельности комсомольцев с нее требовали регулярно, история эта ее замучила, и она сообразила, как замечательно можно скинуть все это на вновь избранного секретаря. Тем более такого, как эта деваха, готовая днями и вечерами торчать на работе. Матершинница правда, но это исправимо. Можно, кстати и зарплатку поднять, старшей по смене сделать.

– Ангелина Ивановна за годы работы в нашем заведении показала себя...

Геля молчала и разглядывала сумасшедшую муху, проснувшуюся раньше времени и сонно ползающую по мутному стеклу. Она надеялась, что все это вдруг рассосется само собой, чудом закончится и она побежит домой, тем более ей надо еще заскочить в пару магазинчиков. А этот поганый Вовка не смог перенести ночное дежурство в аэропорту.

– Наш замечательный педагогический коллектив и его партийная организация доверяет...

– Партийная организация – это она, Алевтина, великая и ужасная. Похоже, речь подходит к концу, скоро начнутся прения. Дай бог терпения... О! Стихами думаю, с ума сойти.

– А теперь прошу поднять руки, кто «За».

Геля с ужасом посмотрела в зал. Все, как дураки, подняли

руки. И Верка! Получит, бестолочь,

– Кто против?

Против была только муха, которая в неожиданно наступившей тишине, вдруг оторвала тяжелое тело от стекла и низко загудела, делая пробный круг вокруг алюминиевой ручки рамы.

– Кто воздержался?

В гробовом молчании Геля подняла руку.

– Одну минуту, товарищ секретарь, я сделаю пометку в протокол

– Алевтина Михайловна, у меня самоотвод.

Глаза у Алевтины выкатились и даже побелели под очками...

– Какой еще самоотвод? Что вы выдумали? Партия и комсомол призывают вас трудиться на благо Родины. Или вы хотите, чтобы вам это пояснили в районном комитете комсомола?

– Алевтина Михайловна... Я не комсомолка.

В полной тишине было слышно, как упала и прокатилась ручка.

***

– Дура ты дура, совсем офигела. Зачем ты лягнула, кому это надо?

Верка сидела на здоровенном толстом пне за сараем, закуривая уже третью папироску. Солнце пригревало совсем по весеннему, воздух казался бы легким и хрустальным, ес-

ли бы не их дымовуха. Геля выбросила окуроч в банку из-под кильки, поежилась и потрянула головой.

– Куда нибудь вызовут, точно. Ладно в комитет, там Мишка, секретарь, прикроет, если чего. А в партком? Кожу же сдерут, живьем.

– Как тебе удалось-то?

– Что удалось?

– От комсомола откосить, Верка прошипела это еле слышно и хихикнула.

– Да отвод был. За твист. А потом я не лезла, никто и не вспомнил. Смешно вышло. Что будет то?

– Озверела она, мстить будет. Ей же сейчас придется сообщить, что она за змею на груди пригрела. Задницу намылят за не бдительность. Ну, а она тебя...

Верка изобразила неприличный жест. Геля махнула на неё рукой.

– На и хрен с ним. Ты лучше скажи, где малышка. Что-то я не видела ее сегодня в столовой.

– Гель, ты пока в отпуске была, Алевтина тут такой бэмс устроила. Истерила, орала на меня, уволить хотела. Да я и сама...

– Что?

– Ну, тот мужик, которого ты мне сосватала, он такой нормальный оказался. Короче, любовь у нас. И он сказал замуж за него идти.

– А ребенок?

– Ее Алевтина в Краснодар отправила, там вроде пара какая-то ее взять хочет.

– Вот сучка!

– Да может оно и к лучшему, я все равно бы не смогла, прости, Гель, а?

– Да с тобой то хрен бы. А маленькую мне Володька разрешил бы удочерить. Вот ведь вы, дряни. Только о себе...

Геля развернулась и, шлепая здоровенными интернатскими галошами, по растаявшим лужам, побежала в класс. В полутемном коридоре ее догнала Верка и что-то сунула в руку. В руке поблескивала золотая цепочка и маленький белый шарик...

Глава 12. День рождения

Сегодня Геле особенно не хотелось тащиться всю эту бесконечную дорогу от работы домой. Была бы такая волшебная палочка – взмах, и ты дома! Чертыхаясь, она спотыкалась на обледенелых кочках, на которых особенно подло соскакивает нога именно в тот, неподходящий момент, когда ты воспарила мыслями и тут – на! Отбитая задница!

– Вот ведь, живут люди рядом с работой. Раз и дома! А тут, охренеешь, пока дотащишься. Слава богу, хоть магазин рядом есть, пусть сельпо, а все что надо, купишь. Хоть сумки не надо переть, как раньше! Не...

Геля очередной раз поскользнулась, выругалась и оглянулась – нет ли кого сзади.

– Б... шею тут вывихнешь, к черту. На всю жизнь кривошея останется...

Она постояла, потеряла щиколотку, расстегнув сапог. Все-таки подвернула...

– Воооот срань! Блиииин. Надо кончать с этой руганью, Володя морщится, дурная привычка, говорит... Ага... Обойдётся. У всех мужики нормальные, на жигулях возят. А он на работе с утра до ночи – в шесть вышел, в двенадцать приперся, а ты хоть на палочке верхом скачи. А туда же – привычка. Сама себе мотоцикл куплю, будет знать.

Она ворчала и ворчала пока не добралась до остановки

и не села в грязный, словно черт, маленький автобусик, с выпученными фарами. Но вот почему-то все эти ворчливые мысли ее не злили, а тепло-тепло ворочались внутри, заставляя улыбаться. Деревня, где они теперь жили, была, скорее небольшим поселком, километров в пятнадцати от Москвы, в красивейшем месте. С одной стороны ее обступал сосновый бор, граничащий с бескрайними полями, с другой луга, по которым петляла узенькая, обрывистая речка. Геля сразу влюбилась в это место, но все равно, где-то в подсознании, ее периодически подгрызало неприятное и щемящее чувство тоски по городу. Да еще и добираться надо было «Сто верст телегою», как говорила мать. Верка, та выражалась проще: «...опа мира!" И выпучивала глаза, изображая какие они с Вовкой идиоты.

И правда, чтобы добраться с работы, Геля сначала топала минут десять пешком через луг, потом тряслась на автобусе до метро, потом от площади трех вокзалов ехала на электричке. К счастью, дом был недалеко от станции, и это радовало, иначе с сумками она бы померла, а Вовка, действительно был не помощник, он вкалывал день и ночь. Что тут поделаешь, зарабатывали на квартиру.

Вечернее метро встретило ее, как всегда суматошно-беспокойно. На Комсомольской, где толпа приезжих не иссякала никогда, Геля проталкивалась среди сумок и баулов, вся взмыленная от этой толчеи. И тут кто-то схватил ее за локоть, и, сильно сжав, развернул. Черноглазая красивая дама

в красной шапке, с ярко накрашенными губами и в длинном черном пальто показалась странно знакомой.

– Зазнаалась. Своих забыла, ишь плывет лодочкой белой. А свои-то помнят! Нашу золотую романо рат...

Секунду Геля ошалело всматривалась, потом, вроде щелкнули выключателем и зажгли свет.

– Райка! Обалдеть! Ты как здесь?

– Да будя, поцыгановала. О мне это где!

Райка характерным жестом провела себя ребром ладони по горлу, сдернула шапку, тряхнув шикарной копной чёрных ухоженных волос.

– Я уж три месяца тут. В больницу пристроилась, мужика нашла. Детей забрала вон, на днях.

– А муж?

– Объялся груш. Он мне сынка простить не мог, чуял сво-лочь кровь чужую. Волк! Жилы вымотал все, ты бы видела, у меня все тело синее было. Он не бил, Альк! Он не так бил, как мужики баб бьют – он убивал!

– Так он тебя искать будет, они из тюрем – то они все оторванные возвращаются, страшно. Может тебе в милицию...

– А, Алька, судьба она везде с тобой... найдет, не пропустит. Да мне карты добро сулят, я картам верю. А он, скот, из тюрьмы вышел, уж месяц. Тоже к кочевым подался, все бросил. Там ромны у него образовалась, а мне развод дал, типа: «Иди, ты мне не жена»... У нас можно так. и дети ему не нужны, говорю же – волк.

– Где живешь?

– Где... У мужика нового. Там хоромы, он с деньгой. Любит, говорит. Часы золотые дал мне, просто так, без причины. Одевает, видишь. Не бьет... пока... Детям конфеты приносит, шоколадные. И икру. Ты икру ела?

– Давно, Рай. Не помню уж вкуса.

– Так давай, заходи, чаю выпьем, иль покрепче чего. Я тебе адрес напишу.

Райка вытащила из изящной сумочки блокнот и тоненький золотистый карандаш, быстро написала адрес, сунула Геле листок в карман.

– Слушай, – Глаза у нее блеснули, взгляд стал острым, колючим, – тебе бабка не писала про Лачо?

– С какой стати, Рай? У меня другая жизнь теперь. Все забыто.

– Ну да... Я думала, она тебе писала...

– А что, должна была?

Райка помолчала, вытащила ажурный белый платок, вытерла ладони... Пахнуло нежным запахом незнакомых духов.

– В земле он, Аль. В земле... Из-за тебя ушел туда, в земельку-то.

Колонна с выпуклыми колосьями на светло-сером фоне вдруг почернела в Гелиных глазах и стала падать, а люстра с длинными плафонами, качнулась, грозя придавить. Райка подхватила ее, усмехнулась как-то странно, одним уголком

накрашенного рта.

– А говоришь – забыто. Хорошего цыгана не забыть... помирать будешь, вспомнишь, в животе ворОхнетя. Они в нас поселяются, в кожу впитываются, не вытравишь, не выжжешь...

Геля высвободила руку, перевела дух.

– Болел?

– А как же! Болел, золотая. Душой, тобой скраденною...

Помолчала, поправила воротник.

– Да зарезали его. Люди говорят – Чергэн. Не знаю, правда, нет ли... Взяли ее, потом отпустили. Доказательств нет, говорят. А она сгинула, никто не знает где. Сын у матери. Мать тоже что-то не в себе... столько горя...

Грохот в ушах Гели нарастал, потом вдруг стих, и мир вернулся на место. Постояли, помолчали...

– А ты, смотрю, нашла судьбинушку свою, вижу – нашла. Держи теперь. Крепко держи, ничего не бойся, не отпускай. Лучше его не будет.

...

Вся взмыленная, вытащив последний противень пирожков, крошечных, румяных, нежных, пахнувших так, как могут пахнуть пироги только из русской печки, Геля почувствовала, что просто падает от усталости. Жара стояла в кухне, как в бане, хоть беги за веником и она, как была, босая, выскочила в сени. Стукнув ковшиком по тонко схватившемуся ледку, набрала полную кружку свежей, вкусной, не хуже

лимонада, воды и залпом выпила. Постояла, потоптавшись на холодном полу, подумала, и, выхватив из бочки здоровенный соленый помидор, всосала его полностью, одним глотком. Потом сунула голые ноги в валенки, накинула платок и, прямо так, выбежала в сад, тихий и тёмный. Тихонько падал снег, все вокруг сияло бело и сказочно.

– Совсем зима... А ведь только днем такая капель была, солнышко. Думала весна уж...

– Гель. С ума сошла, холод такой!

У калитки стоял Володя и что-то прятал за спиной. Он схватил жену в охапку, одним легким рывком взял на руки, и, пробежав, по ступенькам крыльца, внес в дом. В комнате, как фокусник, сдернул со свертка, который принес, упаковку и вывалил на стол желтую охапку мимоз. Аромат поплыл, почему-то вызвав желание заплакать. Геля сунула лицо в пахучее облако.

– Тут еще я тебе...

Вытащил из кармана коробочку, открыл. На черном бархат змеилась тоненькая граненая цепочка с белым шариком.

– Это... ну, в общем... .. Взамен.

Геля обняла мужа, и вдруг остро почувствовала запах спиртного.

– Вов?

– Гель, пойми. У меня бригада проект сдала. Очень хорошо сдала, в срок.

– Она у тебя все время что-то сдает. А, Вов?

– Не волнуйся, Гелюсь. Все будет отлично, я обещаю...

– По-другому и не может быть, Вов. Если не хочешь все уничтожить.

Включив торшер, отвернувшись от спящего с разинутым ртом мужа, Геля аккуратно выравнивала на темной поверхности тумбочки две одинаковые цепочки. Получались ровные дорожки... рельсы... Потом резким движением, как будто рисовала крест, сбила их в блестящую кучку, жемчужинки прокатились и упрыгали куда-то в темноту. Геля не стала их искать...

...

– Слушай, мать.

Верка здорово напилась и качалась, с трудом удерживаясь на ногах. От нее несло за версту, кофта перекосилась, из глубокого выреза торчал кусок кружевного, не очень свежего лифчика.

– Твой Вован лучше моего Генки, точно. Мой вон, обдрипанный какой-то. И слушай, чо скажу. У него стоит...

Дальше Верка присунулась прямо к Гелиному уху и понесла какую-то муть, горячо дыша чесночно-луковым водочным настоем.

– Да отвали ты. Что навалилась, как корова. И пошлятину свою вон – для Бэлки оставь.

Бэлка была интернатской поварихой и обожала копаться в чужом грязном белье.

– Ну ты прямо святая Мария. Куда там. Сама уж два раза

замуж выскочила, за три –то года, а туда же, отваааали. У твоего-то как, нормально? Все там путем? Своих-то сделает? Иль так и будет приёмыша воспитывать?

– Геля с силой толкнула дуру, так, что та плюхнулась на диван, задрав ноги.

– Идиотка пьяная. С собой разберись!

Сев за стол, отодвинув от себя грязную посуду, огрызки, куски и всякую недоеденную дрянь, Геля долго смотрела, как абсолютно пьяный Володя что-то воодушевленно толковал Генке, Веркиному мужику. Подошла Верка, оперлась бедром о Вовкину руку, потянулась, как кошка. Но мужики не обращали на нее никакого внимания.

***

Сильно кружилась голова. Подташнивало. Попытавшись отодрать голову от подушки, Геля поняла, что это ей не по силам, все плыло и переворачивалось. И так болело горло, как будто его сверлили тупым медленным сверлом. В ногах сидела Ирка и дергала ее за палец.

– Маааам. Маааам. К бабе...

– Ирин, пойди возьми на кухне хлеб с молочком. Мама полежит и встанет, хорошо?

Она сама не узнала свой голос, он даже не басил, сипел. Ирка козленком поскакала в кухню, она была полностью одета, видно Володя перед уходом позаботился о ребенке, но не стал будить жену. Проводив дочь глазами, Геля с интересом

смотрела, как, сквозь туман, на беленом потолке пляшут огненные искорки. Потом стало так холодно, что она чувствовала, как стучат зубы, но ничего не могла с этим поделать. А потом вдруг нахлынули дикий жар и темнота...

Глава 13. Ссора

Тоненький лучик света проникал откуда-то так навязчиво и раздражающе, что щекотал ресницы и даже нос. Хотелось чихнуть, но так болела голова, что чихнуть Геля побоялась, а вдруг взорвутся мозги. Она осторожно приоткрыла глаза, хотела повернуть голову, но что-то крепко держало ее за шею. Держал душно и очень больно. Геля попыталась позвать кого-нибудь, но смогла выдать только беспомощный сип, от которого так резануло в горле, что брызнули слезы. Поморгав, она смахнула их и с трудом сконцентрировала взгляд на лучике. Он шел откуда-то со стола, похоже настольную лампу придавили подушкой.

– А пожар? Вот дураки...

Думать тоже было больно. Геля закрыла глаза посильнее, чтобы снова провалиться в полусон-полуобморок, в котором ничего не болело.

– Гелюсь, маленький. Как ты? Посмотри на меня, девочка.

Геля опять разжала веки и сквозь красноватый туман разглядела бледное Вовкино лицо.

– Вооов, – жалобно просипела она, и попыталась стянуть с шеи то, что так ее душило. Вов... Мне плохо.

– Знаю, хороший мой, потерпи немного. Я с тобой, все пройдет, я обещаю.

Он пересел на кровать поближе, положил руку Геле на лоб. И хотя рука была холодной, как лед, Геля прижалась к ладони сильно, как испуганный щенок. Даже заскулила немного.

– Уже кризис прошел, теперь температурка спадет, сразу легче будет. Только кушать нельзя, вот водички попей.

Он приподнял ее голову и поднес к губам маленькую ложечку. Вода была теплой, но вкусной и кисленькой. Ароматной...

– Чай слабенький, Гель, с лимончиком. Давай. Надо пить. Геля чуть глотнула, бессильно опустилась на подушку.

– Вов! Иди поспи, а! Ведь пятая же ночь, сам свалишься.

Геля чуть скосила в глаза и в проеме полуоткрытой двери увидела полный силуэт. Мама... Она снова провалилась в полузабытье и далеко, сквозь нарастающий шум, услышала:

– В больницу, может? Ну ты же и сам не железный.

– Врач сказал, самое страшное позади. В больницу я её не отдам.

...

– Множественный абсцесс в горле может послужить прямой дорогой ТУДА!

Молодой худенький доктор многозначительно позвякивал инструментами, уложенными в старинный, видно дедов, докторский саквояж.

– А вы учитель! Тут все знают, что вы детей в интернате спасаете.

– Надо же... Спасаете... Первый раз слышу, чтоб так говорили...

Геля пока с трудом ворочала мозгами, но уже что-то могла соображать. Маленький доктор нравился ей, он был похож на индюшонка, которого она как-то видела в деревне, у зажиточных соседей. Доктор присел на табуретку.

– Я, конечно, сделал, всё, что возможно. Вычистил, пролил все раны растворами. Там сейчас почти спокойно. Но! Вы должны знать – эта штука – незабудка на всю жизнь... Знаете, что такое «незабудка на всю жизнь»? Слышали?

Индюшонок многозначительно посмотрел на Володю, который стоял рядом и ел его глазами. Володя криво усмехнулся.

– Вот мужа спросите... так вот! Вам надо за горлом следить. Я вам адресок дам, это профессор, друг моего отца. Он спец. И очень советую, очень. Иначе потом будете жалеть.

...

Так чирикали воробьи, что в ушах стоял сплошной звон, но это было очень приятно. Геля сидела на лавочке, опершись спиной о нагретую ребристую поверхность спинки, и блаженно прижмурившись как котенок, дремала. Одно то, что ничего не болело и поворачивалась голова, не говоря уж об обожаемом крепком чае с лимоном, который наконец можно было выпить без кинжала в горле, уже было счастьем. И было еще одно. То родство, какое-то кровное, которое появилось между ней и мужем, и радовало и пугало. Сначала

она жутко стеснялась, что Володя в дни ее полного бессилья делал все. Выносил, мыл, убирал, переодевал. Стирал ее и Иркино белье, пыхтя на кухне, как большой кит. Готовил, на выходные забирал Ирку от матери, ходил по магазинам и аптекам, бегал по врачам. И ни разу, ни во взгляде, ни в тоне, Геля не заметила не то что раздражения – легкого недовольства даже. Только беспокойство. Только любовь...

Сама она не была такой. Даже, когда Ирка заболела жутким гриппом, а потом еще месяц кашляла по ночам, заходясь и захлебываясь, Геля ловила себя на мысли, что если дочка еще раз заночует, то она пойдет и своими руками придушит этого противного поросенка. А поросенок, каждый раз встречая заспанную маму, кашлять резко переставал и светил на нее яркими неспящими глазенками. Вот, убила бы!

...

– Ну чееееу, мать? Очухалась слегонца?

Геля открыла глаза. В лучах уже заходящего солнца, у калитки, вырисовывалась плотная фигура. Верка!

– Ну слава яйтсы... А то мы тут уж с мужиком твоим задолдонились за тебя трястить. Раз думали, отходишь уж, задыхалась. Где такие нарывы то нажила? Небось с цЫганом своим челмокалась?

Геля лениво шурилась, солнышко уже припекало. «Вот дура. Не умнеет ведь. И странно, не обижаюсь на нее, она ребенок будто совсем», – думала она. Мысли тянулись медленно и густо, как сироп.

– Да ладно, шутю.

Верка подседа к Геле на лавку, пахнуло спиртным.

– Мы тут с Вованом твоим, нет-нет, а вжбаним вечерком.

От грусти. Он любитель у тебя, вроде. Нет?

– Вер. Ты что, пьешь, что ли?

– Да так... чо та грусть-тоска заела. Не знаю куда свою головушку прислонить -то.

Верка по-бабьи подперла щеку и завыла -заныла, что-то тягучее, то ли плач, то песню. Потом резко прервалась, хохотнула, тряхнула пышным хвостом, стянутым на затылке атласной лентой.

– А! Ладно. Слушай, Гельк. Тут братан твой приезжал, думал ты у нас бесхозная кочуришься. Спасать тебя решил, – Верка гулко гыгыкнула, как в бочку, – Так он у тебя – обалдеет. У меня до сих пор в животе горячо. Ты б нас свела, что ли?

– Ты брось это, – Геля уже начала раздражаться, – Не вздумай. Лично башку снесу твою дурную. У него жена. А ты профура!

– Сама ты. Мне мой придурок уже знаешь где? Не может ничо, час в видах всяких изгаляюсь, чтоб добиться от него чего. В медсестру играю. Со шприцом и голой задницей. Гель, тошнит, честно. Повешусь, наверное. Иль Вовку у тя отобью. Бушь знать.

Верка встала, обтянула узкое платье на круглых бедрах и, резко развернувшись, быстро пошла по дорожке к калитке.

...

– Гель, я поговорить хочу с тобой.

Вовка виновато смотрел на жену. Геля не разговаривала с ним уже пару недель, Веркины рассказы о вечерних посиделках с ее мужем сделали свое дело. Они страшно поссорились тогда, она наговорила гадостей, жутких и несправедливых, и Володя обиделся. Первый раз, сильно и по-настоящему. Сначала молчали оба, и гробовая тишина в их уютной комнате делала её холодной и чужой. Ирка смотрела то на одного, то на другого и слезинки, размером с вишню, блестя у нее в круглых карих глазенках. Один раз она даже схватила их за руки, когда Геля возилась у плиты, а Володя мыл посуду рядом, и потянула друг к другу. И вот оно было бы, примирение, совсем рядом, Вовка прыснул и потянулся к жене, но Геля резко выдернула руку и выскочила в сени, хлопнув дверью.

– Гель, хватит дурить, а? Присядь на минутку.

Геля понимала, что ее уже заносит, но какая-то черная ревность, сжимала тисками и лишала разума. Она медленно, с видом английской королевы, опустилась на табурет.

– Чего тебе?

– Поговорим?

– А о чем мне говорить с тобой, пьянчужой? Может о том, что вы с Веркой водку трескали по вечерам, когда я тут помирала?

– Гель, ты не права сейчас...

– Может ты прав? Может мне пойти вам пузырь купить и свечку подержать?

Она чувствовала, что надо остановиться, но так бывает, когда летишь на санях с крутой горы, захватывает дух, скорость увеличивается с каждым мгновением, и тут, вот он! Огромный камень. И нельзя свернуть. И ты сейчас разобьешься.

Выскочила из комнаты Ирка, вскарабкалась Вовке на колени, обняла. Геля, как сквозь туман видела, как у него трясутся руки и он, чтобы хоть как это скрыть, свернул полотенце в толстый жгут и слегка дёргал.

– Я знаю о чем ты говорить хотел. Мне мать сказала. Ты Ирку удочерить хочешь?

Вовка смотрел жалко, как большой побитый пес и молчал.

– Хрен тебе! Не будет этого.

Геля наконец заткнула себе рот, и вроде наткнулась на стеклянную стену. И смотрела, как она, эта стена, начинает падать, разбиваясь на мелкие осколки.

Володя тяжело встал, поставил Ирку на ножки, легко хлопнул по попе.

– Не думал я, что ты такая... дура.

Надел пальто и вышел во двор...

...

– Это я все один должен решать? А если ошибка?

Мастер Меры что-то стал нервничать последнее время. Хотя там, в небесном саду, не было этого грустного слова –

время. Он много суетился, стал хуже различать цвета. Голубые шары казались серыми, розовые – грязно-оранжевыми. Он часто тер глаза белоснежным платком, вытканым из лепестков белого цветка, то ли ромашки, то ли хризантемы. И задумывался — подолгу, грустно. Он сидел на краю тверди и смотрел вдаль. Он боялся смотреть вниз. Он вдруг стал понимать, что он судит. Вернее, за что. Взвешивать любовь, боль, страдание, подвиг, предательство, а потом менять их на шары... он стал вдруг терять мастерство Меры...

И вот снова. Уже с утра, в сердцах задернув плотную занавесь, чтобы его душу, отягощенную бременем высшей справедливости, не смущали радостные лучи и аромат бездумных роз, он перебирал шары. Складывал их в маленькие кучки и резким движением кучки ломал. Складывал снова. Он тянул время, но краем глаза все-таки видел ЕГО. Он лежал на самом краю стола и чуть пульсировал. Серый, как мышь. Тяжелый, как свинец.

Мастер вздохнул и встал.

...

Зареванная до такой степени, что глаза опухли, как щелки, Геля бегала по улице. Вовки не было, она искала его уже три часа. Всех, у кого были телефоны, обзвонив, постучавшись ко всем соседям, задохнувшаяся и замерзшая, она вползла в дом.

– И пусть! Райка сказала, от судьбы не уйдешь, и опережать ее нельзя. Подожду.

Еще раз по-детски всхлипнув, она тихонько вошла в спальню. Ирка посапывала в кроватке, приглушенно горела лампа. Она устало села на кровать, расправила свою подушку. Чуть погладила холодную ткань на Вовкиной половине и почувствовала под пальцами что-то круглое.

– Жемчужинка... Надо же, все-таки что-то есть, там... не может быть совпадение. По подушке прокатился, упал на пол и провалился в щель между досками странный серый шарик.

Глава 14. Все кончено

– Ангелин Иванна, Ангелин Иванна, там...

Маринка с Генкой что-то наперебой кричали и тащили Гелю за руки, причем тащили в разные стороны. Геле нравились эти ребятки – симпатичная парочка близняшек, веселых и суматошных. Их нашел парнишка- милиционер на перроне маленького, заброшенного богом полустанка голодными и оборванными, когда Генка тырил у кассирши пакет с обедом, а Маринка стояла на стрёме. Ребят передали в интернат в жутком состоянии, они были истощены до предела, кожа содрана до крови от расчесов, в головах полно вшей. Но, несмотря ни на что, в их глазенках не было ни зла, ни обиды, в них всегда горел озорной огонек. Людям не удалось, при всем старании, вылепить из детей волчат, и они веселыми щенятами бегали по интернатским закоулкам, во всем принимали участие, ни к чему не оставались равнодушными. К тому же, неожиданно у них проявился математический талант, совершенно неординарный, причем сразу у двоих. Геля уже три раза серьезно поцапалась с Алевтиной, пытаясь пробить для них математическую школу, но та упиралась насмерть.

***

– Что там, Марина? Гена, да подожди, не тяни.

Они почти бегом влетели в небольшой сарайчик на от-

шибе, в самом дальнем углу интернатского двора. Там было темно и тихо. Пока не привыкли глаза, Геля подслеповато всматривалась, но майское солнце, пробившись сквозь тучи, вдруг ворвалось тонкими острыми лучами через щели между старыми досками, и картина высветилась, как в страшном кино. На куче старого тряпья, с окровавленным лицом лежал Андрюша. Он смотрел в потолок, из угла рта стекала розовая слюна. Разбитые руки шарили по грязному полу и что-то искали. А то, что они искали – маленький бело-рыжий котенок, играл с солнечным лучиком немного поодаль, весело подпрыгивая и подрагивая толстым коротким хвостиком. Геля бросилась к ребенку, приподняла голову.

– Господи. Кто это? За что его?

– Ангелин Иванна, это старшие. Это Серый, знаете его, длинный такой? Они котенка хотели Алому скормить, а Андрюша вступился. Схватил, за пазуху сунул и не отдавал. А они его били, Андрюшу. Палкой.

– Палкой? Как палкой? И как это – Алому?

Алый был жуткой тварью. Как Алевтине удавалось сохранить эту зверюгу в детском учреждении, для Гели оставалось загадкой. Пес признавал только силу, воспитателей побаивался, но детей в расчет не принимал. Мог укусить, мог обляять, противно щерясь, наверное, мог даже загрызть. Его никогда не отпускали с цепи, и он нарезал круги вокруг своей будки, злобно бросаясь на проходящих ребят.

– Зато сторож замечательный, – отбрехивалась Алевтина

на очередные попытки учителей выставить с территории этого пса, – Ангелина Ивановна, почему вы то против собаки, вас же она признает?

Алый, действительно замолкал и поджимал хвост при виде Гели. Может чувствовал силу...

Геля попыталась поднять Андрюшу, но больной мальчик лишь мычал и стонал, видно ему что-то повредили, то ли в ногах, то ли в спине.

– Гена, беги в амбулаторию. Быстро. И за сторожами. И пусть носилки возьмут. Бегом!

...

Андрюша пострадал не сильно, кости были не повреждены, в основном ушибы. Но что-то повернулось в его, и так не здоровой душе. Он часами сидел на крыльце, раскачивался и выл. Тихо и тоненько – «Иииии, Иииии». Геляве свободное время просиживала рядом с ребенком, уговаривала, почти даже заговаривала, но ничего не помогало. И только, когда Белорыжка (такое имя дали хвостатому спасенному найденнышу), сидел у него на коленках, мальчик ненадолго замолкал, неловко глядя забинтованной рукой котенка по спинке.

***

Вовка не возвращался, прошла уже неделя с их страшной ссоры, а он ни разу не зашел. Геля знала, что он живет у ребят в общеаге, но не шла с повинной, уперлась как телка перед бродом и ни в какую. Мать каждый вечер донимала её, вызывала к совести и долгу. Но Геля молчала.

– Мааа, где папа?

Ирка уже хорошо выговаривала слова и, казалось, все понимала. И Геля видела, как она тоскует. Доставая очередной раз из-под подушки девочки Володину тетрадку, она подолгу сидела и тупо расправляла скомканные листы. Слез не было, просто горели глаза, как будто в них налили кипятку.

– Тебе, идиотке, надо встать на колени и ползти к нему, в рубище! – Анна смотрела зло, даже ненавидяще, – Такого мужика профукала. Он к ее ребенку, как к родному. Твою же засранную ...опу мыл, когда ты тут валялась. Трусы обосанные стирал. А ты? Ты мизинца его не стоишь. Иди – прощенья проси! Дура.

Геля не отвечала. Она понимала, что мать права, но сделать с собой ничего не могла. И только тоска, тяжелая, безысходная, темная душила липкой паутиной.

***

– Сергей, подойди на секундочку.

Компания старшеклассников собралась за сараем ближе к вечеру, уже на закате. Быстро смолили, зажав папиросу побандитский в горсти, передавали ее друг другу.

– Похожи на серых жуков... и жужжат так же. Мерзкачи!

Геля стояла у забора между сараем и огромным развесистым дубом, почти спрятавшись в его длинной вечерней тени. Вчера, на собрании, которое созвали в воспитательской, чтобы выяснить кто же виноват в мерзком избиении Андрюши, никто из ребят не признался. Вели себя нагло, спокой-

но и вызывающе, зная, что доказательств у воспитателей нет. Молчали все, даже близнецы, странно отводя глаза, говорили, что ничего не видели.

– Сергей, я поговорить с тобой хочу.

От кучки отделился длинный хлыщеватый парень. Он медленно, вразвалочку приблизился, обошел Гелю вокруг и, обходя спереди сделал неприличный жест, резко и неожиданно. Геля вздрогнула и отшатнулась. Остальные заржали.

– Ну... любя нелюбая... Чо хошь?

Он стоял, засунув руки в карманы пиджака, с выпяченной слюнявой губы свисал замусоленный окурок. Помахивало спиртным.

– Чо хошь то?

– Ты, сволочь?

– Чо я?

Он обернулся, поманил свою свору.

– Не...

Самый разумный из гоп-компании, Яшка, помахал рукой отрицательно. – Давай сам. Нас в свое дерьмо не вяжи, мусоров назовут, трусами не отмахаешься. Натворил, придурок.

Сергей повернулся к Геле снова.

– А ты седня приходи часиков этак к двенадцати. Мы и покумекаем. Я знаю кто бил. Придешь – скажу.

Он сплюнул папиросу, притянул Гелю за руку.

– Придешь, узнаешь, кто дебила твоего отоварил. А? Дет-

ка?

Геля выдернула руку, вытерла ее о платье.

– А что, думаешь слабо? Приду, жди. В двенадцать. Здесь, прям в сарае. И чтоб один, не тащи свору свою. Вдвоем говорить будем!

Сергей хлопнул себя по коленям

– О! Це дило! Подмыться не забудь!

***

Здоровенный кусок хлеба, вымоченный в бульоне, выполнил свою задачу. Алый дал себя отвязать, и пошел за Гелей послушно, как комнатный пудель. Привязав его в дальнем углу темного сарая, она бросила собаке остаток еды и присела на старое ведро. Было тихо. Огромная луна светила не хуже лампы, но свет пробивался лишь местами, мертвенно вырисовывая пятна на полу. Услышав шаги, Геля вскочила и спряталась за старый сундук, стоявший у стены. Сергей зашел, подслеповато присмотрелся, как принялся.

– Эй, учителка. Вылазь, гутарить хочу. Я те конфет шоколадных притаранил. Выходь.

Геля тихонько проскользнула к дверям, схватила замок, и, накинув его на внутренние дужки, закрыла, сунув ключ в карман. Потом одним прыжком, метнулась к Алому, отвязала веревку и намотала ее на руку. Увидев парня, псина совершенно озверела. Ощерив зубы, она бросалась вперед, хрипя от натянувшейся веревки, царапала когтями земляной пол.

Геля еле сдерживала чудище, вцепившись в откос подоконника.

Парень оказался зажатым между углом сарая и рвущейся собакой. В лунном свете было видно, как он побледнел, позеленел даже.

– Ну! – Геля орала, стараясь перекрычать хрип и вой, – говори, дрянь. Ты Андрюшу изуродовал, скотина? Будешь врать, я ведь не удержу пса, не дай бог. Он вон, здоровый, гад. У тебя там как, в штанах? Брони нет?

Сергей пытался сползти по стене, ему явно становилось плохо, но Алый щелкал зубами у самых ног парня, подбирался все ближе.

– Ну?

– Сука, чтоб ты сдохла. Я это. Я твоего придурка. Жалко не замочил слюнявого идиота.

Геля хотела отпустить веревку, стала разматывать руку, но тут кто-то с грохотом разбил окно. Одним прыжком в окно влетел молодой мужик -сторож...

***

– Ваш поступок, Ангелина Ивановна, даже не имеет названия. У меня нет в лексиконе таких слов, чтоб его описать...

Алевтина мерила кабинет с методичностью хорошо отлаженного швейного челнока. Она рубила ребром ладони воздух, и говорила четким, металлическим голосом, как будто забивал гвозди Геле в голову.

– Вы травили ребенка собакой. Вы допустили, что бы в вашей группе...

Она остановилась, с презрением посмотрела на Гелю.

– Заметьте, в младшей группе, ребенок, заметьте, больной ребенок, остался без присмотра и убежал ловить бездомного котенка. Молчать!

Она с силой саданула об стол, так что, похоже, отбила кулак.

– Вы систематически спорили с руководством, добиваясь поблажек любимчикам. В конце концов вы обманывали Партию.

Геля встала, хотела что-то сказать, но Алевтина вдруг заорала, что было ей не очень свойственно.

– Заткнись, девчонка. Скажи спасибо, что я не выношу сор из избы. Сегодня же пиши заявление по собственному. И расстанемся, наконец! Добром говорю – пиши!

***

Дома Геля долго сидела за столом. Казалось, горела рука, которой она написала заявление. Голова была совершенно пустой и гудела. Тишина стояла такая, что звон в ушах был плотным и густым.

– Не надо было Ирку к матери на выходные отправлять... Завтра бы в зоопарк пошли... Володя ей обещал, тогда еще...

Она встала, вытащила из шкафа бутылку водки, налила

полный стакан. Махнула залпом, задохнувшись, закашлялась. Раздышавшись, развернула конфету, еле проглотила, налила второй. Давясь и захлебываясь, пыталась влить вонючую жидкость в себя, но водка стекала мимо, обжигая губы.

На улице скрипнула калитка...

Глава 15. Приворот на крови

– Странно качает как меня... Что это? И где это я?

У Гели было такое ощущение, что в голову-ведро засунули колокол, и садист-звонарь упорно дергает за веревку. Геля с трудом приоткрыла правый глаз и сквозь муть разглядела большую тяжелую занавесь с павлинами. На секунду ей показалось, что сейчас зайдёт мадам Полина, захотелось убежать и спрятаться за комод. Она бы и сделала это, даже вскочила, но непослушное тело снесло в сторону и дикий приступ тошноты скрутил, заставив согнуться пополам.

– Там таз, рядом с кроватью.

Насмешливый знакомый голос был негромким, но долбанул по перепонкам до боли. Она даже не смогла распрямиться, чтобы посмотреть кто это, и промучившись минут десять над тазом, снова легла, свернувшись комочком.

– Во-во...

Голос продолжал въедаться в мозги, и жужжал как осенняя муха в банке,.

– А на мужика обижаешься. Сама-то пьянь... Давай-ка вставай. Похмеляться будем.

Геля наконец разлепила глаза. Незнакомая, шикарно обставленная резной старинной мебелью комната слегка качалась. С трудом сконцентрировав взгляд на фигуре, склонившейся над прикроватной тумбочкой, она тупо разглядывала

белый шелковый халат, высоко поднятые, стянутые пушистым узлом смоляные волосы, крепкую, стройную попу, обтянутую тонкой тканью. Женщина повернулась, черные глаза и яркие губы смеялись.

– Райка?

– Райка... Раиса Романна некоторым. Ну-ка давай. Залпом!

Райка протянула ей небольшой стаканчик с прозрачной жидкостью. Геля подумав, что это вода, жадно поднесла его к губам, но резкий запах обжег ноздри, и новый приступ тошноты заставил ее скрючиться над тазом. Райка подождала чуть, присела рядом, вытерла мученице лицо и рот мокрым холодным полотенцем.

– Давай -давай. Нос зажми и разом. Иначе до обеда очуришься...

***

В комнате было сумеречно и прохладно. Геля с Райкой сидели, поджав ноги на пушистом ковре. Посреди ковра, на пурпурном платке с золотыми кистями горели красные свечи, от их пламени лицо цыганки выглядело нереальным, полупрозрачным и Геле казалось, что сквозь ее кожу она видит их дрожащий отсвет.

– В доме Сварога была каторга! В мире домов плавал свет томов. Кровь потекла – добро принесла...

Райка говорила быстро и как-то утробно, изнутри, густым, плотным шепотком, и у Гели по голове пробежала толпа му-

рашек, а по спине пробрало холодом.

– Развеялась тьма, ушла кутерьма. Ангелина в душу счастье впустила, как только кровь пустила. Не бывать Владимиру без Ангелины, счастья не видать. Как увидит свет, так придет ко мне! Аминь.

Райка резко повернулась к Геле, сверкнула глазами, лицо исказилось до такой степени, что цыганку было не узнать.

– Фотографию давай. И руку. Геля, как замороженная вытащила маленькую помятую Володину фотку на паспорт, которую она всегда таскала в сумке. Фотка была замусоленная, измазюканная чертовой помадой, вечно теряющей колпачок, и в свете красных свечей казалось, что Вовкино лицо в крови. Протянула руку цыганке. Маленький ножик лишь скользнул, Геля даже не почувствовала боли, но, автоматически дернулась, увидев, как черные капельки закапали на фотку. Райка мазанула тупой стороной ножа, размазав кровь, и, взяв свечу, лила прозрачный розовый воск на влажную бумагу фотографии. Воск застывал, стянув края, и Вовкино лицо стало странно-печальным.

– Я тебе заговор на любовь сделала, а тебе бы от придури надо. Он и так тебя любит, вижу. Это именно ты в любви ущербная, сердчишко с одной стороны настезь открыла, для чужих, а с другой дверца чуть приоткрыта, щелочка тесная. Он протиснулся, мужик твой, а дышать -то и нечем ему. Ты дверь распахни пошире, а то задохнется любовь его. А потеряешь ее – все потеряешь.

Райка помолчала, покатала тоненькую свечку в ладонях. Поправила волосы, близко-близко посмотрела Геле в глаза. Ведьма пропала, усталая черноволосая женщина грустно проговорила-пропела:

– Глухая ты. Тебе жизнь сколько раз любящих дарила. И Лачо, ведь, как любил. И Володя... Не ценишь ты этого. Мне бы, хоть краюшку, счастливее меня бы не было. Эх, чайори...

– Лачо твой меня предал. Я любила его.

– Он себя предал, кхаморо. Только судить его не мы уж будем. Ладно!

Райка встала, рывком сдернула платок с ковра, разбросав затушенные свечи.

– Ковер испортишь, Рай...

– Джян пэкар акар чристанол...*

Голос цыганки зло сорвался, но она добавила хрипло, уже совсем другим тоном.

– Пора тебе, солнечная. Мой вернется, нудить будет, не любит он чужих. Вдруг деньги сопрешь.

Она собрала свечи, потеряла розовое пятно на светлом ковре.

– Завтра отмою, пока мой спать будет. Смотри сюда. И слушай внимательно! Фотку завернешь в платок, с месяц не смотри на нее. Хотя чего тебе на нее смотреть, мужик твой завтра и сам вернется. Вот здесь.

Райка сунула Геле в руку тугой тяжелый сверточек,

– Деньги. Нос туда не суй, у себя в поселке стань на пе-

рекресток, любой, чтоб четыре дороги... ну или тропки, без разницы, были. И деньги разбросай на все стороны, громко скажи – «Заплатила я».

Поймав смеющийся Гелин взгляд, замолчала, дернув её за руку, вроде хотела выставить, потом раздраженно продолжила:

– Ты, дылынэста*, не смейся. Сделай как сказала, коль беды не хочешь. Поздно на попятную-то, закончить дело надо. С такими штуками не шутят. Бросишь деньги – сразу беги. И не оборачивайся. Ни на что внимания не обращай, голоса не слушай, по сторонам не зыркай. В дом вбежишь, сразу крест клади. Утром бога прощения попросишь за это дело.

Рая открыла дверь, сунула Геле плащ.

– И вот еще. Ты в деревню нашу на лето езжай. Там душа твоя воспрянет, очистится. Я тебе дело говорю. Подумай. Идите возьми, ей там свободно. Дом наш там. И кровь там наша....

Продремав в электричке всю дорогу, Геля очухалась от громкого объявления своей станции. Пошатываясь и зевая, выползла из вагона, добрела до своего переулка.

– Надо и вправду уехать на лето, вдвоем с Ирккой. Может там остаться вообще, послать все на... школа там есть, чего еще надо мне. Бабка будет рада, да уж и помощь ей не лишняя.

Она постояла, задрав голову, разглядывая звезды, которые были близко и шевелили неровными лучами, как кро-

шечные пауки. Воздух сгустился, его пропитали ароматы начинающейся весны и близкой ночи – тополиных почек, нагретой за день земли и еще чего-то, необъяснимого. Так пахнет в начале марта, когда еще просто нечему, везде зима, но он, этот аромат струится даже из-под снега и кружит, кружит, опьяняя.

Посмотрев по сторонам, Геля вдруг удивленно заметила, что прямые улочки расходятся точно под прямыми углами в четыре стороны. Расходятся идеально ровно, как четыре струны, и грязные тротуарчики светятся, вроде кто-то сдуру установил много мелких лампочек прямо во земле, вдоль. Она вспомнила про сверток, вытащила его, взвесила в руке. Монетки были завязаны в черную блестящую тряпку тугим маленьким узелком, и Геля, поломав все ногти, начала тянуть его зубами. Вокруг потемнело, туча, неизвестно откуда взявшаяся затянула враз небо, укрыв звезды плотно, словно одеялом.

– А бл..! Идиотка, нахрена так стянула.

Она рванула изо всех сил, ткань лопнула, монетки покапались в разные стороны. Снова появились звезды, тут же выглянула здоровая, как сковорода луна, и монетки заблестели, все до одной. Чертыхаясь, Геля собрала их, рассовала по карманам плаща.

– Нет, ну ладно, эта колдунья сраная, доморощенная. А я-то, ведь умная, вроде, хрен ведь знает, чем занимаюсь

Она встала ровно в центре перекрестка и, неумело, по-

девчачьи замахиваясь, начала швырять монеты в разные стороны. Потом вспомнила и заорала, выплескивая всю боль последних недель.

– На! Получи! Я заплатила! За все! Всем! Подавитесь!

Поднялся ветер, в его завывании были слышны то ли стоны, то ли смех. Геля запахнула плащ и, вытирая слезы, побежала к калитке. Калитка хлопала на ветру так, что содрогались кусты, начинающей набухать сирени.

– Не закрыл кто-то, – мелькнула мысль, – какой дурак?

Она посмотрела на окно и вздрогнула. В комнате горел свет...

*чайори – девочка, девушка

кхаморо -солнышко

дылынэста – дура

Джян пэкар акар чристанол. – ругательство, достаточно страшное

Глава 16. За раками

Так сильно тикали часы, что Геле казалось – еще чуть и их грохот разбудит полдома. Она тихонько выскользнула из-под одеяла, накинула огромный хозяйкин платок с розами по черному полю и вышла во двор, стараясь не скрипнуть дверью. Любимое время – начало июня, просыпающееся лето, блики неуверенного с утра солнышка на глянцевой яркой листве, запах прошедшего за ночь дождя, и такое щебетание птиц, что можно было оглохнуть даже в ближнем Подмоскowie, было прекрасным. Оно всегда вызывало в ее душе чувство детского восторга. Спрятавшись в своем укромном местечке, прямо посередине старого куста сирени, развалившегося пополам от тяжести кражистых веток, Геля воровски, с наслаждением затянулась.

– Блин. Чем заесть-то. Не взяла ничего, дура. Опять Вовка носом будет крутить, морщиться. Правильный, аж оскомит.

Она вылезла из укрытия, сорвала пару молоденьких луковых перышек с хозяйкиной грядки, пожевала, растерла остальное между ладонями. Потянулась навстречу солнышку, сбросила платок.

– Ангелин, вы сегодня уезжаете?

Позади, у сарая, хозяйка развешивала белье, с трудом приподнимаясь на цыпочках, чтоб дотянуться до веревки.

– Дайте я. Я быстро.

Геля шустро развесила нехитрые тряпки. Хозяйка потянула ее за руку, присели на нагретое солнцем бревно.

– Чувствую, уедешь скоро от меня совсем, детка. Так что скажу тебе. Ты – девочка хорошая, только вот река твоя беспокойная, все бурлит, бурлит, А ты берегов не знаешь, бросаешься, об камни бьёшься. Зачем?

Геля смотрела на хозяйку молча, она не ожидала от старушки этих слов. Сколько они прожили здесь, та не разу, ни взглядом, ни словом не коснулась их жизни.

– Так я и еще скажу, не обижайся. Муж твой редкий человек. Таких как он- что золотых крупинок среди песка... просто так не сыщешь, горы песчаные просеять надо. А тебе повезло, сразу слиток. Так ты цени, такие подарки судьба зря не отвешивает.

– Знаете что!

Геля снова вытянула сигарету из пачки, зло затаилась.

– Что вы меня все уговариваете? Золото, знаю! Ценю. А вот как быть с ним – сама решать буду. Кого любить, кого нет. Моё дело это, ясно? Моё!

– Не груби, детка. Решай сама, кто же тебе мешает. Не ошибись, только. Поправить трудно ошибки такие, они не поправляются, поверь. Никогда.

Резко затушив окурок, Геля встала и пошла к своему крыльцу.

– Все почему-то решили, что меня надо учить жить... И вот все стараются. Не выйдет, я сама...все знаю...

...

В комнате было темно из-за задернутых плотных занавесок. Тишину нарушали ходики и два мерно сопящих носа – Вовкин и Иркин. Споткнувшись о здоровенный чемоданище, раззявленный посреди комнаты, Геля чертыхнулась, распахнула окна и весело пропела – "Подъёёёёооом".

Вовка одним сильным, пружинистым движением вскочил, притянул Гелю к себе, чмокнул в нос.

– Тсссс. Пусть Иришка тихонько сама проснется, не пугай. Поезд только в два, спешить некуда.

Он достал из кармана пиджака новенькое свидетельство о рождении, открыл, погладил пальцем дочуркино отчество.

– Красиво получилось, глянь...Ирина Владимировна. Звучит, а?

Он мельком глянул на Гелю, и ей показалось, что его глаза предательски блеснули.

– Спрячь.

...

– Слушай, да она у тебя колобок просто, как солнышко. Пухленькая, ангелочек прям. Галь, чудо какое. И беленькая, не то, что ты. Как у вас вышла-то такая?

Геля с сестрой Галиной расположились под яблоней, в аккуратном садике, который обихаживала, превратив в маленький рай, Галина мать, родная сестра Анны – тетка Гели. Она жила напротив, на улице у реки, прямо через бабкин огород, пробежишь – сразу ее сад. Сестры расстелили

покрывало, лениво валялись в тенечке, маясь от обжигающей полуденной жары. Крошечная дочка Гали ползала прямо по траве, не обращая внимания на колючие сухие травинки, щекочущие толстые ножки в складочках. Ирка бегала где-то в розарии, от которого наносило изредка томные розовые волны.

– Господи, вот где рай, так бы и лежала век,.

Галя очередной раз притянула за пухлую попку дочку, но та снова уползла.

– Не, ну барыни! Разлеглись, телеса выложили.

Тетка, моложавая, крепко сбитая, черненькая кудрявая выскочила откуда-то из смородиновых кустов с миской пирожков, маленьких, румяных, пышнокожих, какие умела делать только она. Плюхнулась на одеяло, протянула миску.

– Тут с мясом – круглые, треугольные – с картохой, длинные – с яйцом и луком. А те, с пупырем, с повидлой. Лопайте, девки, пока они горячие. Вам с собой, четыре протвиня напекла.

Геля загребла сразу три пирожка, аромат от них шел такой, что, наверное, полдеревни захлебнулось слюнями.

– Вы коровы, не лежали б тут, не прели, а на речку с дитя-ми шли. Там сейчас – как раз тень на бережок, на Ляпке, после обеда туда не сунетесь. А ввечеру ко мне, огурцы полоть пойдете. И свеклу. Я бабе Пелагее на вас наряд выписала.

Она ляпнула Гелю по потной спине.

– Как раз, пробздишься, императрица. Твоя-то мать, с

ленцой. Порченая, так ничо не са'дила, одни тыквы с картохой будете исты, с телями вместе. Анка, что мать наша, Пелагея, ничо ей не нать в огороде, купчихи толстые. Батя тильки пашет, як конь. Вон и ты, ишь, добра яка стала, в бабку пившла.

Геля лениво смахнула муравья с белой, точеной ляжки.

– Теть Тань, да ну ее, свеклу твою. Ненавижу, блин в земле копать, мошка сожрет, ведь, а? Вон Галька пойдет, она любит.

Геля быстро села, стрельнула краем глаза на сестру, которая дрыхла с разинутым ртом, приобняв прикорнувшую у нее на руке, малышку.

– Ирка придет к тебе, она травку любит дергать, да и Вовка поможет. А я вам белье постираю и полы помою лучше, а?

– Ишь, лиса толстопопая. Поливать приходи, ладно уж. Все одно огурцы с помидорами жрать прискочете, как позреют, от! Козы! Да и мужиков я на огороде не припахивала ещё, ты прям выдумала... Мужики вон, к соседу пидут, марседес чинить, коль назавтра на раков сподобились.

Геля улыбнулась. Мерседес и вправду, у соседа был. Старая трофейная колымага, антилопа гну, как называли ее ребята, исправно возила их по деревне, а вот на Коробок, довольно далеко по колдобистой степной дороге, решили на ней поехать впервые. Тем более, надо было сделать несколько ходок, пока не перевезут всю компанию. Дело было ответственное, и мужики который день колдовали над машиной.

– Ага, завтра поедем. С меня полведра раков, тетя Таня.
И полы.

Геля ловко вскочила на ветку коряжистой яблони и, не смотря на свою тугую полноту, вскарабкалась выше.

– Дура, слазь, гробанешься – землетрясение в селе случится,

Тетка подала руку Геле, прислонилась к яблоне, обмахиваясь

– Вы чо, и вправду палатку поставили во дворе, а? И спите там? Иль бреше Анна?

– Поставили. Жарко в доме спать, ужас.

Геля, соскочив с яблони, почти бегом промчалась через сад к калитке, ведущей в огород бабки.

...

– Вов, ты видал, звезды какие? В Москве они маленькие, как крупа, неживые... А тут, смотри... дышат...

Геля с Володей сидели во дворе, под старой, полу засохшей вишней, на крошечной лавке, еле поместившись вдвоем, поэтому тесно прижавшись друг к другу. Сквозь уже негустую листву умирающего дерева, звезды действительно казались нереальными, сказочными, даже страшными немного. Было тихо-тихо, только гул комаров нарушал звенящую пустоту деревенской тишины, да изредка вскудахтывала заполошная курица, или шорохалась в сарае, хлопая хвостом, корова. Пахло высушающей полынью, которую Геля натаскала в палатку от мошкары и растыкала везде, куда

ТОЛЬКО МОЖНО.

– Ишь, ведьмака, чертей гоняешь.

Ухмылялся в усы дед Иван, заглянув под старую парусину.

– Иль жанихов? А, чертушко?

– Ты смог бы здесь, жить Володь? Прямо вот тут, в деревне, в доме, всегда? Что-то я прям не знаю, дед с бабкой уж смотри, слабеют как. Стареют... так быстро время бежит...

– Смог. А почему нет? У меня мои тоже такие, посильнее чуть, правда. Ты к моим-то поедешь? Надо бы.

– Я школу нашла... Работать пойду с осени. Далековато, правда. Но ничего, не привыкать. Хорошая школа, передовая. Меня учителем математики берут, сразу.

Геля помолчала.

– А к твоим... съездим... позже... Спать пошли...

...

– Кончай ночевать! Сони городские. Встаааать!

Какая-то скотина лупила по парусине палатки чем-то хлестким. Геля выкатилась, схватила шлепку и запустила по чем ни попадя, не глядя. Скотина отскочила, и в лучах встающего солнышка, она узнала стройную поджарую фигуру. Кто еще, как не он!

– Борька, гад. Совсем что ль, оборзел. Рано же!

– Алюсь, какой рано. Вас все ждут. Ща первую ходку делать будем, без дитев. А там, глядишь, жарко. Вставайте, хвадрихнуть. По коням!

Шатаясь и ойкая от холодной росы, Геля выгрузила из са-

рая корзину с «провиянтом», как шутил дед Иван и авоську с «горючим». Борька, плотоядно посмеиваясь, нюхнул здоровый шмат сала, покосился хитрым глазом на авоську.

– Не маловато? А? А то в сельпо побегешь, как милая. Ты вона, кобыла какая. То-то, мужичков уважить надо, водочки поболе купить, а ты жадюга.

Борька изо всех сил долбанул Гелю по попе и, весело гикнув, проскакал мимо нее к воротам, увидев, как сестра крутанулась на пятке и схватила грабли наперевес, как ружье.

– Вот балбес, – Володя, усмехаясь, упаковывал рачьи корзины в большой мешок, – красавец, блин. Ни одной задницы не пропускает, даже сестринской. Следующий раз догоню.

...

Антилопа, кряхтя от перегруза и чихая от пыли, ползла по степной дороге в сторону большого леса, окружающего Коробок. Солнце уже вошло повыше, еще немного и начнется пекло, настоящее, июльское.

– А ну стой.

Длинный, как оглобля соседский Женька, балбес-переросток, не хуже Борьки, одним махом длинных, похожих на циркуль ног маханул через борт машины. Как фокусник вытащил охотничье ружье, прицелился, бабахнул. Потом еще. Сразу пара ворон спикировали вниз и лягнулись пробитым телом о траву. Женька бросил их в заранее подготовленный мешок, бабахнул снова.

– Дурак...

Томно пищала сзади Лина, Борькина жена. Она все время оглаживала несуществующий животик, выпячивала его под тонким сарафаном, и старалась стать боком, чтобы все видели, – и так в голове звон. И тошнит, что-то так, Борь.

Борька пряданул ухом в сторону жены, помахал над ее красивой белокурой головкой газетой, отвернулся к Геле и скорчил рожу.

– Да ладно. Во – приманка есть. Подтушить бы ее на солнышке, чтоб пованивала. А.. и так сойдет.

Линусь, пирожка хошь? – подмигнул Женьке, – вонюченького?

...

Коробок открылся взгляду сразу, резко, во всей своей темной величественной красоте. Большое ровно очерченное озеро, прохладное и чистое, лежало блюдцем среди неожиданно густого для таких мест, леса. Берега его были довольно обрывистыми, но не везде. Там, где лес чуть отступал, пологие пляжи со светло-желтым песком, образовывали яркие нарядные пятна. Сильно пахло водными лилиями и лесной земляникой, от которой небольшие полянки казались красными. Ребята, выбрав один из пляжиков, расстелили покрывало, начали раскладывать еду. Женька прыгнул в Антилопу и уехал за остальными. Вовка с Борькой нагружали корзины приманкой.

– Ей, красотки. Давай водярку студи, горячая, небось. Пряма в сетке, Аль, ты ее за корягу вяжи в воде. На, держи

веревку.

Борька бросил Геле обрывок толстой веревки.

– Ты еще канат бы припер, бестолочь.

Геля, ворча, стала обвязывать сетку, но толстая веревка скользила, в узел завязываться не хотела. Кое как завязав, она полезла на толстую ветку, свисающую над водой, там глубина была явно очень большой, свинцовый цвет и особое ощущение холода, предвещало омут.

– Тут точно остынет, им проглотаю, побыстрее надо, изноются.

Она начала привязывать веревку к ветке, но в этот момент нога соскользнула, и вцепившись в острый сук, чтобы не свалиться, Геля ободрала кожу. От боли она взвизгнула, импульсивно дернула рукой и выпустила авоську. Белые водочные козырьки, медленно, как в страшном кино, начали опускаться в воду. Секунда – и они пропали из вида. Лина, стояла на берегу и заморожено наблюдала за потрясающей сценой.

Сзади, дико матерясь, Борька сдирал штаны и майку.

Глава 17. Пелагея

Целый час ныряли за водкой. Подоспевшие братья – Анатолий, Иван и Сашка, Галин Володька, Вовка – все по очереди, матерясь и кряхтя от ледяной воды, безуспешно пытались спасти горячее, но оно безвозвратно кануло в бездну. Обидно было не за само спиртное, обиден был факт. Ситуацию, конечно, разрулили, стогняли еще, привезли авоську, но Геля впала в опалу. И только Ванька, любящий сестру нежной братней любовью, усмехался в черный ус, похлопывал смущенную Гелю по плечу и плескал ей в стаканчик «чутка».

«Чуток» расслабил ребят, напряжение спало и отдых продолжался, идея добычи раков как-то забылась, никто даже ни разу не проверил улов. Июльский день катился ласково, и вот уже солнце стало чуть мягче, ослабило свою хватку, и длинные тени потянулись от прибрежных ив, расчертив песок и лесные полянки. В такие мягкие вечера, наступающие после душного дня, в воздухе начинает пахнуть дождем. Этот аромат близкой воды ещё не явный, он только угадывается, смешивается с одуряющим запахом степных трав и звенит. И тогда скромные цветы степи вдруг становятся яркими, выпрямляют тонкие стебельки и гордо поднимают головы к то же уже сгущающему свой цвет, белесому ещё пару часов назад, небу. И наступает томно-расслабленное состояние, когда мир кажется другим, немного сказочным, добрым

и щедрым, а душу окутывает счастье и нега – почти до слёз.

Хорошо принявшие братья плескались на отмелях, Вовка же с Гелей заплывали далеко, почти к центру озера, и лежали на темной плотной воде, глядя в синеющее небо. Потом, накупавшись, слолав весь «провиянт» до последней крошки, расположились подальше от воды, в низкой поросли молодого ивняка. Ребята дрыхли, молодецким храпом пугая местных сорок, которых было навалом в прибрежном кустарнике, девочки разлеглись, как большие выброшенные на берег рыбы, на огромном конёвом покрывале и болтали, не хуже трескучих птиц.

– Ты счастливая, Аллонька, – томно тянула слоги Лина, именно так «Аллонька», называла Гелю только она, – Что же тебя так мужики любят? И ведь не красавица, вон – бровок нет, реснички белесенькие. Да и полновата будешь, животик, смотри, выпирает даже, кругленький.

Геля слушала ее молча, зло кусая травинку. Ей так хотелось пнуть пяткой в гладкий, стройный, точеный бок, что чесалась нога. Натянув повыше трусы купальника, она повернулась к Лине спиной и свернулась калачиком.

– Нет, подожди! – Невестка не унималась, – Аллонька, милая, а цы'ган то! Ведь высох весь, когда ты уехала. Черный стал совсем, как ствол обгоревший, головешка, не человек. Жене отлуп дал, или как там у них, по – цыгански.

Геля развернулась резко, выплюнула травинку, молча смотрела на Лину. Ей, казалось, что гладкое, белое лицо ску-

кожилося, стало размером с кулачок, а большой красный рот увеличился и пенился, выплевывая слова. Жутко хотелось курить.

– И еще говорят, жена его много раз ножом била. Изрешетила просто, а он сам, грудью на нож шёл. Вот ведь, болтают люди, что с них взять.

Геля молчала, смотрела. Там, у неё внутри, кто -то зажег факел и водил им, выжигая внутренности. Галина встала, обошла покрывало и присела около Лины.

– Что несешь, безумь? Сказали же на следствии, сам он, в драке...

– Ну да. Сам он... Семь дырок. Обмывали его когда – видели, люди зря не врут. И еще говорят, – Лина зачатила, чувствуя, что вот-вот её заткнут и заткнут грубо, потому что сзади стоял и нервно постукивал ребром ладони о стволлик березки, Борис. – Говорят, Гелька мужиков привораживает. На крови, вот так! И Лачо...

Она обернулась, мотнув головой, как птица и крикнула громко и тоненько:

– И Вовку!

Борис медленно подошел, у него было странное лицо и белые от бешенства глаза.

– Лин, я тебе, кажись уже говорил. Повторить вот хочу. Ты, Лин, дебилка!

Лина вскочила, и размахивая руками так, как будто хотела взлететь, звонко прокричала:

– Ага... А что б он ее брошенку с ребенком-то взял? Приворожила, вся деревня болтает. Вот грех-грех, теперь ей не отмолить. Век не отмолить, накажет господь. Пусть боится!

Борька сжал кулаки, побелел еще больше. Геля растерянно обернулась – от реки, сгибаясь от тяжести двух черных, шевелящихся сеток, шел Володя.

– Про раков-то забыли, добыткики, – он успокаивающе положил руку Борьке на плечо, – Что за крик, а драки нет?

Наклонился, вытащил маленького рачка с крошечными клешнями, отловил Ирку, которая уже полчаса козленком скакала вокруг взрослых, стараясь обратить на себя внимание.

– Что, малыш-Ириш? Пошли-ка с рачком в футбол играть. Он знаешь, футболист какой! Настоящий.....

Ехали молча. Гелю с Линой засунули на переднее сиденье, рядом с водителем, они еле поместили туда свои попы, но деваться друг от друга было некуда. Лина, тихая, смурная, смотрела в окно, полу отвернувшись, но Геля видела, что ей не по себе. Придвинувшись еще ближе, прижавшись, она взяла невесту за руку, чуть погладила.

– Лин, мне знаешь, что Борька сказал вчера?

Лина напряглась, не обернулась, но было ясно, как она впитывает каждое слово, всеми фибрами, почти кожей.

– Он сказал, что даже когда ты просто проходишь мимо, даже по делу, у него там... все твердеет... ну ты понимаешь...

Лина резко обернулась, глаза у нее были влажные, нос покраснел.

– Врешь! – Она хлюпнула носом, – ну вот врешь же. Не мог он тебе такое сказать. Да и вообще... Он последнее время не смотрит на меня даже.

– Дура ты. Он говорит, что за дите боится, не дай бог, говорит. Сам сказал, я за язык не тянула. А еще сказал, что ИЗМАЯЛСЯ прям по тебе, но ребенок ему важнее. Уж очень хочет он сына от тебя.

Лина, быстро, как кошка лапкой, вытерла глаза, и они тут же заискрились, глупенько, наивно и радостно.

– Ой, Аллонька... я знаю, это точно сын, я чувствую. И глазки у него такие, как у Борюсеньки. Красивенькие, с поволокой. Толяшкой назову, как папу моего. Ой, милая, ты прямо меня к жизни вернула, а я-то все думаю – разлюбил. Хотела вот прямо в омут головой, не жить мне без него. Ой ж, Боречка мой! Завтра ему к утречку блинчиков со сливочками, как он любит. Ой, господи,

В зеркало заднего вида, Геля видела, как внимательно смотрит на неё Володя, без улыбки, пристально, и так нежно. И блестящий беленький шарик прыгает у него за спиной, по стеклу... видимо, солнечный зайчик...

***

В темной кухне было прохладно. Бабка Пелагея большой черной тенью металась из угла в угол, и уставшей Геле каза-

лось, что та машет крыльями. Закипала вода в большом ведре, пахло укропом и еще какой-то травкой. Воздух был плотным, пряным и сладким, и у Гели немного кружилась голова. Она сидела на табуретке в самом углу, за ларем, прислонившись к прохладной беленой стене и прикрыв глаза. Было ощущение, что её высосал кто-то большой и беспощадный, просто раз – и одним всхлипом выпил душу. Что там гнездилось в ней – любовь ли, жалость, сожаление ли о детской любви, и о том, что не случилось – она уже не понимала, да и разбираться ей не хотелось. Да и вряд ли получилось бы. Она понимала одно – у них семья, настоящая, крепкая и есть чувство, которому она не знала названия. Но именно за него, за то важное, что она сумела сложить из, вроде зыбких, ненадежных кирпичиков, Геля готова была сражаться до конца, защищать его зубами, как волчица, до последней крупницы жизни. И это понимание, казалось ей незыблемым, опорой и самым, самым главным на свете...

Из дремы ее выдернули рывком, неожиданно. Она вздрогнула от стука, открыла глаза и увидела, что Пелагея, шмякнув чем-то, с напряжением, колыхая большим упругим животом под оборчатый платень, взгромодила здоровенное ведро на черный высокий дубовый стол. Из ведра валил ароматный пар и торчало что-то красное. Бабка шурудила большим ситом на длинной ручке и была похожа на бабу Ягу, мешающую свое варево. Геля встала, чтобы помочь, но опоздала, потому что Пелагея шуранула раков из сита прямо на

стол, и они ярким шуршащим потоком докатились аж до другого края столешницы.

– Пусть стынут, – Пелагея устало выпрямилась, подвинула табурет поближе, села.

– Я пойду, бабушк, ребят звать, – Геле вдруг захотелось на воздух, – Да и Линку с Галькой поищу, я что ли одна стол накрывать буду...

– Погодь, Алюсь, что сказать треба. Вот маешься ты, детонька, вижу, так маешься. Я тоже долженько бедовала, как Ванька меня взял. Поздно взял –то. Все копаласи, все думала, все важила, да меряла. Проста не была, як ты. Мордовала мужика, кочевряжилася. А потом поняла, бог надоумил. Добрый мужик, главное до бабы. Хата надо шоб справная, дитяти и мужик здоровый, да и сама. Остальное гони детьнышка, все гони от себэ. Пустое оно, я тоби брехать ни буду, да и жизнью прожила.

Геля вдруг почувствовала, что слезы горячей, щипучей волной подкатили сразу к горлу, носу и глазам, и первый раз за все время хлынули, смывая боль. Она уткнулась бабке в колени, как маленькая, и редела, громко и жалобно, всхлипывая и даже похрюкивая. Бабка гладила ее по голове

– Поплачь, серденько, поплачь, баба никому ни кажэ.

– Баб! – Геля наконец успокоилась. Подняла голову, посмотрела снизу вверх, как раньше, – Баб. Так нет же ничего. Ни детей общих, ни дома. Вдруг бросит, трудно ведь ему со мной. Так трудно.

– Ииии, девонька. Хиба ж таких кидают, что ты. А дитё ро'дишь, Ирке братика, ты ж молоденька така. Ну, а хата...

Бабка развернулась и крикнула куда-то в сени:

– Эй, Иван, подь сюды. Не слышит, пень старОй.

Она встала, приподняла Гелю, вытерла ей лицо, пригладдила косматые, как у ежа лохмы.

– Грошей мы тоби с дидом на хвартеру насбыралы. Десять годков складали, грошик к грошику. Возьмешь, мало еще займешь. Тильки живити.

Пошла, чуть шаркая, налила из толстостенной бутылки гра-
ненный стаканчик мутной жидкости, спрятала под фартук.

– Пиду-ка, детку свою золотую угощу.

– Баб, хватит ему уже. Они на Коробке наугошались.

Слезы, как будто омыли Геле сердце, все промыли внутри, и она засияла, как звездочка. Бабка смотрела на нее искоса

– «И ведь вправду, солнечная.., золотая...»

Но сказала сурово, отводя внучку в сторону твердой рукой и защищая стакан.

– Отстань. Иды!

Глава 18. Море

– Что делать будем, Вовк? Брать деньги, что ли? Они десять лет себе в чем-то отказывали, копили. Я не смогу взять, стыдоба ведь.

Геля с Вовкой сидели на мостках над рекой. Уходящее лето, здесь, среди степей, было совсем другим, не московским, в нем не было умирания, чувствовалась лишь тихая печаль. Сухие ивовые листики быстро скользили по течению и щекотали кожу ног, опущенных по колено в воду. Ирка с соседскими ребятами носилась по маленькой прибрежной улочке и щебетала так, что слышно было, наверное, на рыночной площади, в центре. Очередной раз скатившись по длинной неустойчивой лестнице к мосткам, она сунула Володе два здоровенных огурца, в котором вся серединка была выдолблена, но бережно оставлена крышечка с хвостиком, и там, в огуречном стаканчике, плескалось молоко.

– Тебе и маме, – Ирка попрыгала на одном месте, как мячик. Худенькое стрекозкино тельце, казалось -раз -и, оторвавшись от досок мостков, вспорхнет над речкой и скроется в предзакатном тумане. Хвостики, подвязанные бантиками, подпрыгивали, как крылышки, – Я сама сделала.

– Вместо клизмы, – смеялся Володя, махнув одним глотком свой и Гелин молочно-огуречный коктейль и, щелкнув хихикающую Ирку по курносому носу, смачно закусил,

хрустнув остатками «стакана», – Беги, голяп, тащи еще.

– Что за «голяп», Вов, какой раз уже слышу? Что -то придумали опять, без меня, а? Признавайтесь!

Геля лениво откусывала прямо со сломленной ветки спелые черемуховые ягоды. Огромное старое дерево над рекой было все черно от крупных и сочных черемушин. Такую вкусную и крупную черемуху, Геля ела только здесь, в деревне. И даже сушила немного, увозила мешочек к себе, в город.

– И ты мне не ответил про деньги.

– Гель, это Ирка придумала. Мы на пляже баловались, она меня в плавках увидела и как заорет, глаза вылупив – «Голый папа. Голый папа». А выговорила плохо, слышалось – «Голяпа». Так теперь ее и дразню... хохочет...

– Она тебя больше, чем меня любит...

– Не болтай лишнего... Насчет денег... Что, там много?

– Да нет, конечно. Откуда много. Но все-таки – деньги...

– Знаешь, бери! Не обижай стариков. Только скажи – взаймы. На квартиру все равно не хватит, положим на сберкнижку, будем им выплачивать долг вроде. Им приятно будет... А про квартиру придумаем что-нибудь. Потом...

– Ага, – Геля стянула с ветки последнюю ягоду, сломала ветку, бросила ее воду, – Уезжаем скоро, жалко. Но и в Москву хочу. Соскуучилась. К детям. Там, знаешь, школа такая, новая, современная. У меня класс будет свой. Я уже все придумала, как первый день проведу, как в классе все сделаю. Будем жить, Вов! А?

– Еще как! У нас с тобой еще море впереди, Гельчонок. Целая неделя моря! Будем жить!

***

Что-то стукнуло в стекло, и Геля проснулась, вздрогнул, как от толчка в спину. Прислушалась. Звенящая тишина давила в уши – не скрипа, ни шороха. Даже муж с дочкой спали так тихо, что не было слышно даже дыхания. Она села, свесив ноги с высоченной кровати, и, слегка покачиваясь на пружинах, долго искала шлепки. Сознание возвращалось медленно, но она уже осознавала, что ставни закрыты плотно, и камушек в стекло попасть – ну никак не мог. Если только... Камушек стукнул снова, и Геля уже четко поняла, откуда идёт звук. Она посмотрела внимательнее. Из маленького окошка, выходящего на цыганский двор, тянулась лунная дорожка, и, преломляясь через кружевной тюль занавески, слегка освещала цветную половицу и белый угол печки. И там, как будто видна была чья-то тень. Тихонько подкравшись окну, Геля выглянул. Прямо под окном стояла Галина, жена старшего цыгана.

– Спрыгнешь? – шепот прозвучал, как выстрел.

Геля прижала палец к губам и, с трудом протиснувшись через окно, сползла во двор.

– Чего тебе, что ты по ночам- то? С ума сбесилась? Разбудишь сейчас всех.

– Так с тобой днем разе поговоришь? Ты все кружишь, без остановки, как птица белая. Все над гнездом, не отрыва-

ешься...

У Галины, за годы жизни среди цыган, все смешалось и голове и в душе. Она путала цыганские и русские слова, цыганский и русские чувства. Цветастая юбка, красный платок, повязанный назад, не делали ее цыганкой, потому что длиннющая русая коса, большие рабочие руки и ясные, синие, очень ласковые глаза дробили облик, делая его странным. Особенно это бросалось в глаза, когда подоткнув подол, чего никогда не позволяли себе ромны, и, закатав рукава выше локтя, она брела с коромыслом по пышной горячей полуденной пыли от дальнего колодца. Геле всегда было ее жаль, она не понимала, как та может так жить.

– Тише, Галь, прошу. Тебе самой от свекра влетит, забыла его руку, что ли? Я помню, как ты синяки побелкой закрашивала.

– Нет его, свекра-то. Следом за Лачо убрался. Мой старшой теперь, да и я. Бояться некого, я теперь выше Шаниты. Она без ума, совсем плоха. Все гадает и бабочек ловит везде. Души, что ль чудятся.

– Во как оно... так, не свекор, муж прибьет.

Геля почему-то злилась и уже начинала поддразнивать, понимая, что это – нехорошо. Но луна так ярко светила, так бередила, тени и запахи были так явны и так болезненно напоминали...

– Пальцем меня не трогает. Любит... – Галя вдруг пристально посмотрела ей в глаза, – Как Лачо тебя любил. Они

похожи были, как близнецы, братья – то, не то забыла?

– Галь!

– Не забыла. Вижу, – Галя помолчала, поправила платок, – И сын – вылитый...

– Галь...

– Я спросить хочу тебя, затем и звала. Может, пособишь его пристроить куда? Ты ж учитель в интернате.

– Сейчас нет.

– Да как же? Я вчера на телеграфе с Райкой трепала, она говорила, ты учителькой работаешь. Парень сгинет ведь, кто тут его возьмет, сирота же. А писанный! И умнесенький, буквы учит, сам.

– Галь, я не могу. Я не могу, пойми ты, его сыном заниматься. И так деревня гудит, муж мой, он ведь все понимает, – Геля почти кричала, – И дайте мне забыть, в конце концов. Дайте мне все забыть! Ради бога!

– Да нет... Я так... спросила... В табор его уведут, что ж... Жалко мне, хороший мальчишка.

***

Сырым влажным утром никто не захотел накрывать завтрак во дворе, как обычно, быстро перекусили на кухне. Геля молчала, ей было стыдно и странно. Она молча собирала вещи, и думала, думала. Впервые в жизни она не протянула ребенку руку помощи. Впервые в жизни она стала слабой и неуверенной, это угнетало, она почти ненавидела себя.

Сзади подошел и приобнял ее Володя.

– Гель, ты не должна себя казнить. Никогда. И ни за что. Ты имеешь право на свое решение, помни это, – он помолчал, покрутил крутой рыжий завиток на Гелиной шее, – Да и парня нельзя в интернат. Он погибнет там, не выживают они в неволе...

***

Поезд стучал и стучал на стыках, весело проговаривая что-то свое. Геля смотрела в окно, не отрываясь. Мелькающие деревья были так не похожи на те, к которым она привыкла, высокие, похожие на свечи, ровными стрелами устремляющиеся к необыкновенно яркому небу, они бередили сердце, пробуждая в нем какие-то, неизвестные до сей поры струны. Ощущение ожидания, предвкушения было таким острым и радостным, что внутри все сжималось и немного дрожало, как натянутая струна. Что-то должно было произойти, замечательное, новое, прекрасное. И оно произошло. Вдруг, ослепляя, разрывая пространство, в мир ворвалось – Море! Оно было огромным и синим. И бесконечным.

***

– Купаться, купаться, купаться... купаться, купаться, купаться.

Ирка ныла противно, на одной ноте, как муха. Она сидела попой прямо в горячем песке и пересыпая его из кучки в кучку, не замолкала ни на минутку.

– Ирка! Заткнись! Видишь – папа спит!

Геля лежала и смотрела в высокое небо. Она могла лежать так и смотреть бесконечно, слушая шум волн, впитывая жар солнышка и песка. Первый день на море был бы прекрасен, если бы не это поганое, ноющее создание, которое невозможно вытащить из воды ни на минуту.

– Купаться, купаться, купаться...

– Я тебе сейчас вот как накупаюсь по жопе. Аж синяя станет. Сказала – как трусики высохнут – пойдешь! С папой. Вон глянь – тетя кукурузу несет и мороженое.

– Купаться... купаться... купаться...

– Убью сейчас!

Геля отвернулась и блаженно закрыла глаза. Через прикрытие веки солнышко проникало радужными разводами и приятно жгло кожу. Сладкая дремота накатывала волнами, погружая весь мир в качающиеся волны счастья.

– Не, ну она молодая, ладно! А ты, дурак уже старый. Что же ты смотришь, ты знаешь, что с ней будет к вечеру!

Противный, высокий голос взрезал блаженное состояние, как нож торт, безжалостно развалив его напололам. Геля открыла глаза, над ней стояла высокая худая тетка, похожая на ведьму, всколоченная и злая. Вовка сидел на песке, и смотрел на Гелю.

– Ты смуглый, дите вон тоже. А она-то белая, что сметана, до костей облезет. А ну, забирай ее, быстро.

– Ой, да ладно, я не такое солнце видела. Напугали, – Геля встала, потянулась, – Вов, купаться пошли. Ирка изнылась

уже, паразитка.

– Такое – не такое, не знаю. А слушай, что говорят. Дура!

Тетка повернулась, и быстро перебирая длинными ногами по песку, пошла, как цапля, качаясь из стороны в сторону.

Вода была теплой и ласковой, они плескались, наверное, с час. Вовка возился с Иркой на отмели, Геля заплывала на дальние валуны, забиралась на них и снова лежала, глядя в небо и вбирая в себя жар южного солнца. Потом побрели домой, пообедали и легли отдохнуть в прохладе веранды, увитой виноградом так плотно, что было даже темно. Сквозь дремоту, Геля слышала, как Ирка, выстраивая из улиток паровозик, уговаривает их ползти правильно, по линеечке.

***

Что-то гулкое и тяжелое билось в виски, ощутимо... больно.

– Вовка что ли молотит... Просто молотком... или это сердце... Вроде никогда так не было... И почему так все горит? Огнем?

Геля встала, шатаясь подошла к ведру с водой, набрала ковшик, глотнула, остальное ливанула прямо на голову. Но, вместо ожидаемого облегчения, ее пробрал такой озноб, что застучали зубы. А кожа загорелась еще сильнее, как будто ее хлестанули крапивой.

– Вот, бл... Что это еще... Вов...

Она завернулась в простыню, единственное что было тёплого в комнате, хотела прыгнуть на кровать, но сил не было.

Да ещё тошнило жутко, раскалывалась голова.

– Вовк! Твою мать, просыпайся. Помру ведь.

Володя открыл глаза, ошалело похлопал глазами, потрогал Гелю за плечо и пулей вылетел из комнаты.

– Ой-ей, что натворили, глупые...

Веселая круглая хохотушка-хозяйка, ойкала, мазала Гелю простоквашей и прикладывала к здоровенным волдырям на груди и ляжках прохладные гладкие листья какого-то неизвестного растения. Геля шипела, ругалась последними словами и чувствовала себя маленькой и несчастной.

– У мамы пятнышки, – Ирка трогала пальчиком веснушки, которые мелким горошком обсыпали Гелину белоснежную кожу, везде, где сошли ожоги, – Мама жирафка.

Геля яростно втирала в ненавистные веснушки отбеливающий крем... Но тщетно.

Глава 19. Школа

– Вы не тушуйтесь, Ангелина Ивановна, надо же, имя какое у вас замечательное. У нас все очень по-доброму. Школа новая, передовая, мы тут за нее все горой, здесь вам будет славно...

Директор новой Гелиной школы, женщина лет тридцати пяти, была похожа на милую черную галку, случайно упавшую с небес на землю. Она быстро ощупывала новую учительницу круглыми черными глазками и слегка подпрыгивала в самых волнительных местах своего рассказа.

– Мы вам четвертый, пятый класс выделяем, может шестой даже – классное руководство. У вас свое помещение будет, замечательное, светлое, на солнечной стороне. Так, только ж работайте, старайтесь, я во всем помогу. У нас питание хорошее, для учителей скидки, в продленных классах будете ужинать бесплатно...

Она все трещала и трещала, дотрагиваясь до яркой блестящей пуговицы на Гелиной парадной блузке толстеньким пальчиком с обгрызенным ноготком. За полчаса разговора Зинаида Ивановна, так звали директора, успела рассказать всю историю школы и судьбу, наверное, каждого учителя. Геля вертела головой, разглядывая достопримечательности – переходное знамя за достижения, вымпелы, грамоты, фотографии. Все было так...

***

Электричка, метро, трамвай... два с половиной часа... сразу столько часов... математика...

Она добиралась до школы очень долго. Ладно электричка, к ней она уже привыкла, ладно метро... а вот трамвай. Продав его полчаса на продуваемой всеми ветрами площади, она минут двадцать тряслась по какой-то полупромышленной зоне. И лишь в конце пути появилось что-то похожее на город, только совсем новый, молодой, чужой. Яркие сине-белые новостройки, отливающие перламутром мелкой отделочной плитки в неярком августовском солнце, причудливо перемежались со старыми деревянными бараками и мутно-серыми хрущобами. Здесь совсем не чувствовалась привычная и родная атмосфера Москвы, её уютного Замоскворечья, здесь был иной мир. Она даже не могла решить – лучше он, хуже, но он был не её, чужой. Даже запахи – разрытой земли, известки и, почему-то коровника раздражали, будоражили, смущали.

Директор схватила Гелю цепкой лапкой за руку и вихрем понеслась, увлекая ее за собой, вверх по широкой, слегка присыпанной серой пылью, мраморной лестнице —

– Не убрали, гляньте -ка еще, вот бездельницы, а сказали – все готово. Вот ведь, дорогая, никому верить нельзя, за всеми проверяй.

Они влетели в широкую светлую рекреацию второго этажа, пробежали до конца коридора и с шумом тормознули у

светлой двери одного из классов.

– Вот!

Зинаида Ивановна жестом фокусника распахнула дверь класса и в сумрачный коридор хлынуло желтое предосеннее солнце, слегка их ослепив. Они вошли, остановились у коричневой новенькой доски, на которой еще и муха не сидела.

– Ваш стол, – гордо показала Галка кивнув носиком-клювиком в сторону массивного учительского стола, помолчала, и, почему-то добавила

– И стул...

Геле вдруг захотелось хихикнуть, но она сдержалась.

***

Геля подошла к первой парте, погладила идеально гладкую, налаченую поверхность... и вдруг подумала: "Занавески светлые и плотные повешу в мелкую клеточку. И картину, ту, которую Вовка припер, с Аленушкой..."

В этот момент она почувствовала, что после долгих скитаний, вернулась домой. И даже Зинаида – галка показалась знакомой, даже родной...

– Я решила, Зинаида Ивановна. Завтра выхожу на работу. Мне хотелось бы пригласить родителей, устроить родительское собрание, такое, предварительное. Если можно.

– Можно, почему нет... И вот еще

Директриса присела, грустно подперла подбородок двумя руками и снизу вверх, быстро и, почему-то виновато глянула на Гелю

– Мне вашу характеристику из интерната прислали... очень плохую. Безобразную, злую какую-то. Подписана коллективом, но правда там две или три подписи...

Геле так бешено бросилась кровь в лицо, что даже закружилась голова.

– Там они и о личной жизни написали, о цыганах каких-то, я вообще ничего не поняла... как можно так, в личную жизнь, я и читать не стала.

Геля смотрела, как в такт речи у директора подпрыгивает челка -хохолок и комкала тоненькую ручку сумки. Ей почему-то стало так стыдно, она хотела встать, но Зинаида Ивановна вскочила первая, одним скоком подлетела, сжала плечо и усадила на место.

– Я порвала эту чушь и написала, что характеристика с прежней работы утеряна. У вас, Ангелин (извините, мне так проще), такой опыт, да с такими детьми. С ТАКИМИ детьми, так долго плохой человек никогда не сможет...

Она подвигала туда -сюда чистейшую тряпку на доске. Геля молчала.

– Да и вижу я людей, сразу. Работа такая... А вот нюнить ни к чему.

Она потрепала Гелю по плечу, увидев, что у той повлажнели глаза

– Работать будем. Жизнь все покажет, от нее не скроешься.

Зинаида Ивановна проводила Гелю до дверей, приостано-

вилась на крыльце школы. Перед ними и спереди и справа и слева, везде были разбросаны комья коричневой глины, после дождя грязь стояла непролазная, но директорша смотрела вокруг так радостно, что казалось даже, что выглянуло солнце.

– Там забор, видишь? Вдоль липы насажу, прямо по периметру. А справа – там стол деревянный поставлю и лавочки, вокруг сирень... пусть пахнет... А сзади – огород будет, для биологии. А тут – стадион. Все как надо. Знаешь, как заживем! И да...

Зинаида спустилась вниз, на последнюю ступеньку, посмотрела снизу и зачем-то подала Геле руку.

– С квартирой что-нибудь придумаем. У меня одна отказная есть. Повезет тебе – вступишь. Только потянешь ли, там цена, ужас. Потому и отказались.

Трясаясь в электричке, сидя с закрытыми глазами, Геля думала... Она уже видела свой класс, смешные и умненькие лица. Она уже различала их, и, кажется, знала каждого по имени. Она уже поняла, что никуда не уйдет из этой школы, что именно там – её, наконец найденный дом.

***

– И хочу вам сказать, вы будете тоже учиться. Да, не смотрите так на меня, ничего особенного и странного я не сказала. Вы будете учиться вместе со мной и вашими ребятами всему, не только математике. Дружить и любить, искать и терять, добру и злу, счастьем даже. Мы с вами научимся

всему только, если будем вместе. Без вас мне не справиться. Никогда.

Геля оглядывала свой класс. Рядом с каждым взрослым, плотно прижавшись, стараясь уместиться на тесном сиденье вдвоем, сидел ребенок.

– Какие одинаковые у них глаза, никогда не замечала... Неужели и у Ирки точно такие же глазенки, как у меня...

– И еще сказать вам хочу.

Класс зашумел, будто ветер прошелестел по верх голов и спрятался в новых занавесях. Геля подняла руку, оперлась ею о край доски и чуть пошевелила пальцами. Стало тихо.

– Сказать хочу... Плохих детей нет. Не бывает. Есть недолюбленные. И вот тут – дело в вас!

***

Утро первого сентября было на редкость теплым. В ярком, высоком небе, носились паутинки, желтой листвы почти не было. В школьном дворе играл оркестр, грустно и торжественно. Геля очень волновалась, она держала худенькую ручку маленького, как гномик, стриженного наголо мальчишки и чувствовала, как дрожат ее пальцы. Она повела ребят в школу, длинной вереницей они прошли по нарядной дорожке, поднялись на школьное крыльцо. Зинаида подошла, внимательно посмотрела Геле в лицо и еле слышно, одними губами шепнула: «С богом». Геля открыла дверь, подождала, когда все рассядутся, помолчала.

И подняла руку...

Глава 20. Встреча

– Видишь, Вов, баба Пелагея, как в воду смотрела, что денег дала. Ровно на первый взнос хватило, поедем, в ножки кинусь, благодарить надо, прям по гроб жизни.

Геля, пыхтя, как паровоз, (последнее время, она сильно округлилась, стала пышной, как сдобная булочка), тащила тумбочку на седьмой этаж. Лестница была бесконечной, лифт не работал, и они с утра таскали свой нехитрый скарб, переезжая в новую квартиру.

– ...ля! Я сегодня точно помру. Еще пару рейсов, прямо вот тут рухну. Воооов..., а Вооов. Мне на каком скопытиться сподручнее – на четвертом или на пятом? Мне пятый больше нравится, тут почище, вымыл полы кто-то. Потом чистая буду, хоть не обмывай.

– Тьфу, дурилка.

Вовкин голос звучал глухо и далеко, то ли сверху, то ли снизу, уже было невозможно разобрать. Геля села прямо на пол, бросив под попу старое Иркино одеялко, потом легла, расправив его полностью и так, абсолютно одна на чужой лестничной клетке лежала, минут двадцать точно. Пахло известкой, краской и чем-то еще, странным и свежим. И вдруг, почувствовав, что засыпает, она вскочила, потрясла головой, отгоняя морок. Именно сейчас Геля наконец поверила, что вот уже – она окажется в своем, настоящем доме.

Отказная квартира, которую они совершенно неожиданно все же заполучили, была большой, красивой, но проблемной.

Кооперативный дом находился на самой окраине, у кольцевой автодороги. Без машины, а машина им не светила, судя по всему, никогда, можно было добраться только на трамвае. Его конечная остановка находилась от ближайшего метро на расстоянии часа нудной, неспешной трясучки, трамвай делал круг прямо у кожгалантерейной фабрики. А вокруг фабрики не было почти ничего. Вернее – был один дом – башня в пятнадцать этажей, торчащая прямо среди пустыря, поросшего бурьяном. От этого одинокого дома, куда доставал взгляд, тоскливой вереницей тянулись серые пятиэтажки. Минут двадцать ходьбы по грязной перекопанной улочке, как вдруг, у самого леса, прямо у опушки, выросстал белый красавец – дом, новенький, двенадцатиэтажный с яркими, блестящими окнами, в которых отражалось синее, подервенски чистое небо. А перед домом, куда ни глянь, простирались луга, и лишь вдали, можно было разглядеть село, настоящее и, видно очень большое. Пока они ехали, трясясь на грузовике, который им организовала Зинаида, Геля крутила головой и совершенно не верила, что здесь – тоже Москва. А вот Ирке с Володей все нравилось чрезвычайно. Они весело обсуждали перспективу походов за грибами, покупку лыж и заливку собственного катка на пустыре перед домом. И может, собаки, с которой можно будет бегать по утрам по лесу.

– Волка заведите!

Геле не нравилось это место, ей казалось, что ее выдернули из привычного мирка, как редиску из земли, и бросили в

красивый белый ящик, прямо так, без упаковки.

– Тут именно волка надо, лес вокруг, вон -дикий...

– Мам, тут хорошо, смотри.

Ирка высунула кудрявую голову из кабины, толстые косички с бантиками свесились вниз

– Лягушечки какие малюсенькие скачут.

– А жабы не скачут? Жалко, прям, как без жаб-то? Вов! Галоши купим. Тут без галош не пролезть. Мне чур первой.

Вовка улыбался и смотрел в окно. А по городу шла радостная и светлая весна.

***

– Гель. А Гель... вставай. Субботник сегодня. Деревья сажать пойдем.

– Чегоооо? Выходной же. Обалдели?

Она с трудом разлепила глаза. В огромной спальне ещё не было занавесок и солнце пронизало комнату насквозь, раскидав на светлых обоях целую вереницу зайчиков. Дверь в коридор была приоткрыта и там, у входной двери происходило веселое движение и толкотня. Накинув халат, Геля протащила свое сонное тело по бесконечному коридору в прихожую. У дверей Вовка и Ирка запихивали в новое ведро игрушечные совки.

– Вам там лопату выдадут, под расписку, большууюуу. Куда вы совки пихаете? И грабли дадут. Ирк, ты знаешь, что такое грабли?

– Это такая чесалка. Для травы.

Ирка быстро вытащила совок из ведра и спрятала за спиной.

—Точно! Идите и чешите свою траву. А потом кваску купите, там бидон.

Дверь захлопнулась и веселые голоса быстро удалялись. Раз и все стихло.

Геля медленно пошла назад, в спальню, потом передумала и побрела обратно. Коридор был длинным, как в общежитии, начинался от огромного зала, пустого и гулкого, в котором из мебели был только материн стул, гнутый, старый, но крепкий и незыблемый, как вечность, и тянулся до самой кухни гладкой ровной змеей. Все комнаты располагались по одну сторону. С другой стороны находилась глухая стена, по которой Ирка всегда вела пальчиком, пробегая по нему со скоростью звука. Она никогда не могла затормозить сразу, скользила на ровном, гладком паркете, пролетая свою комнату мимо. Вот там, в комнате дочурки они всё обставили. Теперь у Ирки был большой полированный гардероб, новенький диван и маленький письменный стол с двумя аккуратными ящичками. Все это поместилось шутя, даже осталось место для красивого торшера, который Володя сам сварганил из остатков тонких труб и плексигласа. Торшер заканчивался задорными разноцветными плафонами, светил ярко и весело, и очень Ирке нравился.

Геля поставила чайник, присела на старенькую табуретку, задумалась.

– Опять чулки штопать, денег нет вообще!

Ежемесячный взнос за кооператив был таким, что в сберкассе на нее оборачивались все, с ужасом глядя, как она отсчитывает сумму, раз в двадцать больше, чем остальные. Потом, она доставала квитанцию за Иркину частную музыкальную... Народ выпучивал глаза еще сильнее, а Геля прятала поглубже в туфлю палец в опять продранном чулке и с ужасом думала о предстоящем ужине.

– Бабкино прошлогоднее вишневое варенье, чай и батон! А на завтрак – манную кашу сделаю. Не удивительно, что меня разносит, как на дрожжах. Хорошо еще мать крылышки куриные притащит, и пупочки, сделаю макароны по-флотски. Господи, еще двадцать лет ведь платить... и как жить?

Печальные мысли были прерваны безжалостно и резко. Жуткий звук, режущее – громкий, странный до жути, взрвал тишину полусонной квартиры. Пустующие пространства комнат отразили его многократно и Геле показалось, что у нее лопнули перепонки, она зажала уши ладонями и посмотрела на потолок. Штукатурка вроде не сыпалась, она потихоньку убрала руки.

– Во, блин! Это еще что!

Все затихло, минут пять все было спокойно. Геля встала и, почему-то на цыпочках, прокралась к балкону, выглянула в окно. Внизу, народонаселение весело рыло ямы с таким энтузиазмом, вроде хотели прорыть туннель под домом. Ирка носилась со своим совком от машины, битком набитой

деревцами, до отца, который стоял в выкопанной яме уже по пояс.

– Баобаб, не иначе, решил посадить. Как раз, до нашего седьмого этажа достанет. Что там, на баобабе растет? Хорошо бы орехи.

Геля высунулась посильнее и хотела было помахать рукой, как жуткий звук раздался снова. Она присела, чуть не вывалившись, схватилась за перила.

– Не, ну охренали, что ли. Дом развалят сейчас. Хорошо, не ночью.

Она быстро натянула треники, майку и длинный свитер, выскочила из квартиры, и, перепрыгивая через ступеньку, рванул на восьмой, пробежала по коридору до квартиры, которая была прямо над ними, позвонила. За дверью кто-то катал по паркету, что-то, явно пластмассовое, возил – туда-сюда. Пахло пирогами и жареной картошкой.

– По коридору гоняют что-ли? Неужели от этого такой звук?

Она позвонила еще раз. Дверь открылась. За ней, близируко щурясь, вся розовая от плитки, в белоснежном нарядном халатике, стояла Верка. За ее спиной маленькая черноглазая девчущка лет четырех, выставив круглую попку, гнала по коридору здоровенный трактор с большими, пластмассовыми ребристыми колесами.

Геля с Веркой постояли, обалдело разглядывая друг друга. Наконец, Геля очухалась.

– Опа! Привет, подруга. Какими судьбами?

– Так мужу, от работы дали...

Верка никак не могла прийти в себя, девчушка подошла сзади, обняла мать за ногу.

– Оксанка моя. Почти четыре уж...

Из дальнего угла квартиры, по коридору, вытирая красивое лицо полотенцем шел высокий стройный парубок.

– Знакомься... Толик... мой муж...

– Ну... здрасьте...

Глава 21. Одуванчики

– Слушай, Ангелин! Вот скажи мне, что ты делаешь такого, чего я не делаю? Ведь все одинаково – программа, часы, тетрадки. А к тебе ломятся они, как сбесившиеся. Правду, что ли Зинаида на собрании сказала, что в твой класс 200 человек заявление подали?

Геля с Любой – хорошенькой нежной блондинкой, учительницей соседнего, первого Б, спрятавшись в кустах подросшей за четыре года сирени, болтали напропалую. Они сошлись как-то неожиданно для Гели, которая, в принципе не любила и не заводила подруг. Но с милой, незлобивой, простодушной Любочкой, она чувствовала себя, как с сестрой, спокойно и уютно. Да и муж Любы, меланхоличный, философски настроенный на все парень, ей очень нравился. Так, по-дружески, по-соседски где-то. Они часто собирались компанией у них дома и, вжбанив как следует, танцевали до упаду, в конец заездив немногие Гелины пластинки.

– А не знаю, Люб. Честно. Может чувствуют, что я их люблю. Дети на любовь отзывчивы, как зверушки, их не обманешь.

– Не! Дети – это я понимаю. Но у тебя родители все время гурьбой торчат. Тут на собрание не дозовешься, хоть тресни. А в твой класс они прям не влазят, по трое припираются. С дедами вместе.

– Так общее дело делаем с ними, Любаш. Человека лепим, как же иначе. Кто же вместо них? Вон вчера отказника взяла, гидроцефалия, памяти, говорят нет. Но я чувствую – болезнь болезнью, но голова нормальная, ерепенится он. Там ума палата, он злой просто, потому что унижают его жалостью своей дурацкой, всерьез не принимают. Я его на последнюю парту посадила, вместе с Генкой – поганцем, тем, кого выкинуть из школы хотели. Так парень сразу человеком себя почувствовал, доску глазами ест, даже руку начал тянуть. Верить в них надо. Я... верю.

– Ну дааааа, верю, верю, птичке и зверю, – Люба поправила бантик кокетливой туфли, выпрямилась, расправила яркий шелк платья на стройной талии. Сорвала кисточку еще нерасцветшей сирени, понюхала и спрятала в вырез платья.

– Ты, Гельк, спектакль готовишь, слышала – вместе с родителями. Они что, тоже играть будут?

– Ага... «Синюю птицу» ставим. Представляешь, у меня два папки -толстяка образовались, один другого толще. Так за роль хлеба чуть не подрались, жены во дворе разнимали. Я хохотала, ужас. Жребий тянули. Так тот, что проиграл, обиделся насмерть, он костюм уж сам сшил. Еле уговорила, теперь он постановщиком света будет. Настольных ламп ему натащили, даже прожектор приперли. Колдует там... свет цветной, очень красиво.

– К Первомаю?

– Да нуууу... Не-а. К Пасхе! Мы яиц навыдували целый

таз! Не ржи, дурочка, обычай же, знаешь какой это праздник! Я в деревне видела, это так... по-настоящему... Мне завтра деревце притащат, знаешь, на Яузе сады старые рубят сейчас. Нарядим его, хорошо получится. Я все придумала уже, приходи, посмотришь.

– Ты глупая, Ангелин. Вот делать мне нечего. До парткома дойдет, устроят нам пасху с тобой. А тебе интерната, видно, мало, сама ж рассказывала.

– А наср...! Я сценарий написала – «Праздники старины нашей». Зинаида утвердила, парторг тоже, не понял ни хрена. Так что все тип-топ. Мать кулич обещала испечь. А на Первомае без меня помаршируют, желающих вон, навалом.

Геля жадно затянулась, докурив почти до фильтра, помолчала.

– Детям настоящую историю знать надо, а не это... дер...

– Тсс. Молчи, дурила. Влетишь с тобой еще.

Люба швырнула окурок под куст, достала из кармана зеркальце, внимательно рассмотрела один глаз, потом другой. Толстая синяя линия, удлиняющая ее и так красивые глаза, была идеальной. Она улыбнулась зеркалу большим, ярко накрашенным ртом.

– А я, знаешь, чужих детей, как-то не очень. Я своих хочу... троих. Может мне уйти из школы, Гель, а? Меня в артистки зовут, там Олег, на киностудии мои фото показывал. Сказали – можно пробовать

Геля копнула мягкую землю щепкой пару раз, вырыв ям-

ку, носком туфли посталкивала окурки, притоптала посильнее, подумала, сгрэбла прошлогоднюю листву, сделала кучку на месте ямки.

– Пошли, артистка. Звонок скоро. Меня возьмешь? Этой – грандкоклет...

Хихикая, они влетели на этаж, кончалась физкультура и классы должны были вот-вот выпустить. Постояли, наслаждаясь тишиной.

– Слушай, Гель. Ты Ирку в свой класс возьмешь?

– Нет! Бери ты. Так честнее.

– Не. Я тоже буду к ней неровно дышать, она вон у тебя, кукленок какой. Пусть Раиса Пална берет, она хотела.

– Пусть. Раиса, тетка спокойная.

***

Геля проснулась от резкого звонка в дверь. Вернее, она не проснулась, а долго-долго выныривала из тягучего сладкого дурмана, похожего на вишнево-шоколадный кисель и никак не могла вынырнуть. Последнее время она странно чувствовала себя, появилась какая-то тяжесть в теле, сонливость. Правда, она гнала от себя сомнения, ведь поспать она любила и раньше.

– Вовка опять в аэропорту... какое воскресенье уж. Не работа –..опа. Еще закрытия эти под водяру... что-то менять надо...

Эти тягучие мысли навевали тоску, и Геля, стряхнула их, усилием воли заставив себя проснуться, натянула шелковый

халатик, противно зацепившийся за заскорузлый от вчерашнего мытья окон палец, и пошлепала в прихожую открывать.

– И какой баран так звонит? Рань, блин, Ирка спит, кой веки. Сейчас прибежит, запищит – «Я наспалась».

– Нуууу, сеструха, ты капиталистка. Тебя раскулачивать надо со всей пролетарской ненавистью. Ишь, трюма поразвела со шкапьями.

– Борька! Гад! Сто лет тебя не видела, паразита. А красивый, господи.

На пороге, в облаке резкого и незнакомого одеколona стоял Борька. Шикарный костюм после привычного кителя смотрелся на нем потрясающе, идеальные усы, прищур смешливых глаз. Красив он был, как бог.

– Примешь, что ли? На пару недель, учиться приехал. Повышать квалификацу. А, сестричка?

Он схватил Гелю в охапку, попробовал оторвать, но запыхался и выпустил.

– Ты справная стала, прям не охватишь. Вовка кормит на убой, что ли? До центнЕра?

Геля поискала глазами – чем бы запустить потяжелее, но в идеально вылизанной прихожей ничего подходящего не нашлось. Тогда она из всей силы ткнула брата кулаком в бок, и пока он шипел и ойкал, нашла тапки.

– Давай, залазь. Вот Вовке радость, теперь неделю не просохнете.

– А то!

Борька, вздернув рукава идеально белой рубашки, с видом доброго волшебника, щелкнул замками новенького пупырчатого портфеля и выудил три бутылки водки и огромную тарань.

– Рыба, бляха, все бумаги провоняла, завтра преподавателю вместе с ними пиво придется купить, а то зачет не сдам.

Борька расстегнул пиджак, сел на диван, поддернув брюки с такой стрелкой, что можно было обрезать об её остриё, развалился, откинувшись, прикрыл глаза.

– Кофейку бы. Небось нет, кура?

– Треснешь, чаем обойдешься. С сухариками.

– Ага. А колбаски, жада?

– Треснешь, говорю.

В дверь опять позвонили, но уже тихонько, два аккуратный звоночка с небольшим перерывом. Верка!

– У меня сегодня аншлаг, блин. Народ косяком идет.

Влетела Верка, румяная, пышная, в легких трениках и обтягивающей маечке, подчеркнувших все, что можно и что нельзя. Втолкнула сонную Оксанку, блеснула здоровенными золотыми сережками, улыбнулась белозубо.

– Я на часок, как всегда. Пару кружков вокруг леска сделаю и заберу её. А чо, Ирка спит?

И тут споткнулась, налетев на оценивавший Борькин взгляд, как лошадь на препятствие.

– Ой! – голос Верки сразу изменился, стал тягучим, она повернулась к лесу передом, выпятив немаленькую грудь, –

А кто это?

– Конь в пальто! Борька, не видишь? Приходите вечерком с Толиком, посидим. Я и Любу приглашу.

– А Толик в деревню уехал, картошку сажать, – Верка аж изогнулась, как береза под ураганом, принимая залпы из Борькиных нагловатых зрачков, – А я приду...

Она медленно, покачиваясь всем телом, пошла к дверям.

...

Геля проводила глазами резко изменившуюся фигуру с крутой грудью и поджатой донельзя попой.

– Кхм. Угу. Оксанку не забудь, смотри.

Захлопнув дверь, Геля внимательно посмотрела на брата.

– Ничо, козка, в теле, – Усмехнулся Борис, пряча ухмылку. Эту маслянистость хитрого прищура, нельзя было спутать ни с чем.

– Смотри Борь. Я тебе сама башку оторву, если что.

– Та лааадно...

...

Последние приготовления к завтрашнему празднику Геля заканчивала сама. Темная, гулкая, пустая школа – она обожала такие часы, когда в коридорах тускло светились редкие лампы, а стук каблучков отдавался в просторах рекреаций звонко и странно. Ей тогда казалось, что портреты со стен тоже начинали светиться неверным отраженным светом, и глаза писателей и поэтов оживали. Они явно следили за Гелей, переводя взгляд и от этого у нее по спине пробегали му-

рашки. Но было не страшно, а как-то чудесно, трепетно.

Володя ругал Гелю за такие «оставания», как говорила Ирка, но Геля все равно оставалась. Бросив последний взгляд на класс, внимательно оглядев кулич, который торжественно поставили на рушник, присланный с Борькой от бабы Пелагеи, гору крашенных луком яиц и веселую свору цыплят и зайчиков, сделанных из всего, что можно только себе представить, Геля присела. Она любовалась тонким вишневым деревцем, которое было нереально красивым. Деревце даже не рубили специально, его нашли в ворохе срубленных в старых садах веток, установили в большую старую керамическую вазу, совершенно преобразившуюся от блестящей масляной краски. Вишенку украсили яйцами, почти прозрачными, белоснежными, настоящими, из которых выдули желток-белок и разрисовали тоненько серебряной краской. А на самой вершинке завязали огромный белый бант. Геля хотела крест, но не знала, можно ли так, спросить было особо некого, и она не рискнула.

Вишенка была такой, что Геля даже всплакнула, неожиданно для себя, встала, потрогала ветки, поправила бант. И тихонько прикрыла дверь класса, уходя, почему-то стараясь не щёлкнуть замком.

***

– В нашей работе надо быть беспристрастным. Нельзя иметь любимчиков. Это дисквалификация.

Мастер Мер сегодня был в хорошем настроении, у его ок-

на расцвела долгожданная золотая роза. Она была действительно золотой, из настоящего золота, только раньше никто ему не верил, что этот металл может быть живым. Все обитатели страны Мер сбежались, каждый норовил потрогать теплые золотые лепестки. Мастер не успевал отгонять желающих и отталкивать руки, потому что, не вмешайся он, Золотую Розу замучали бы насмерть. Она и так вздрагивала, жалобно звенела и пахла так прекрасно – апельсином, мимозами и грушевым нектаром. И ему было так её жаль...

Когда наконец наступил вечер и золотые лепестки плотно сомкнулись, как спящие веки, он вызвал к себе помощника. Того самого, похожего одновременно на толстого молчаливого воробья и серьезного шмеля.

– Я видел кучу белых шаров – одуванчиков. Ты набил ими мой мешок и тащил к Краю. Зачем?

Мастеру не хотелось ругаться, у него в животе все время щекотало от радостного предчувствия завтрашнего золотого утра и встречи с Розой, но порядок, хочешь – не хочешь, надо соблюдать.

Воробей молчал, ковыряя пухлым пальцем ажурную скатерть.

– Я понимаю, ОН! – Мастер помолчал, оглянулся и даже пригнулся, испугавшись сам своего громкого голоса, – Он любит к себе любовь. Но ты уверен, что она это сделала ради любви к НЕМУ?

Шмель – воробей зажуужал и внутри у него потемнело.

– Любовь всегда заслуживает награды, – мрачно и серьезно басил он, – Любая любовь. Любая любовь к любому. На то она и любовь.

Он вытянул мешок прямо из воздуха, поплотнее уложил свои одуванчики.

– Я сам решаю за что одариваю. И сам за это отвечаю.

Мастер Мер показал воробью на дверь безупречно-царственным жестом. Подождал, пока стихнет ворчливое жужжание, погасил хрустальный месяц, висевший над столом, тихонько открыл окно. Там, на несколько взглядов вперед разлива лось золотое сияние. Втянув носом грушевый воздух чихнул и, фальшиво мыча под нос «Люби любую любовь», потрогал розу, стараясь не разбудить. Роза спала, тихо, как ребенок. Тогда Мастер, еле слышно кряхтя залез на подоконник и долго смотрел, как воробей трясет мешком над Краем, высыпая в звездное небо белые одуванчики.

Глава 22. Свекор

Пасхальное утро выдалось дождливым и холодным, хотя мать всегда уверяла Гелю, что не было года, когда в Светлое воскресенье не выглянуло бы солнышко. Промокнув до нитки и замерзнув, как жучка, стуча зубами, Геля пронеслась по лестнице и трясась, долго совала непослушный ключ в замок.

– Куда спешу, еще два часа есть. Сейчас чайку хряпну, сигаретку давану, пока никого. Мятные мои на месте?

Она порылась в сумке неловкими от холода руками в поисках конфетки, и с ужасом поняла, что забыла сигареты на столике в прихожей.

– Твою мать! – прошипела в сердцах и тут же, опомнившись, хлопнула себя ладошкой по губам.

– Бабы Пелагеи нет на меня, в святое-то воскресенье! Сейчас бы за косу! Правда и косы-то никакой нет. А Ирка, точно, найдет сигареты.

Геля вздохнула, наконец открыла дверь и ввалилась в класс. В сумраке чудилось что-то странное, непривычное. Она перевела дух, кинула сумку на стол и включила свет.

– Господи, воля твоя!

Она сама не знала, из каких глубин памяти всплыла эта фраза, но сейчас она была очень точной. Медленно, как заколдованная, Геля подошла ближе и потрясла головой, отго-

няя наваждение. За спиной скрипнула дверь.

– Ты что, сама это? А как? Из ткани какой? А клеила когда?

Люба, подслеповато щурясь после темноты коридора, тоже всматривалась в тот угол, где стояла вишенка. Геля схватила её за руку и подтащила к деревцу. И сразу, брызнув через начисто вымытое стекло, в класс ворвалось солнце, превратив тоненько деревце в белое облако. Потрогав лепестки, Люба с Гелей ошарашено посмотрели друг на друга и сели на один стул. Вишенка стояла вся в цвету...

***

– Знаешь, Вовк, я вроде люблю Москву, работу обожаю, да и жизнь эта, городская – совершенно для меня. А в деревню, каждый раз, как домой возвращаюсь. Сейчас вот закрою глаза, каждую травинку в палисаднике вижу. Почему?

– Да нормально. Я сам такой. Вернуться бы в деревню, да куда уж, город плотно держит.

Вовка одним глотком втянул полчашки веникового поездного чая, смачно закусив лимончиком.

– Знаешь, тебе у меня понравится, у нас очень здорово. Может и подумаем вместе, купим дом, там не дорого.

Геля не отвечала, она вдруг с удивлением заметила, каким нежным светом вспыхнули Володины глаза.

– Мать давно хотела познакомиться, да и отец. Они немного другие, не такие, как твои, но ты привыкнешь.

В это лето они решили отвезти Ирку, показать бабке с де-

дом туда, в родные Володины места. Геля оттягивала, как могла, но в сентябре дочка шла в школу, и дольше тянуть уже было странно и неприлично. Решив побыть там пару недель, она совершала почти подвиг, потому что судя по тому, что Володя тоже не спешил их везти, все было не так просто. Ладно бы старики... Сестры! Их Геля, не то, что боялась, сторичилась что ли, остерегалась, уходила. И сама не знала почему.

Дорога к Вовкиным родным не просто долгой – муторной. Перерыв между поездами в несколько часов, тесный, душный сидячий вагон, битком набитый чемоданами, сумками, полотняными рюкзаками, через выстиранную, псивую ткань которых проступали ржавые и жирные пятна, специфический запах поездного быта, все это почему-то не доставляло Геле в этот раз удовольствия, хотя раньше она обожала поезд. Да еще постоянное зудящее ощущение под ложечкой, не тошнота даже, легкое ее предчувствие, но разряжающее, не дающее покоя, угнетало. Правда, Геля уже не пугалась этого, она знала причину. Несмотря на тяготность поездки, Геля не отрывала глаз от окна. Там, за окном, в дрожащем мареве летнего дня, среди высоких, как свечи тополей, горбились белые холмы. Странная, нереальная картина завораживала, то ли луга, то ли степи, были так не похожи на ее привычные, родные просторы Карая. Здесь белесая пыль приглушала сочную зелень и было вокруг немного смутно.

– Меловые горы, – Володя тоже внимательно смотрел в

окно и лицо его смягчалось, в глазах прыгала мальчишеская чертовщинка, и Геля вдруг подумала, что он сейчас вытащит из кармана рогатку и залупит камушком в телегу, которая двигалась вровень с еле ползущим поездом, – Знаешь сколько здесь гадюк? Особенно в воде. Сейчас речка появится, смотри какая красивая.

Ирка залезла к отцу на руки и тоже смотрела в окно.

– А здоровая уже, кобылка, время летит, – подумала Геля, посмотрев на дочку и устроилась поудобнее, подперев подушкой ноющую спину.

Река и вправду была очень красивой, то петляла среди совершенно белых склонов, то ныряла в зеленые тоннели холмов, поросших цветами так плотно, что казалось, их затянули цветной тканью.

Время тянулось бесконечно. Хотелось то ли спать, то ли кричать, то ли бежать...

***

– Здравствуйте. Мы очень рады.

Наконец на Гелю с Ирккой обратили внимание. Они минут двадцать стояли в сторонке, глядя, как встречаются ее новые родственники. Такая нежность в отношениях в её семье была не принята, и она даже слегка позавидовала сейчас Вовке. Большой, только, только начинающий сесть, несмотря на годы, Вовкин отец маленькая, круглая, как шарик, мама, две статные, стройные девушки и красивый парень, все обнимали Володю наперебой, каждый пытался рассказать что-

то своё – именно сейчас, здесь, сразу. Вокруг их маленькой толпы стоял радостный гул, перемежаемый чмоканьем.

– Нам Володя много рассказывал о вас и вашей дочери, — прямо перед Гелей, беззастенчиво оглядывая её с ног до головы слегка прищуренными, темными до черноты глазами, стояла одна из девушек.

– Геля, будем знакомы, – неожиданно для себя сказала Геля странную фразу, и вдруг растерялась, даже смутилась, почему-то.

– Будем, будем. Куда ж мы денемся, – чуть скривив узкий, некрасивый рот, который сильно портил её миловидное личико, процедила девушка.

Подскочил Володя, подталкивая перед собой вторую девочку, и симпатичного, высокого парня.

– Гелюсь. Это Валентина, сестренка, она строгая, но добрая, – он кивнул на Гелину собеседницу, – это Наташа, вторая моя, сестричка. Самая лучшая на свете, – он подмигнул Валентине, – А это Витек, брат. Пошли, с отцом и мамой познакомлю.

Он подхватил Ирку на руки и потащил Гелю к лавке, где, чинно сложив руки на коленях сидели в ожидании старики.

***

В жаркой до измора комнате с не белеными, как у бабы Пелагеи, а оклеенными темными дешевыми обоями стенами, было так душно, что у Гели слегка кружилась голова. Она сидела в самом начале длинного стола, между Вовкой и

Наташей, недалеко от стариков. Застолье длилось вечность, Геле страшно хотелось спать, она и не пила совсем, по известной и радостной причине, и все вокруг ей казались очень пьяными и призрачными, как тени.

– Геля, ты не бери близко к сердцу. Они хорошие, старики, просто им хотелось, чтоб жена Вовы была отсюда, нашенская, они сами присмотрели ему, там на соседской улице, Таньку. Слегка подпившая Наташа, тесно прижавшись к Геле маленькой твердой грудкой, быстро нашептывала на ухо успокаивающие слова. Ее большущие глазищи, тоже темные, как у них, у всех, влажные, с длинными ресницами, были совсем близко. и мерцали загадочно.

– Она, Танька, простая, глупенькая, дояркой в колхозе работает, но добрая, работающая. Красивенькая, да и девка ещё. А тут вдруг написали, что сынок взял учительницу, с ребенком от цыгана.

– Господи, почему от цыгана, Наташ. Что за ерунда? У меня муж был, он сейчас чин какой-то в Саратове. Кто написал-то?

– Да не знаю я, а ходят слухи.

Наташа ловко зацепила из глиняной миски сразу два скользких грибка и точным движением забросила их в рот. Быстро, как хомяк, пожевала пухлыми, яркими губами, сплюнула хвоинку

– Валя очень против была, мама плакала, отец сказал – ша, не бывать тому. Но Вовка сам все решил. Они и злятся.

Наташа помолчала, повертела вилку, ткнула в колбасу, привезенную из Москвы, подумала, ткнула еще пару раз, от чего на вилке образовалась колбасная стопка. Свалила стопку на свою тарелку.

– Завтра еще Нинка приедет из города, та совсем зверь, парторг-профорг-комсорг, кто там еще, не знаю. Баба Яга в тылу врага. Так что держитесь, девки. А мне ты очень нравишься, правда. Я тебя защищать буду от них. Всегда.

***

...Толстая перина обнимала их навязчиво и жарко, Геле казалось, что она сейчас расплавится в этой пухлой массе. Вовка сопел и даже прихрапывал, слишком большая доза, которую он принял, соревнуясь с отцом и братом, подкосила его разом. Уснуть она не могла, и еле выкарабкавшись из толщи жуткой кровати, на цыпочках вышла во двор.

– Господи, здесь даже воздух другой, пахнет чем-то так, мелом что-ли? Или цветок какой?

Сзади слышался топоток маленьких ножек и голые Гелины плечи окутала мягкая ткань.

– Ты, деточка, не тяжёлая ли? Кушаешь плохо, грустная. Иль не понравилось у нас?

– Да нет, все хорошо, мам, Геля с трудом выдавила из себя это «мам», никогда не понимала обычая называть так, чужого, по существу, человека,

– Просто голова что-то.

– Ты на девок -то не смотри, глупые они. Сами замуж ни-

как, вот и выпендриваются. Я им завтра накажу, что бы поласковее были, ишь вертихвостки. А ты Вовы держись, девочка, он верный. И всю жизнь рядом будет, вон как отец его.

Она уже дошла до крыльца, вдруг остановилась, шариком прокатилась назад, дотронулась легкой, маленькой, холодной ручкой до Гелиного живота.

– Обманываешь, тяжелая ты. Я по лицу вижу, да и животик уж угадывается, хоть ты и толстененькая. А на отца не обижайся, суров он, да. Да и Танька ему нравилась, дочка друга его, с войны еще дружат. Он привыкнет, торопить не надо только. Да и я скажу.

Она улыбнулась черными глазками-пуговичками, поплотнее закутала Галю в платок и укатилась так же легко, почти не слышно прикрыв за собой тяжелую, корявую дверь.

***

– Ну да.., такой я тебя и представляла, пышной, красивой, гордой. У Вовки, хоть он и деревня, а вкус есть.

Нина, приехавшая с пятичасовым поездом, в такую рань, что белые горы еще дымились туманом, и солнце еле проглядывало через его дымную завесу, оказалась молодой женщиной с правильными, очень красивыми чертами лица, резкими, порывистыми движениями, и постоянной, насмешливой, слегка надменной улыбкой. Она вихрем влетела в дом, бросила маленький чемоданчик у порога, сдернула красное, изящное пальто и белую шикарную шляпку и быстро поклевав-поцеловав каждого, подскочила к Геле.

– Небось наговорили тут на меня, знаю их, болтушек. Где девчонка ваша, я ей конфет мешок привезла, там, в сенях

Она порыскала быстрыми, такими же темно-карими, как у сестер глазами, выхватила взглядом притихшую Ирку.

– А ну, иди сюда, рыбка. Да красивая какая. Иди скорей, зайчик, не бойся.

И щебеча что-то ласковое, она усадила Ирку рядом с собой, шептала что-то ей на ушко, разворачивая очередную конфету.

За завтраком Геле было уже намного легче. Но вот отец по-прежнему молчал, изредка кидая сумрачный взгляд в её сторону. И когда Геля подала ему хлеб, увидев, что тот ищет его глазами, сделал вид, что не заметил протянутой плетенки и отвернулся.

Глава 23. Родные

– Ты, деточка, об стол шмякай посильней. Тесто, оно вымес любит, ручки у тебя сильные, не ленись.

Свекровь, покатавшись колобком по дому, проверив – все ли в порядке в хозяйстве, исчезла без предупреждения, и уже через секунду её ласковый голосок зазвенел во дворе. Геля с Ниной, в мыле от дикой жары и чада маленькой кухни, в которой почему-то никогда не открывались крошечные, засиженные мухами окна, третий час лепили пирожки, но тесто не кончалось.

– Слушай, Нин, сколько она его поставила, теста этого поганого? Ведра четыре, что ли?

Сдувая все время падающую на глаза тяжелую, влажную прядь и дергая плечом, поправляя сползающую лямку хлопчатой рубахи, заботливо выданной свекровью, Геля с силой лупила круглым шматом пышного теста об надраенную до белизны столешницу хлипкого стола. Нина с остервенением раскатывала очередной пласт. От порывистых движений двух крепких девах притихли даже вечно снующие мухи и слышалось только иногда неуверенное «жжжж» над вспотевшим ухом.

– Не меньше. Она на всю ораву печет всегда. Тут оглоедов желающих с пол улицы. Ты, кстати, Гельк, на кругленькие, с грибами, налегай. Она для них грибы сама берет, особенные

какие-то. В лес одна ходит, рецепт никому не дает.

Нина смахнула муку с тонкой, изящной руки, вытерла лоб тыльной стороной ладони. Вытянувшись всем стройными телом, попыталась достать кружку с верхней полки, но не удержалась и плюхнулась на табуретку.

– Фу, замордует ведь, ей волю только дай! Гель воды налей, а. Будь ласка. Там поближе к тебе ведро

Она взяла кружку и жадно пила, проливая воду. Вода стекала в ложбинку красивой груди и кожа на точёной, смуглой шее слегка лоснилась.

– Красивая ты, Нин. На редкость красивая. А что – замуж —не хочешь?

– А, Гель... Что она, красота-то? Куда её? Я с утра до вечера бегаю, как савраска в шляпе.

Она помолчала, темные, влажные глаза погрузнели,

– А замуж? Хочу. Он только не хочет знать про мою хотелку. А за другого – я не хочу. А так, чо... только свистни.

– Вот не поверю...

Геля не договорила, потому что Нина вдруг вскочила и, развернувшись к окну, снова начала катать тесто, скалка быстро мелькала в ее руках, чуть отсвечивая белым, надранным деревом. Потом повернулась, шмыгнула покрасневшим носом.

– Сейчас с пирогами закончим, и бежим отсель. Мамка с котлетами точно навяжется, это тоже – тот еще геморрой. Ничего, там две коровы на дворе скучают, вот пусть жопы

разомнут. А то... двор они метут... Два часа уж, – она шуранула с грохотом противень в печку, – Что, отец? Молчит?

– Молчит... Ирку только признал, вчера кошку ей принес соседскую, котенка. Играли.

– Ничо. Все образуется.

Нина шмякнула новый шмат теста об стол и звонко захлопала по нему ладошками.

***

– Ир, где папа?

Еле разогнув немую от многочасового стояния у стола спину, Геля выползла во двор. Чисто выметенный, по периметру обсаженный красивыми, кудрявыми кустиками, и здоровенными, как подсолнухи бархотками, двор выглядел очень нарядно, особенно в сравнении с темным мрачным домом. Ирка терзала маленького пятнистого котенка, пытаясь надеть на него куклин фартук.

– Папа чистить поросю пошел, – пропела она, но тут кот вывернулся, и сверкая белыми пятками, победно задрал хвост-морковку, улепетнул за угол сарая.

– Кого чистить?

Геля ошалело посмотрела вслед дочери, которая вприпрыжку неслась за сбежавшим котенком, гикая и размахивая фартуком.

– Сумасшедший дом. Какую ещё поросю?

Она растерянно обогнула сарай и нос к носу столкнулась с Витькой и отцом. Грязные до некуда и злые, как черти они

быстро шли к дому, и крыли так, что даже у Гели, привыкшей к мату, зазвенело в ушах.

– ... этого борова... его в коромысло! Витьк, пи... быстро к соседям, помощь зови. Кликни Коляна. Да и Мишку волоки. Бегом!

Лицо у Вовкиного отца таким красным, казалось, что его вот-вот хватит удар.

– Случилось что? – сердце у Гели ёкнуло и покатилося вниз, а в животе стало холодно и пусто.

– Иди в дом, что раскорячилась? Володьку там, в сарае боров зажал. Не лезь – в дом иди, сказал. Сейчас соседи прибегут, там Колян, сам как боров, он вытащит. И девку свою поймай, боров сбесился может, мало ли чего. Давай, пошла!

Он развернулся и пошел обратно, но Геля, практически не соображая, что делает рванула вперед, и, обогнав старика, вылетела прямо к дверям сарая. Оттуда, шатаясь, белый как смерть, вышел Володя, грязный, в рваном ватнике, из которого торчали клочья ржавой от нечистот ваты. Он двигался, как в замедленном кино, и, вздохнув с облегчением, Геля прижалась спиной к хлипкой стене сараюшки. И тут выскочил боров. Слепленный ярким дневным светом, он крутил башкой, оглядываясь, огромное туловище лоснилось, кожа подрагивала от возбуждения. Геля, ошалев от страха, прижалась к доскам и шарила зачем-то вокруг себя. Боров двинулся к Володе, тот стоял спиной и медленно приходил в себя. И, нащупав гладкую деревянную ручку, вдруг чётко и ясно

поняв, что надо делать, Геля рванулась наперерез и с силой воткнула вилы в толстую, противную кожу, куда-то между ухом и мощной, грязной шеей. Боров завизжал тонко и пронзительно, кто-то резко толкнул Гелю в спину и, отлетев метров на пять, она попала точно в раскрытые объятия свекра.

***

– Девочка, приезжай, не забывай стариков. Эти фуфели разбегутся по мужьям, так только и надежда на тебя, и вот Витек женится, сноху приведет.

Свекор тихонько поглаживал Гелину руку, и всматривался в ее лицо, неуверенно и ласково. Свекровь стояла сзади, и вытирала краем платка глаза.

– Ирочку, Ирочку хоть разок на лето к нам. Что уж вы, все туда, всё туда, – она быстро перекрестила их, потом обняла Вовку крепко, приникла, и казалось, что это он, большой и добрый папа маленькой, потерявшейся девчонки, которая плачет и не хочет его отпускать. Нина с Валеё стояли поодаль, видно было, что им тоже грустно. Витька держал здоровенную корзину с банками.

– Мам! – Геля погладила свекровь, как маленькую, по голове, – Ну куда банок столько? Мы же в деревню опять, там своих...

– Ничо, ничо, Все поедите. Тебе надо кушать сейчас. Ой, —она вдруг заголосила тоненьким голосом, совсем как в старых фильмах, запричитала, – Ой, сыночка, деточка, да не уезжай же...

Поезд тихонько стучал, усыпляя. Геля не спала, думала. И казалось – всё было не с ней...

***

...Да ты же, Аллюсенька, не журысь. Пройдэ...

Баба Пелагея – большая, полная, в темном длинном платье в мелкий цветочек и повязанной назад тонкой косынке, туго обтягивающей высокий узел пышных волос, ловко и плавно двигалась от плиты к высокой дубовой тумбе, накрытой покоробленной от времени клеенкой. Огромная чугунная сковорода шквырчала, поглощая в свое черное нутро тоненькую струйку теста, которую бабка лила из алюминиевого половника.

– Как она одновременно умудряется поворачивать это чудище и лить? – лениво думала Геля, по девчачьи пристроившись между сундуком и тумбой, на своей крошечной, детской табуреточке, – Я б не в жизни...

Здесь, на этой кухне, плывя в ароматах бабкиных блинов, сена, и еще чего-то необъяснимо родного, она всегда чувствовала себя ребенком, даже мысли становились легкими, детскими, воздушными и смешными.

– Оно, кажись и не болит, а тако... тянит. Надысь огурца Танька принэсла с банки, я и зыла. Так вот оно болело. А так, ни, ни болит. Ни думай.

– Баб, надо к доктору. Это у тебя желудок, гастрит. Язва твоя. Лечить надо. Что ты тянешь?

– Так к бису того дохтура. Я ходила, а он, скаженный, ка-

зал – сало ни йишь. Кашу, тильки можно. Сам нехай свою кашу ист. Ишь, нелюдь.

Пелагея в сердцах шваркнула половником об стол и быстро-быстро, маленьким веничком из перьев помесила в жестяной миске с маслом, повозила перьями по сковородке.

– Блинка, чего ж, тоже ни исты? Ишь. Выдумали. Ты вон воды понавэзла, так и полечусь. Как вона – боржома.

Геля с Вовкой, задействовав все свои каналы, действительно достали два ящика Боржоми, и припёрли здоровенный чемодан, битком набитый бутылками.

– Пройдэ, – Бабка ловко отделила от высоченной румяной стопки самый верхний, горячий, кружевной блин, сложила его домиком и плюхнула кусок желтого зернистого масла, – На, зыишь. И ни слухай их. Дохтура...

***

Карай в июле становился особенно красивым. Прибрежные ивы низко опускали в него гибкие ветки, образуя закрытые шалашики между берегом и водой, начинала наливать и спеть черемуха, которой было видимо-невидимо вдоль реки, а кое-где, на отмелях, буйствовали лилии. Таких, огромных, белоснежных лилий, Геля не видела больше нигде, и чистая струящаяся вода обегала их, образуя маленькие водоворотики. Геля, Ирка и Иркин друг – Гришка с удочками направлялись на рыбалку. Они еле вырвались от Натальи, старшей Гришкиной сестры, высокой, красивой, но совершенно безумной девушки. «Зачитала голову», – говорили про

нее соседи. Наталья и вправду, одна из лучших учениц деревенской школы, победительница всяких конкурсов и райцентре, и даже в Саратове, тогда читала запоем, все подряд, без разбора. Умница, развитая не по годам, она имела на все свое суждение, и редко ошибалась. Но вот, в одно пасмурное майское утро, вдруг перестала разговаривать, и, выйдя к завтраку, взяла молоток и быстрыми, резкими движениями расколотила всю посуду. Потом, сбросив платье, начала завывать в дикой тоске так, что кровь стыла в жилах. С тех пор в дом пришла беда. Гришка очень страдал, он боялся сестру, а защиты у него особо не было, потому что мать, тихая и до случившегося, совсем сникла, потерялась, а отец давно исчез, выбрав долю полегче. Геля старалась как можно чаще брать мальчишку с собой, вовлекать его во все их затеи, даже оставляла ночевать, застилала ему кроватку в маленькой пустующей кладовке, давно оборудованной под комнату. Долгие вечерние разговоры, уговоры, объяснения немного помогали, и мальчик постепенно начинал по-другому относиться к сестре, жалеть её и очень помогать матери.

***

Почти бегом, еле успевая за ребятами, Геля слетела вниз по склону к реке. У них было свое местечко, маленький кусочек берега, который неожиданным выступом уходил далеко в воду и со всех сторон был скрыт нависающими ветками ив.

– Тут так клювает, тетя Аль, прям ужас, как клювает. Я

так и то'щу, так и то'щу, еле успеваю в ведро скласть.

Гришка торопливо рассказывал, и, надувая от старания худые щеки, напяливал червяка на крючок. Геля с отвращением смотрела на бедное извивающееся создание и вздрогнула, когда Гришка вдруг поднес его ко рту и смачно плюнул.

– На, Ирк, держи-тко. Я тебе закину. Сидай.

Он дал Ирке удочку, терпеливо усадил ее на картонку, заботливо прихваченную с собой и даже расправил сарафан, аккуратно распределив подол на травке.

– Теть Аль. Ловить будешь?

– Ну давай, а что, так сидеть? Ты мне тоже эту гадость насадишь?

– Дык червяшка, чого ж гадость? – Он плюнул на Гелиного червяка, и Геле показалось, что червяк дернулся и даже вытерся хвостом, – На. Сидай, лови.

Геля разместилась на удобном корне старой ивы, кое-как забросила крючок, и прикрыла глаза. Тишина, нежное журчание воды, и то теплое ощущение в сердце, доставляло ей ни с чем не сравнимое удовольствие и покой. Ребята сзади таскали каких-то малюсеньких рыбок и с радостным щебетаньем складывали их в ведро. У Гели хоть бы раз клюнуло. Поплавок торчал как замороженный и она задремала. Выдернул её из блаженной дремоты Иркин визг.

– Мам! Клюёт!

Геля с ужасом открыла глаза и вцепилась в удочку, которая пружинисто выгнулась и рвалась из рук настойчиво и

сильно.

– Подсекай! Тяни! Аааа, – орали ребята, и Геля, запаниковав, вскочила, деранув платье об острый сук так, что его прорвало чуть не до пояса, ломанулась назад, и с силой, вроде, как только этим и занималась всю жизнь, дернула удочку на себя. Что-то тяжелое пронеслось над головой и шмякнулось сзади в траву,

– Рыба, рыба, – верещала Ирка. – Рыба, рыба, рыба.

Геля бросила удочку, и со всех ног рванула к небольшому песчаному холмику, на который плюхнулась добыча. Гришка рванул тоже, но Геля, вдруг почувствовав дикий азарт, с криком «Моя», опередила всех соперников, но споткнулась и упала прямо на рыбу животом. Довольно крупная, блестящая рыбина, выскользнула и трепеща хвостом, попыталась упрыгать в сторону.

Геля, схватив ее за хвост, быстро закопала в песок, села и победно посмотрела на детей.

Ребята хохотали...

Глава 24. Лина и Борис

Базар шумел, по воскресеньям здесь было так ярко и празднично, что хотелось ходить по нему часами, толкаясь среди нарядных сельчан, а внутри подрагивала радостная, детская жилка. Дед Иван ходил от ряда к ряду, серьезный, торжественный и неторопливо щупал арбузы, поворачивая, постукивая, сжимая, прислушиваясь к его нутру серьезно, прижмунив глаза. Ирка скакала рядом, крепко вцепившись в дедову рубаху, которую он носил по-старинному – навывпуск, под пояс. Она совала нос везде, но за деда держалась крепко, боясь потеряться, что было немудрено в такой толчее. Тем более, при хорошем поведении, ей были обещаны карусели, а карусели на базаре, дело было совершенно отдельное. В карусель грузилась все желающая детвора, а потом трое-четверо самых крепких пап, залезали под ее платформу, и, упираясь крепкими плечами в перекрестия бревен, начинали раскручивать. Счастливый визг перемежался с крепкими словечками, ржущих как кони пап, и радостней этого катания ничего больше не было.

– Надо же, – думала Геля, примеряя очередную шаль, которых в этот раз повезли из Балашова особенно много, и крутятся перед мутным, облупленным зеркалом. Зеркало держала, нетерпеливо подпрыгивая, смешная девчонка с мышиным хвостиком, вместо косички, – Надо же... Столько

магазинов в селе, а все тут. И все, что хочешь найти можно.

Она сунула шаль в сумку, и даже не глядя, как Вовка расплачивается, метнулась к соседнему ряду, где продавали огромный латунный таз. Денег на него уже не было, и Геля аж прикусила язык от досады. Вот ведь! А как бы он смотрелся на её стенке, в кухне. Ведь шик! Ну, блин!

– Мам, мам, смотри, там лошадь!

Ирка очередной раз отпустила спасительную рубаху, и бегом ринулась к яркой группке людей, столпившихся во-круг чёрного изящного жеребца, с тонкой, сухой, породистой мордой. Там, среди толпы выделялась изящная фигурка черноволосой женщины, одетой странно, как-то между... Вроде и обычно, в тканевых брюках, похожих на индийские шаровары, широкой шелковой блузе, и яркой косынке, завязанной красивым узлом на высоко поднятой копне черных волос. Она отличалась от сельчанок одновременно и экзотичностью, и городским шиком.

– Ух ты! – Геля сразу узнала Раису, – Постоянно сталкиваемся. Даже странно.

Раиса копошилась в большом полотняном мешке, а за её штанину, как за юбку держался полненький мальчик. Он держал конфету на палочке и смачно ее облизывал. Рядом с ним стоял еще один – стройный, худенький даже, с длинными волнистыми черными волосами. Он встал на цыпочки и пытался дотянуться до гривы коня, собираясь чесать ее большим деревянным гребнем.

– Вовка! Ура! – взвизгнула Ирка и бросилась к смуглому толстячку. На крик обернулся и худенький мальчик. Наверное, даже если бы хлыстом врезали Геле по лицу и то, она бы вздрогнула не так. Все эти годы вдруг схлынули, как вода весной, и у Гели внутри появилось то, давно забытое ощущение детского смущения и радости, кровь прихлынула к щекам. На какую -то долю секунды она оказалась там, где ей было так легко и спокойно... Но больно екнуло сердце, отдаваясь, внутри нее, и, быстро положив руки на живот, оберегая, Геля, прищуриваясь всмотрелась. Там, в кругу цыган, подталкивая друг друга, хихикая, подпрыгивая, как две птички, баловались – она, Алюська, только темно-рыженькая, как будто ее подкрасили хной и толстый смешной цыганчонок. А рядом, слегка усмехаясь затаенной улыбкой и забытым движением отбрасывая назад темные кудри стоял... Лачо. Геля потрясла головой, отогнав наваждение.

– Что глядишь? Похож на отца-то? Все говорят -одно лицо.

– Рай! Ты как здесь? А муж?

– А, золотая. Не может цыганка в клетке, удушила жизнь такая почти. Это не надень, так не скажи, этого не ешь. Не, не могу! И город тянет, томит, прямо за горло держит. Больница эта...боль... смерть. Нет! Мне вот здесь вольготно, в степи. Тут мой дом. Останусь уж, наверное, совсем, судьба велит.

Она поправила Вовке воротничок шелковой рубахи, при-

гладила ткань на пузе.

– Да и дети здесь, что, на мать их всех? Сноха вон не особо за чужими, русская, что взять с нее. А мать еле ходит. Попрёт, похоже скоро, туда смотрит...

– Тьфу на тебя, Райк. Болтаешь.

– Что прятаться от правды. Прячься, не прячься... Ладно.

Она помолчала, грустно и долго посмотрела Геле в глаза.

– А ты? Что дом наш обходишь? Плохое думаешь? Иль чужая стала? Вон вижу, радость у тебя, в тебе она, светлая. Ждешь.

Райка бросила взгляд на Гелин живот, но быстро отвела глаза, как-то странно, как птица.

– Я зайду, – Геля улыбнулась, – Погадаешь? Скажешь кто там, и какой он?

Рая глянула прозрачным взглядом, мимо -в сторону, вроде не поняла.

– Зайди, поболтаем. Ирку веди, вон они с Вовкой, как дружат. Она вон у тебя какая – на деревце стройное похожа и на тебя. Да и Тамаш.. будет рад... Вон он, как на нее глядит, – она тоже улыбнулась в ответ, – А гадать нет. Не буду, уж не взыщи. Разучилась.

***

Огромный арбуз, размером ровно с полубочки, воодрузили на дворе на столе, еле запихнув его в таз для варенья. Прибежали Галя с дочуркой —маленькой Ленкой, круглой и толстенький, как пушистый шарик, в расшитом одуванчи-

ками сарафане. Сарафанчик был чуть маловат, и на пухлой белой грудке шубутной девчонки перекашивался, открывая то одну, то другую розовенькую сисюку. Ленка быстро прилепилась к Ирке и хвостом бегала за ней, не отставая ни на шаг. Тетка Таня прибежала последняя, как всегда натащила целую корзину пирогов, и, хитро посверкивая глазами-вишнями, выудила большую темную бутыль.

– Вино. Сама вот наделала, вишенное. Сладкое, как варенье. Девки, стаканы несите, не одним им, архаровцам, бабкин самогон хлестать.

Она взгромоздила бутыль рядом с арбузом, разложила пироги, отошла, цокнула языком, любясь.

– Красота. Мам! – крикнула она в сторону кухни, где сустилась Пелагея и через минуту она уже вылетала из кухни с котелком дымящейся картошки, а сзади семенял дед с таким ножом, что им можно было перерубить арбуз пополам – одним махом, без усилий, – Мам! Сливки тащи.

– Теть Тань. А Лина – что не идет? Все собрались же. Вечно она позже всех, – Геля и не то чтоб очень хотела видеть невестку, но так... для приличия спросила.

– А! Кукла эта? Все перед зеркалом крутится. Пузо уж до подбородка, а туда же. Красота наша неписаная.

Тетка пренебрежительно говорила о снохе, и Геля всмотрелась в нее повнимательнее.

– Пузо? А Борька знает?

– Да что ж. Знает. Он вон, как кроль, про десяток таких

знает. А Линка злится. Тьфу, паразит, усатый, не пишет ей уж месяц. Она перебеленилась совсем, посуду колотит. Вроде я виноватая.

Тетка с грохотом шарахала тарелками по столу, потом поймала Ленку, пригладила ей косицы, запихнула сиськи под сарафанчик и вытерла нос. Отпустила, хлопнув по толстой попке.

– Какие -то вы суматошные со своими любовями, Заняты мало, видно. Делать нечего, в городах ваших, на готовом всем. Вот и дурите.

Наконец явилась Лина, она действительно была – ну очень беременна. Огромный живот под шелковым ярко-голубым платьем в ромашку, казался необъятным. И высоко взбитая белокурая хала на голове, ярко – розовые, перламутровые губы и крупные клипсы – шары, делали ее похожей на нарядный танк. Веселая суматоха продолжалась бы и дальше, пришли мужики – Толя, Иван и Галин Володя, все что-то кричали, стараясь переорать друг друга, носились дети. Но тут деду надоело, он встал и бабахнул по столу половником.

– Цыть оглашенные. Давайте- ка к столу, сидайте. Мать заждалась зовсим.

Легкий ветерок, вернее его предвкушение в начинающемся вечере принес аромат флоксов и мыльников, истомленных жарой. Все здорово поддали, петь уже устали и сидели грустно, утомленно. Тут дед, наконец, подвинул к себе арбуз. Точным, ловким движением он вонзил нож в толстую поло-

сатую корку. Арбуз хрипло крикнул, развалился пополам, и плотный, ярко-алый, зернистый волчок сверкнул в заходящих лучах бриллиантовым, сахарным блеском.

***

Ходить на реку Геля любила ранним утром, она всегда старалась полоскать белье именно в это время. Тихонько, пока все спали, она выбиралась со двора и пробежав через залиты нежным солнышком огорода, спускалась к мосткам. Что-то колдовское было в этом нежном свете, в запахе только что вынырнувших после ночного сна кувшинок, в тихом криканье полусонных уток, которым еще было лень высматривать еду, и они дремали, засунув крашенные разноцветными красками головки, под крылья. Тихое солнце еще не жгло, а гладило открытые плечи. Геля долго сидела на мостках под черемухой, болтая ногами в по-утреннему прохладной воде. Потом встала, распрямилась, собираясь полоскать, но сзади кто-то начал спускаться по лестнице, и она закричала от тяжести большого тела. Геля обернулась.

У Лины, стоящей сзади, было жуткое лицо, бледное до синевы, вчерашняя помада, которую она не стерла, размазалась, волосы рваными космами распустились по плечам. В руке она держала письмо.

– Ты? Это ты, дрянь, их свела? Сводня, гадина. Зачем ты их познакомила?

Лина кричала тонким птичьим голосом и совала Геле в лицо мятый лист.

– Это он тут, в письме этом поганом, братику своему любимому похождения описывает. С этой – твоей профурой, шалавой интернатской, Веркой. А ты знала, гадюка. Знала! И мать знала, проклятая. И твоя знала, тетка Анна эта, мороженная. Ненавижу вас!

Геля обалдело вздрагивала на особо высоких нотах и пыталась поймать руку с письмом. Но Лина тыкала резко, вставив пальцы, как будто старалась попасть в глаза. Слезы смешивались с нестертой тушью и розовой помадой, превращая ее лицо в дикую разноцветную маску. Вдруг она развернулась и бросилась к лестнице, но, под ее большим телом подломилась нижняя хлипкая ступенька и, она медленно, как в замедленном кино, свалилась с мостков в воду. Геля с ужасом смотрела, как медузой распускаются по воде светлые волосы, и вспомнив, что Линка не умеет плавать, бросилась в воду.

***

– Наконец успокоилась. Вишь ты, что делается. Я этому засранцу сама яйца поотрываю, вот только явится, поганец.

Тетка Таня была зла, как фурия, и, подтыкая одеяло под спящую мертвым сном сноху, аж шипела змеей.

– И тебе бы врезать, ты куда смотрела? Знаешь же, что Борьку хлебом не корми, ...ь ему эту подсунула.

– Теть Тань...

– Молчи уже. Небось делилась с тобой секретами своими про... ими. А ты потакала.

– Теть Тань! Мне в голову не приходило!

– Ладно. Давай – иди уже, сама переоденься, вон с лица спала. Обойдется. Сам приползет прощения просить. Котяра драный. Подзаборник.

Во дворе Гелю догнала Галя, молча забрала таз с бельем.

– Гель, все образуется. Ты что – ревешь?

– Галь, мне стыдно, это ужас. Вовке не говори, ладно?

Геля остановилась, чувствуя, как слезы уже почти душат её, отвернулась к сирени. Ей вспомнилось, как она всегда пряталась в этом огромном, старом, пыльном кусте, когда ей было плохо, и, сидя на изогнутом стволе, пересиживала беду, зализывала раны.

– Прямо хоть сейчас туда, забиться и не вылезать дня два, – она даже улыбнулась сквозь слезы своим мыслям, и в этот момент жуткая боль скрутила ее в узел.

Эпилог

Разноцветные шары кружились в облаке пыльного света, танцуя под чудную музыку, которую раньше Геля никогда не слышала. Их тона – розовые, голубые, бежевые, салатный были нежными, почти стёртыми и еле угадывались. Глаза ей открывать совсем не хотелось, в теле расплывались теплые волны покоя и неги, и Геля жмурилась в потоках тихого света. Через полуприкрытые веки, через пушистые ресницы она видела тени странных созданий, то ли из сказок, то ли из снов. Большие и белые, с пушистыми крыльями, похожие сразу и на ангелов и на белых сов из Иркиной книжки, маленькие, взъерошенные и смешные с хохолками-кепками над курносими носами и длинные, как жерди, серые, злые – все сновали туда-сюда, в точно выверенном ритме и растворялись в густом облаке полупрозрачных шаров. А на высокой сверкающей тумбе, похожей на резную хрустальную вазу, которую Геле недавно подарили от родительского комитета, стоял сутулый красивый старик в мохнатой телогрейке. Он, с видом дирижера духового оркестра размахивал тоненькими прямыми веточками, на каждой из которых гордо сияла золотая роза.

Геля, наконец открыла глаза и села. Аккуратно, со страхом пошевелилась, ожидая очередного удара в живот тем ножом, который до того резал ее долго и безжалостно, но бо-

ли не было. Она посмотрела на свои руки, без удивления подумав, что они стали очень белыми и нежными, потом встала. Длинная хламида из тонкого невесомого полотна укутывала ее полностью, но идти не мешала, и она тихонько пошла, боясь поскользнуться на скользком стеклянном полу. Никто не обращал на нее внимания, и только старик, на секунду прекратил свое занятие и искоса глянул в ее сторону, недовольно сморщившись. Геля шла по комнате медленно, и видела, как трансформируется вокруг нее пространство, то сжимаясь, то расширяясь. Светлые стены то вдруг становились невидимыми и становилось видно цветущий сад с деревьями, увешанными оранжевым плодами, то мутнели, сгущались, серели и комната становилась узкой, тесной, душной. А впереди она видела что-то похожее на обрыв. Даже не на обрыв, это выглядело так, вроде стеклянный пол обрубили чем-то грубым, неровно, а потом аккуратно отполировали острые края.

Кто-то тронул ее за руку.

– Ты чего тут? Кто звал? Сама?

Маленький человечек, похожий на большого взъерошенного воробья стоял рядом, и снизу, как собачонка, смотрел на неё круглыми голубыми глазами. Шелковый камзол топорщился по бокам, видно он напихал что-то в карманы, кепка, расшитая незабудками, сползала на длинный нос-клюв.

– Без спросу нельзя. Тут по приглашениям., – он поче-

сал ручкой затылок, еще больше сдвинув кепку, – или ты по Любви? Любишь Его?

Геля молчала, она чувствовала любовь, но не понимала, о чем толкует воробей.

– Не. Еще рано.

Воробей порылся в набитых карманах.

– Шарик хошь?

Он протянул Геле маленький пушистый шарик, который на глазах раздулся раз в пять, превратившись в белое облако. Воробей свернул его, как махровое полотенце и сунул Геле под мышку,

– И давай уже, дуй отсель. Пошли что покажу.

Воробей подвел Гелю к Краю, свесил вниз нос и показал что-то пальцем:

– Гляди...

И когда Геля наклонилась, он с силой толкнул ее в спину...

***

– Почему у него такие красные глаза? Песок что ли попал... Говорила тыщу раз – не ныряй в запруду, это тебе не моря твои. Никогда не слушает.

Геля сквозь пелену вглядывалась в Володино лицо, а оно отдалялось, становилось маленьким, незнакомым. Он сидел на стуле у кровати и держал ее за руку, крепко, почти больно.

– Вов...пусти...рука затекла, – проныла Геля своим самым противным голосом, и удивилась, что лицо Вовки вдруг

просветлело. А ведь всегда обижался на этот тон.

– Ну что? Очунелась?

Тонкий, резкий голос за Вовкиной спиной резанул, но именно от него Геля окончательно пришла в себя, и увидела все четко, словно проявилась мутная пленка.

– Руку давай, колоть буду, – медсестра, быстрая, верткая вцепилась ледяными пальцами в Гелину руку и больно воткнул иглу, – Везучая. Другие помирают, а ты вон – румяная лежишь. А мужик у тебя... С ума сойти! Неделю к стулу как приклеенный. Бывает же.

Геля вдруг все вспомнила. И понимание того, что случилось, заставило ее зажмуриться, сильно, до ломоты в глазах

– Гель... все обойдется. У нас жизнь впереди, держись, маленький.

Холод внутри, который откуда не возьмись взялся, закрутился облаком где-то у сердца, выстудил и успокоил. Она смотрела в Володино лицо и думала:

– Кормить надо, похудел. И плачет. Надо же... Никогда не видела, как он плачет. Некрасиво. Как пёс...

– Кто был, Вов? Мальчик? Девочка? – Она со стороны слушала свой спокойный, незнакомый голос.

– Не знаю, Гельчонок. Не знаю, – Володино лицо покраснело, он отвернулся, пряча враз набрякшие глаза и хрипло сказал в сторону, – Я сейчас, на минутку, – и вышел в коридор, сторбившись, как старик.

Медсестра, возившаяся в углу с громоздкой капельницей,

бросила.

– Парни у тебя были. Двойня. Главное сама жива. Еще родишь.

Геля спокойно посмотрела на неё и отвернулась к стене...

***

– Я-то сделаю, отговорю тоску. А ты сама дале, без тебя не выйдет ничего, ты вон синяя аж.

– Сделай, Рай. Я не верю в это, но сделай. Богом прошу.

– А ты и не верь, зачем тебе верить? Тебе и не надо.

Свечи, льющаяся вода, звуки и запахи гари и чего-то ещё, сладкого, сначала для Гели казались сном, но постепенно все прояснялось. Холод спасительный и щадящий вдруг начал таять и на его месте возникла, сжала, стянула щемящая боль. Такая огромная, что не поместилась внутри и выплеснулась волной обжигающих и освобождающих слез.

***

– Осень опять. Красиво...

Геля смотрела в окно на подросшие деревья, посаженные Вовкой, они были ярко-желтыми и красно-огненными. Наконец, все успокоились, разобрали вещи. Вовка включил футбол, Ирка возилась с портфелем.

– Завтра в школу... Господи! Как же я туда хочу!

Она встала, достала чемодан с антресолей, запихнула туда Борькины вещи, открыла окно. И аккуратно, стараясь не повредить кусты, выбросила его на асфальт.